

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2014

ISSN 0131-2812

Итоги визита Президента России
В.В. Путина в Китай

●
Диалог М.Л. Титаренко
с Юй Кэпином

●
КНДР при Ким Чэн Ыне

●
Экономика Шэньчжэня
в последние годы

●
КНР: изменение политики
«одна семья — один ребенок»

●
О популяризации русской и
советской литературы в Китае

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2014

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор **В.Я. Портяков** (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., Л.М. Гудошников, д.ю.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н. (*зам. главного редактора*), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С.Тихонов (*ответственный секретарь*).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Г.П. Манча *редактор*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан мл. *редактор*

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 4

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- М. Титаренко.* Об особенностях трансформации Китая и России (Диалог с Юй Кэпином) 12
- Н. Мамаева.* Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг. 30

ПОЛИТИКА

- А. Жебин.* КНДР: несменяемый вектор 46
- А. Данилов.* Китай и Арктика 67

ЭКОНОМИКА

- В. Портяков.* Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР 75
- Вэй Лянь.* «Сямэньская модель»: об опыте формирования системы социального жилья в Китае 83
- В. Балакин.* Китайско-индийские противоречия по проблемам азиатской интеграции 88

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- О. Почагина.* Изменение политики «одна семья – один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты 94

ИСТОРИЯ

- С. Гончаров.* Интервью с И.В. Ковалевым: две трактовки фактов истории 107
- О. Емельянова, Д. Щербаков.* Роль стран Азии в развитии внешней торговли и экономического роста Японии в XVIII – XIX вв. 125
- А. Шарафетдинова.* Установление американо-корейских дипломатических отношений (1872–1885). Миссия Шуфельдта 137
- Л. Переломов.* Место эпохи Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) в судьбе китайской нации 150

КУЛЬТУРА

- Цао Чжундэ, Ду Минцзин.* Строители литературного моста – о популяризации русской и советской литературы в Китае 153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С. Уянаев.</i> Третий индийско-российский диалог «За мир и региональную безопасность»	160
<i>О. Казаков.</i> О конференции «Япония в поисках новой глобальной роли»	166
Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за первое полугодие 2014 г.	174

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Ломанов.</i> Ху Аньган. Мозговые центры нового типа с китайской спецификой: взгляд Ху Аньгана	176
<i>А. Волохова.</i> Кузнецов Д.В. Китай в зеркале общественного мнения	180
<i>Е. Иконникова, Т. Павлова.</i> Высоков М.С., Ищенко М.И. Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России»	182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Владимира Александровича Гринюка	185
Contents	188
Summary	189

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина Президент Российской Федерации В.В.Путин 20 мая 2014 года посетил Китайскую Народную Республику с официальным визитом. В Шанхае состоялись переговоры глав государств.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, заявляют о нижеследующем.

I

Отношения между Россией и Китаем в результате совместных целенаправленных усилий вышли на новый этап всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Стороны намерены поддерживать и углублять стратегический доверительный диалог на высшем и высоком уровне, повышать эффективность действующих и по необходимости создавать новые механизмы двустороннего межправительственного, межпарламентского, межведомственного, межрегионального сотрудничества, обеспечивать возрастающую отдачу от динамично развивающихся по всем направлениям практических связей, обменов по гуманитарной и общественной линии, усиливать тесную координацию действий во внешнеполитической сфере. Это будет способствовать успеху проводимых в России и Китае масштабных экономических преобразований, росту благосостояния народов двух стран, усилению позиций и влияния Сторон на международной арене в интересах становления более справедливого и рационального мирового порядка.

Неуклонно придерживаясь положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, Стороны продолжают оказывать друг другу твердую поддержку в вопросах, затрагивающих их коренные интересы, в том числе в обеспечении суверенитета, территориальной целостности и безопасности. Они выступают против любых попыток и способов вмешательства во внутренние дела, за твердое соблюдение основополагающих положений международного права, закрепленных в Уставе ООН, безусловное уважение права партнера на самостоятельный выбор пути развития, сохранение и отстаивание собственных культурно-исторических, нравственных и моральных ценностей.

Россия и Китай проведут совместные мероприятия в ознаменование 70-летия Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом на европейском и азиатском театрах военных действий Второй мировой войны, продолжат решительное противодействие попыткам фальсификации истории и подрыва послевоенного миропорядка.

II

Стороны намерены предпринять новые шаги для повышения уровня и расширения сфер российско-китайского практического сотрудничества:

- налаживать тесное взаимодействие в финансовой сфере, включая увеличение объемов прямых расчетов в национальных валютах России и Китая в торговле, инвестициях и кредитовании, углубление диалога по вопросам макроэкономической политики;

- не ослабляя усилий по увеличению объема двустороннего товарооборота до 100 млрд долларов США к 2015 году и до 200 млрд долларов США к 2020 году, последовательно реализуя договоренности, зафиксированные в межправительственном Меморандуме о сотрудничестве в области модернизации экономики, обеспечить большую сбалансированность и улучшение структуры взаимной торговли, стимулировать существенный рост взаимных капиталовложений, в том числе в объекты транспортной инфраструктуры, комплексное освоение месторождений полезных ископаемых, строительство жилья экономического класса на территории России;

- укреплять всеобъемлющее российско-китайское энергетическое партнерство, содействовать дальнейшему углублению комплексного сотрудничества в нефтяной области, скорейшему началу поставок российского природного газа в Китай, расширению взаимодействия в угольной сфере, в том числе путем освоения месторождений в России и развития транспортной инфраструктуры, активно прорабатывать проекты строительства новых объектов электрогенерации в России для наращивания экспорта электроэнергии в Китай;

- повышать эффективность кооперации в высокотехнологичных секторах, развивать взаимодействие в осуществлении приоритетных проектов в области мирного использования атомной энергии, гражданской авиатехники, по программам сотрудничества в сфере фундаментальных космических исследований, дистанционного зондирования Земли, спутниковой навигации, изучения дальнего космоса и пилотируемой космонавтики;

- углублять связи в области науки и техники, прежде всего путем совместных перспективных разработок, предполагающих равнозначный финансовый и научно-технический вклад, полный инновационный цикл, надежную защиту прав интеллектуальной собственности;

- реализовать проекты взаимовыгодной производственной кооперации в сферах фармацевтики, медицинской техники, химической, деревообрабатывающей промышленности, судостроения, транспортного машиностроения, цветной металлургии;

- расширять сотрудничество в области сельского хозяйства, улучшая условия для торговли сельхозпродукцией и инвестиций в области агропромышленного комплекса, поддерживая взаимодействие сельскохозяйственных предприятий двух стран;

- активно развивать межрегиональное сотрудничество, расширив географию, сферы этого сотрудничества, совершенствуя его механизмы, содействуя переводу связей на плановую, регулярную основу, усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры, включая строительство мостовых переходов Нижнеленинское — Тунцзян и Благовещенск — Хэйхэ, улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути;

- обеспечить интенсификацию гуманитарных обменов, прежде всего путем осуществления Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, а также успешного проведения в 2014–2015 годах мероприятий в рамках Годов дружественных молодежных обменов;

- продолжить конструктивное взаимодействие по вопросам охраны и рационального использования трансграничных водных ресурсов, повышения качества их вод, борьбы со стихийными бедствиями и оперативной ликвидации их последствий, сохранения биоразнообразия, создания трансграничных особо охраняемых природных территорий;

- задействуя возможности Совместной Российско-Китайской Комиссии по границе и других механизмов, углублять сотрудничество по вопросам границы, в том числе по проведению первой совместной проверки линии прохождения границы, а также по регулированию ситуации на пограничных реках, борьбе с трансграничной преступностью.

Стороны высказались в поддержку мер по совершенствованию механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая, включая создание на уровне вице-премьеров Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству и Российско-Китайской группы высокого уровня по контролю за реализацией стратегических проектов экономического сотрудничества, а также профильных рабочих групп в сфере энергетики.

III

1. Стороны едины в том, что в современном мире неуклонно усиливается взаимозависимость стран и народов, взаимопроникновение экономик и культур различных государств. Международная повестка дня формируется в значительной степени под влиянием таких факторов, как усложнение и возрастающая изменчивость ситуации в мире, обострение глобальной конкуренции и соперничества.

Стороны подчеркивают необходимость уважать историческое наследие стран, их культурные традиции и самостоятельно выбранный общественно-политический строй, систему ценностей и пути развития; противостоять вмешательству во внутренние дела других государств, отказаться от языка односторонних санкций, от организации, помощи, финансирования или поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства или его вовлечение в какое-либо многостороннее объединение или союз; сохранять стабильность международных отношений, мир и безопасность на региональном и глобальном уровнях, урегулировать кризисные ситуации и споры, бороться с терроризмом и трансграничной преступностью, противодействовать распространению оружия массового уничтожения (ОМУ).

Сохраняется необходимость реформирования международной финансово-экономической архитектуры, ее перенастройки под нужды реальной экономики, расширения представительства и права голоса в системе глобального экономического управления государств с формирующимися рынками и развивающихся государств в целях восстановления доверия к этой системе.

2. Стороны поддерживают центральную роль ООН в защите мира во всем мире, в содействии всеобщему развитию и международному сотрудничеству и единодушно считают, что усиление ключевой роли ООН в международных делах и ее Совета Безопасности как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, соответствует общим интересам мирового сообщества. Они призывают все государства — члены ООН неукоснительно соблюдать и не допускать ревизии или произвольного толкования Устава ООН и общепринятых принципов и норм международного права. Стороны поддерживают проведение справедливой и необходимой реформы Совета Безопасности, с тем чтобы он еще эффективнее исполнял функции, возложенные на него Уставом ООН. В рамках межправительственных пере-

говоров по реформе Совета Безопасности ООН необходимо сформировать проект «пакетного» решения вопроса реформы и достичь максимально широкого консенсуса. Стороны выступают против установки временных ограничений и навязывания незрелых проектов реформы.

3. Стороны выступают за дальнейшее укрепление центральной координирующей роли ООН в борьбе с международным терроризмом в любых формах и проявлениях, транснациональной организованной преступностью, коррупцией, угрозами в сфере использования информационно-коммуникационных технологий и другими вызовами кризисного характера.

4. Стороны выступают за обеспечение безопасности космической деятельности, мирное использование космоса, предотвращение размещения там оружия, приложат усилия для скорейшего начала на Конференции по разоружению в Женеве переговоров по заключению международного договора на основе внесенного Россией и Китаем проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов международного договора, рассматривая это как один из приоритетов мирового сообщества. Имея в виду достижение данной цели, Россия и Китай выступают против размещения оружия в космосе и призывают все космические державы следовать этой политике.

Россия и Китай заинтересованы в дальнейшем укреплении сотрудничества по представляющим взаимный интерес темам в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях, в частности по актуальным вопросам его текущей повестки дня, таким как обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности.

Стороны выражают обеспокоенность использованием информационно-коммуникационных технологий вразрез с задачами поддержания международной стабильности и безопасности, в ущерб государственному суверенитету и неприкосновенности частной жизни. Россия и Китай полагают необходимым, чтобы мировое сообщество на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды осуществляло сотрудничество в данной сфере, совместными усилиями противодействовало угрозам информационной безопасности, и призывают разработать универсальные правила поведения в информационном пространстве, твердо придерживаться принципов многосторонности, демократии и транспарентности, интернационализации системы управления Интернетом, сформировать мирную, безопасную, открытую, партнерскую информационную среду.

5. Стороны твердо придерживаются принципов и целей Рамочной конвенции ООН об изменении климата, готовы вносить вклад в укрепление международного сотрудничества и совместное противодействие вызовам в связи с глобальным изменением климата.

6. Стороны продолжают сотрудничество в поощрении и развитии уважения к правам человека в целях обеспечения равного внимания мирового сообщества к гражданским, политическим, экономическим, социальным, культурным правам и к праву на развитие; уважения культурного и цивилизационного разнообразия, традиционных ценностей и различных моделей развития при продвижении прав человека; стимулирования решения вопросов прав человека путем взаимодействия и конструктивного диалога; противодействия политизации международного сотрудничества в данной сфере, а также навязыванию стандартов, присущих отдельным государствам или группе государств, под видом общемировых.

7. Россия и Китай как государства с многовековыми культурно-цивилизационными и историческими традициями намерены всемерно способствовать продвижению в глобальном масштабе, в том числе под эгидой ООН, диалога культур и цивилизаций.

Стороны будут углублять сотрудничество и защищать общие интересы в сфере международного развития, усиливать координацию и взаимодействие в процессе разработки повестки дня в области развития после 2015 года.

8. Стороны последовательно отстаивают принцип неделимости безопасности в международных отношениях. Односторонние действия по развитию системы глобальной противоракетной обороны дестабилизируют международную обстановку и могут нанести ущерб глобальной стратегической стабильности и международной безопасности. Противодействие распространению баллистических ракет и ракетных технологий необходимо осуществлять совместными политико-дипломатическими усилиями всех заинтересованных государств, не пытаясь обеспечить собственную безопасность и безопасность группы государств за счет безопасности других.

9. Стороны, поддерживая суверенитет, единство и территориальную целостность Сирии, выступают за прекращение насилия и урегулирование сирийского кризиса исключительно политико-дипломатическими средствами, скорейшее возобновление прямого межсирийского диалога на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, считают недопустимыми любые попытки внешнего силового вмешательства в Сирии.

Россия и Китай поддерживают усилия сирийского правительства и мирового сообщества, направленные на успешное завершение процесса ликвидации сирийского химического оружия. выражают глубокую озабоченность гуманитарной ситуацией в Сирии и призывают к комплексному недискриминационному и деполитизированному подходу к скорейшему решению гуманитарных проблем Сирии и сирийских беженцев за рубежом при соблюдении норм международного гуманитарного права.

10. Стороны исходят из того, что огромное значение для укрепления безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ликвидации в этом регионе серьезного источника нестабильности и создания благоприятных условий для развития, благополучия и взаимодействия между всеми его народами будет иметь достижение всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования палестино-израильского и арабо-израильского конфликтов на международно признанной правовой основе и по результатам договоренностей, достигнутых в ходе палестино-израильских переговоров.

11. Стороны подтверждают, что обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове, его денуклеаризация, решение проблем путем диалога и консультаций соответствует общим интересам всех заинтересованных сторон и крайне важно для поддержания мира, стабильности и безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Россия и Китай исходят из того, что шестисторонние переговоры представляют собой единственный эффективный путь разрешения ядерной проблемы Корейского полуострова, и выражают надежду, что все стороны будут двигаться в одном направлении, способствовать региональному миру и стабильности, прилагать совместные усилия для возобновления шестисторонних переговоров, достижения прочного мира и спокойствия на Корейском полуострове.

12. Стороны выразили общую озабоченность в связи с неурегулированностью ядерной проблемы Корейского полуострова, а также сохраняющейся в субрегионе военно-политической напряженностью, и подчеркнули необходимость принятия всеми сторонами действенных мер по ее ослаблению. Стороны едины в том, что силовым сценариям не должно быть места в субрегионе, все существующие проблемы нужно решать за столом переговоров. Достигнута договоренность осуществлять координацию и тесное взаимодействие в интересах формирования в СВА эффективных институтов мира и безопасности.

13. Стороны с удовлетворением отмечают продолжение реализации «Совместного плана действий» в целях урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы, представляющего собой сбалансированный перечень мер и обязательств, и призыва-

ют все стороны, участвующие в процессе, продолжать поиск компромиссов, воздерживаться от действий, способных негативно отразиться на ходе переговоров по всеобъемлющему соглашению.

14. Стороны внимательно следят за развитием ситуации в Афганистане и выступают за его скорейшее становление в качестве мирного, стабильного, экономически процветающего государства, свободного от терроризма и наркотиков. Стороны подтверждают поддержку усилий по национальному примирению, возглавляемому и проводимому самими афганцами, надеются на достижение в Афганистане скорейшего всеохватывающего мирного урегулирования и призывают вовлеченные группировки Афганистана отказаться от насилия, разорвать связи с террористическими организациями и признать Конституцию Исламской Республики Афганистан.

Россия и Китай считают, что увеличение масштабов производства наркотиков в Афганистане несет серьезную угрозу миру и стабильности в этой стране и в мире в целом, и указывают на необходимость дальнейшей консолидации усилий мирового сообщества в борьбе с афганским наркотрафиком, в том числе на региональном уровне. Стороны подтверждают приверженность сохранению и укреплению международной системы контроля над наркотиками, основанной на соответствующих базовых конвенциях ООН.

Россия и Китай отмечают важное значение проходящих президентских и провинциальных выборов, которые стали возможными благодаря усилиям правительства Афганистана при поддержке мирового сообщества, и призывают уважать волеизъявление афганского народа.

15. Стороны выражают серьезную озабоченность в связи с продолжающимся внутривнутриполитическим кризисом на Украине. Россия и Китай призывают к деэскалации конфликта в этой стране, проявлению сдержанности, к поиску мирных, политических путей решения имеющихся проблем. Стороны призывают все регионы и общественно-политические группы Украины вступить в широкий национальный диалог, совместно разработать концепцию дальнейшего конституционного развития государства, предусматривающую полное соблюдение общепризнанных прав и свобод граждан.

16. Стороны выступают за многосторонние усилия по развитию сетевой дипломатии, предполагающей создание гибких структур в интересах партнерского взаимодействия в международных делах. Эффективными механизмами уже зарекомендовали себя такие форумы, как «Группа двадцати», БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Россия — Индия — Китай и другие.

17. Стороны, рассматривая «Группу двадцати» как главный форум международного экономического сотрудничества, намерены прилагать активные усилия для укрепления этого объединения и повышения эффективности его деятельности, последовательно реализовывать решения Санкт-Петербургского саммита.

18. Стороны, приветствуя успешное развитие БРИКС и рост влияния объединения на международной арене, полагают, что ключевой задачей на современном этапе является развертывание многостороннего сотрудничества государств — участников БРИКС и обеспечение их важной роли в механизмах глобального экономического управления.

Россия и Китай выступают за трансформацию БРИКС в механизм сотрудничества и координации по широкому спектру глобальных финансово-экономических и международно-политических проблем, включая установление более тесного экономического партнерства, скорейшее создание в рамках БРИКС Банка развития и формирование пула валютных резервов; за расширение совместными усилиями представительства и права голоса государств с формирующимися рынками и развивающихся государств в системе глобального экономического управления, за формирование открытой мировой экономики; за углубление сотрудничества в сфере внешней политики, в том числе в урегулирова-

нии региональных конфликтов, нераспространении ОМУ, борьбе с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, защите международной информационной безопасности, поддержании космической безопасности, обеспечении прав человека и по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Стороны рассматривают взаимодействие России, Индии и Китая как важный фактор обеспечения безопасности и стабильности в мире и регионе. Россия и Китай будут и далее прилагать усилия по укреплению в трехстороннем формате стратегического диалога в целях повышения взаимного доверия, выработки единых позиций по актуальным региональным и глобальным вопросам, продвижения практического взаимовыгодного сотрудничества.

19. Стороны придают особое значение совместной работе в рамках ШОС по таким направлениям, как борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, контрабандой оружия, незаконным оборотом наркотиков и трансграничной организованной преступностью, обеспечение международной информационной безопасности, и считают необходимым создание на основе Региональной антитеррористической структуры ШОС универсального Центра ШОС по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов, а в качестве первого шага — наделение Региональной антитеррористической структуры ШОС функциями по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Россия и Китай считают приоритетной задачей дальнейшее развитие регионального экономического сотрудничества, улучшение инвестиционного климата государств — членов ШОС и укрепление связей между деловыми кругами. Стороны подтверждают приверженность принципу открытости ШОС, выражают готовность продолжать активную работу по созданию правовой базы для расширения Организации.

20. Стороны считают, что процессы интеграционного сотрудничества в Евразии играют важную роль в обеспечении экономического развития, укреплении безопасности и стабильности, способствуют формированию в регионе общего экономического и гуманитарного пространства без разделительных линий.

Стороны выражают уверенность в том, что планируемое создание с 1 января 2015 года Евразийского экономического союза будет способствовать укреплению стабильности в регионе и дальнейшему углублению двустороннего взаимовыгодного взаимодействия. Стороны подчеркивают важность взаимодополняемости интеграционных процессов в Азии, на евразийском пространстве, а также в Европе.

21. Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации. Стороны продолжат поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза. В этих целях они намерены и дальше углублять сотрудничество между компетентными ведомствами двух стран, в том числе для осуществления совместных проектов по развитию транспортного сообщения и инфраструктуры в регионе.

22. Стороны убеждены в том, что в свете растущего потенциала АТР в международных делах императивом является формирование всеобъемлющей и транспарентной архитектуры равной и неделимой безопасности, сотрудничества и устойчивого развития при учете законных интересов всех государств региона и соблюдении норм и принципов международного права.

Россия и Китай будут и далее углублять взаимодействие в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН по безопасности и других многосторонних механизмов диалога и сотрудничества в регионе. Они будут наращивать усилия по укреплению роли ВАС как платформы для стратегического диалога лидеров государств региона.

23. Стороны рассматривают форум АТЭС как эффективный механизм продвижения региональной экономической интеграции на основе принципов открытости, равноправия, взаимной выгоды и учета потребностей каждой экономики. Стороны договорились продолжить координацию шагов в рамках АТЭС в целях обеспечения экономического роста и процветания в АТР. Россия намерена оказывать Китаю всемерную поддержку в целях успешного проведения в 2014 году саммита АТЭС и в тесном контакте с Китаем содействовать достижению позитивных практических результатов саммита в таких важных сферах, как продвижение региональной экономической интеграции, стимулирование экономического и инновационного развития, реформ и роста, активизация строительства инфраструктуры и установления взаимосвязанности во всех областях.

24. Стороны намерены углублять сотрудничество по линии Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), которое утверждается как эффективный механизм диалога по вопросам обеспечения мира и безопасности в регионе. Российская Сторона приветствует переход председательства в СВМДА к Китаю на 2014–2016 годы и уверена, что это придаст серьезный импульс дальнейшему развитию сотрудничества в реализации мер доверия по всем направлениям. Стороны, опираясь на конструктивный характер российско-китайского взаимодействия, будут и впредь тесно координировать позиции в рамках СВМДА и продвигать согласованные подходы в сфере построения архитектуры безопасности и обеспечения устойчивого развития в АТР.

25. Стороны рассматривают форум «Азия — Европа» (АСЕМ) в качестве важной площадки для содействия политическому диалогу, экономическому сотрудничеству, взаимодействию в социально-гуманитарной и других сферах между Азией и Европой и намерены углублять взаимодействие в целях повышения эффективности АСЕМ.

* * *

Установленные Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой межгосударственные отношения нового типа имеют широкую перспективу дальнейшего динамичного развития. Выход всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия на еще более высокий уровень станет ключевым фактором обеспечения жизненных интересов Сторон в XXI веке, формирования справедливого, гармоничного, безопасного мироустройства.

Шанхай, 20 мая 2014 года

Российское китаеведение

Об особенностях трансформации Китая и России

У этой публикации весьма любопытная предыстория. В № 1 нашего журнала за 2013 г. был напечатан диалог известного китайского политолога, профессора Юй Кэпина с его американским коллегой, видным философом, профессором Фрэнсисом Фукуямой, посвященный проблемам глобализации современного мира и месту в нем т.н. «китайской модели развития». Инициатором этой публикации в «Проблемах Дальнего Востока» выступила китайская сторона.

Редколлегии и редакции ПДВ диалог показался интересным и содержательным, дающим ответы на некоторые острые вопросы современной истории и политики. У нас зародилась идея организовать аналогичный обмен мнениями, но уже с участием представителя российской стороны. По нашему представлению, его тематика могла бы касаться наиболее актуальных вопросов, связанных с процессами, происходящими в России и Китае — двух крупнейших странах мира, совершающих переход от одной модели развития к другой. При этом возможность выбора конкретных вопросов для обсуждения была предоставлена китайской стороне.

В качестве участника со стороны России и партнера Юй Кэпина по диалогу был приглашен виднейший российский китаевед, директор Института Дальнего Востока Российской академии наук, академик РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации Михаил Леонтьевич Титаренко.

Редакция выражает глубокую признательность и благодарность участникам диалога, а также благодарит российского эксперта Бюро переводов ЦК КПК Ольгу Владимировну Мизунову, одного из его организаторов и авторов перевода с китайского языка части этого материала.

Вопрос 1. Если иметь в виду исторические перипетии государственного строительства в Китае и России, то очевидно, что начиная с периода нового времени в обеих странах не раз возникали целые движения, ратовавшие за учебу у Запада. Каким был исторический фон у таких движений, если брать желание учиться у Запада, так сказать, само по себе, какими очевидными особенностями отличалась такая учеба, и можно ли говорить о наличии неких ее пределов?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Что касается процесса государственного строительства в Китае и России в наше время и оценки отношения и использования опыта стран Запада в наших странах, то я полагаю необходимым сделать следующие предварительные замечания, чтобы мой ответ на поставленный вопрос воспринимался правильно.

Прежде всего, хотелось бы указать на необходимость учитывать различия исходных позиций современного государственного строительства (state-building) в Китае и Рос-

сии. Во-первых, нынешняя российская государственность возникла после распада Советского Союза на территории бывшей РСФСР — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и включения в состав ее населения и недвижимости, находившихся в границах, установленных законами СССР. Хотя по территории РФ составляла более 2/3 просторов СССР (более 17 млн кв. км), но по численности населения она в два раза меньше Советского Союза.

Второе. РФ выступила правопреемницей международных политических, финансовых, военных, экономических, гуманитарных и иных обязательств Советского Союза. В этой связи РФ была признана правопреемником места СССР в ООН в статусе постоянного члена Совета Безопасности и во всех других международных организациях.

В-третьих, РФ сохранила дипломатические и иные сношения со всеми странами и организациями, с которыми поддерживал связи СССР.

В-четвертых, в отличие от других 14 братских союзных республик, входивших в СССР, все бремя экономических, весьма значительных обязательств, финансовых долгов и других обязательств Советского Союза перед другими странами и международными организациями Российская Федерация великодушно взяла на себя.

В-пятых, РФ выступила также единственным правопреемником, обладателем ракетно-ядерного и космического потенциала Советского Союза и исполнителем прав и обязанностей по соответствующим договорам, касающихся контроля за ракетно-ядерным оружием, контроля за его нераспространением и т.д. При этом РФ понесла немалые расходы по выводу, перемещению ракетно-ядерного оружия с территорий других союзных республик СССР, ставших суверенными государствами и объявивших о своем безъядерном статусе. Все это потребовало огромных материальных затрат со стороны РФ и дополнительных обязательств в отношении своих партнеров.

Наконец, следует назвать еще один фактор, который возник после распада СССР, а именно то, что русский народ, составлявший более 82% населения СССР, после его распада превратился в крупнейшую в мире расколотую нацию. Ибо более 25 млн русских оказались в одночасье за границей, оторванными от своей исторической и цивилизационной Родины — России.

Многие зарубежные политики, рассматривая проблемы России, не учитывают или игнорируют эту проблему, которая, как показала политика геноцида и дискриминации в отношении русских и их культуры, проводимая «новыми властями» ряда суверенных государств в угоду своим западным и американским покровителям, например, в странах Прибалтики, превратилась в кровоточащую рану России. Самый последний пример этому — события на Украине, крымский плебесцит, в итоге которого 97% населения Крыма потребовали возвращения домой, т.е. воссоединения с Россией. Россия, в свою очередь, не могла ни юридически, ни исторически, ни нравственно не услышать и не реагировать на это вопиющее отношение своих соотечественников, своих братьев и по духу, и по крови.

Безусловно, фактор воссоединения Крыма — это очень существенный и принципиально важный компонент государственного строительства России как с точки зрения внутренней политики, так и международно-правовых отношений.

Ключевое значение для корректного сопоставления и восприятия опыта госстроительства в Китае и России и их подходов к изучению опыта западных стран имеют также следующие важные обстоятельства.

Первое. Само развитие России и Китая в политическом, социально-культурном, экономическом планах идет по разнонаправленным траекториям.

Нынешняя РФ стала хотя и огромной, но лишь частью бывшей могучей во всех отношениях сверхдержавы — Советского Союза, павшего под бременем сверхобязательств внутреннего и внешнего плана, внутреннего кризиса доверия, порожденных ошибками высшего руководства КПСС и СССР и мощными интригами внешних врагов в сотрудничестве с выпестованной десятилетиями «пятой колонной».

Россия получила огромную территорию – более 17 млн кв. км, но лишь половину населения бывшего СССР — 145 млн человек, т.е. примерно в 10 раз меньше населения, чем в Китае, при территории почти вдвое большей, чем у КНР. При этом нужно учесть, что почти 70% этой территории, обладающей значительными разнообразными природными ресурсами, тем не менее, не пригодны для постоянной комфортной жизни человека, или относятся к зоне рискованного земледелия.

Второе. Развитие Китая после образования КНР в 1949 году в социально-экономическом плане идет в рамках единой, постоянно развивающейся, совершенствующейся социально-экономической социалистической системы — от развития с использованием советской социалистической модели через драматические эксперименты политики «большого скачка», «народных коммун», а затем потрясений «великой пролетарской культурной революции» к пробуждению, восхождению и подъему на основе политики всеобъемлющих экономических реформ и открытости, строительству «социализма с китайской спецификой», реализации великой мечты о возрождении Китая.

В отличие от этой привлекательной картины мирного подъема Китая разговоры и декларации о «возрождении России» после распада СССР в 1991 году, о реформе, о подъеме Сибири и Дальнего Востока идут на фоне физических, цивилизационных и нравственных развалин великой страны, дискредитаций великой мечты и идей справедливости, на фоне унижений и дискриминационного отношения со стороны т.н. победителей в «холодной войне», которые вместе с либералами и многочисленной «пятой колонной» творят тризну победителей на теле поверженной державы.

От граждан России потребовалась колоссальная выдержка, терпение, вера в правоту своего дела, чтобы устоять в этом бешеном демоническом вихре, не дать себя сметти громадным цунами западного либерализма, облаченного в одеяния демократии, прав человека и т.д. и т.п.

Русский народ и другие братские народы нашей страны, хотя и понесли после 1991 г. тяжелые физические, духовные, нравственные потери, но в целом выстояли. Хотя население России сократилось за эти лихие, мрачные 1990-е годы более чем на 10 млн человек, хотя Россия потеряла основные выходы к теплым морям, за которые она столетиями боролась, хотя ее культурное наследие несколько оскудело, хотя ее культурно-цивилизационная идентичность под мощными и всеохватывающими ударами агрессивного евроцентризма и громадного давления либеральной вестернизации оказалась заметно размытой, цивилизационный обруч великой русской культуры, объединяющий страну, был ослаблен и покрыт ржавчиной, тем не менее Россия как единое суверенное государство устояла. Вопреки русофобским прогнозам западных политиков и их российских адептов Россия не распалась. Наоборот, ее федеративное государственное устройство усовершенствовалось и укрепилось. Политика президента В.В.Путина, начиная с первых лет нового столетия, позволила остановить и прекратить вакханалию региональных суверенитетов, унифицировать правовые основы страны, на единых принципах Конституции РФ создать цивилизованную, отвечающую месту и времени единую демократическую вертикаль федеральной власти. Ныне она, включая новые субъекты федерации — Республику Крым и Севастополь, объединяет 85 субъектов РФ, которые находятся под административным патронажем постоянных представителей президента в шести федеральных округах.

Одновременно в ходе потрясений 1990-х годов в России, как и в других бывших братских союзных республиках СССР, кроме Белоруссии, методом шоковой терапии прошла смена социально-экономического строя. Социалистическая система СССР была дискредитирована и разрушена, на ее месте сначала утвердился и существовал до начала 2000-х годов олигархо-капиталистический строй, который заимствовал худшие образцы западного либерализма.

В 90-е годы XX века во внешней и внутренней политике России под присмотром десятков тысяч американских и западноевропейских советников, «эффективных менеджеров» доминировало слепое копирование западно-европейских и американских матриц создания структур хозяйственного и административного управления, структур государственных органов, навязывались западный образ жизни, западная система культурных, нравственно-правовых и других ценностей.

Конституция России, структура законодательной и исполнительной власти сверху до низу — все это пропитано заимствованными из конституций США, Франции и Германии правовыми нормами, которые далеко не всегда соответствуют традициям и ценностям российской культуры. Лишь высшие парламентские органы вместо советских наименований получили вывески времен конца царской России — «Государственная дума», а на уровне регионов появились экзотические переименования местных органов — «префектура», «округ» (как во Франции), «мэр», «префект» и т.д. и т.п.

Как известно, переход Китая на рельсы рыночной экономики, сочетание государственной собственности и частной собственности как равноправных субъектов экономической системы страны — все это также потребовало от Китая внимательного изучения опыта функционирования рынка и рыночных отношений в развитых капиталистических странах. Однако в отличие от России в Китае в целом это проходило не путем механического копирования, а путем китаизации зарубежного передового опыта, адаптации его к китайским специфическим условиям.

В России массовое заимствование западных моделей менеджмента, образа жизни, матрицы потребительского общества, западной системы демократии и правил работы госаппарата и деловых взаимоотношений слепо осуществлялось методом административного давления.

В условиях, когда Россия усилиями США и их союзников по НАТО поставлена в положение «побежденной страны», объекта различных санкций и дискриминационных правил, она по необходимости должна искать и устанавливать партнерские отношения сотрудничества со странами, которые готовы и заинтересованы в развитии равноправных отношений сотрудничества и партнерства. Одной из таких стран с начала 1990-х годов и ныне выступает великий Китай. С учетом этого Россия и Китай на основе общности или близости коренных национальных интересов развития и обеспечения безопасности и территориальной целостности за последние 15 лет построили отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства.

Китаю, в отличие от России, благодаря политике мирного развития, реформ и открытости удалось создать с ведущими развитыми странами Запада, прежде всего с США, отношения мирного соперничества, диалога и экономической взаимозависимости и занять весьма благоприятные позиции бенефицианта глобализации. Благодаря политике открытости и целому ряду других факторов Китаю удалось максимально использовать возникшие шансы и новые сложившиеся правила экономических взаимоотношений, диктуемых глобализацией и интересами США, в интересах развития и модернизации своей страны.

Россия под давлением Запада, прежде всего блока НАТО, оказалась объектом эксплуатации глобализацией. Более того, все дискриминационные и конфронтационные меры и правила, которые ранее осуществлялись США и Западом в отношении СССР, были перенесены и применяются до сих пор в отношении РФ.

Мы надеемся, что патриоты Китая, сторонники самостоятельной и независимой политики, сохранения самобытности и цельности Китая понимают, что в стратегическом плане США и Запад проводят экспериментально в отношении России ту совокупность подрывных мер сдерживания и организации территориального и цивилизационного разложения страны, которые, весьма вероятно, в будущем намерены применить и в отношении Китая. Политику «разделяй и властвуй» наши страны могут нейтрализовать и сохра-

нить свой суверенитет и территориальную целостность, только укрепляя и последовательно проводя курс на всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и партнерство.

ЮЙ КЭПИН: Рассматривая пути китайской модернизации в исторической ретроспективе, следует признать, что дело действительно так и обстояло. Весь период истории, начиная с «движения за усвоение заморских дел» конца правления династии Цин и вплоть до современной политики реформ и открытости, по существу говоря, был периодом учебы у западных стран. «Движение за усвоение заморских дел» инициировало китайскую модернизацию и ознаменовало собой вступление страны на путь реформ. Тем самым было положено начало истории Китая нового времени. «Движение за усвоение заморских дел» («самоусиление») в переводе на английский язык звучит как «Westernization Movement», т.е. «движение вестернизации». Откуда такое непонятное на первый взгляд сближение «самоусиления» и «вестернизации»? В сущности, главная пружина современного государственного строительства — это процесс всесторонней модернизации страны. Развитые западные страны — пионеры и авангард модернизации, в этом отношении они впереди и Китая с Россией, и других стран. И Китай, и Россия относятся к странам «запаздывающего» развития, и если мы хотим идти по пути модернизации, то неизбежно надо учиться у передовой индустриальной западной цивилизации.

Объективно говоря, по преимуществу мировые цивилизации нового времени это индустриальные цивилизации, а индустриальная цивилизация это, по сути, порождение, главным образом, западных стран. Современные машины и механизмы, энергетика и энергоресурсы, химическая и фармацевтическая промышленность, коммуникации и т.д. — все это берет свое начало в западных странах. Если модернизацию узко определить как индустриализацию, то в силу самой своей сущности она неизбежно будет предполагать учебу у Запада передовой науке, технике и технологиям, индустриальному производству, системе управления. И в этом смысле, чем ближе мы к развитым западным странам, тем большему можем у них научиться, тем более современным и более прогрессивным имеет шанс стать общество. И наоборот, чем настойчивее мы упорствуем в своем нежелании учиться у западных стран и стремлении сохранять как можно больше традиционных вещей, тем скорость прогресса меньше, и тем более отсталым оно оказывается.

Однако в реальности далеко не все так однозначно. В процессе учебы у западной индустриальной цивилизации невозможно совсем избежать порой радикальных нестыковок. Причиной тому — наличие в основании индустриальной цивилизации западной культуры и ее механизмов, в корне отличных от восточной традиционной культуры с ее собственными механизмами и устройством. В силу этого фундаментального обстоятельства в процессе государственного строительства ни Китаю, ни России не удалось избежать двух коллизий. Первая из них по существу была культурным столкновением, а вторая — столкновением систем, или, что то же самое, столкновением интересов. В конечном счете, и в Китае, и в России эти две коллизии обнажили, соответственно, самую серьезную озабоченность, возникающую в ходе государственного строительства, а именно: как в процессе учебы у Запада и продвижения модернизации сохранить свою национальную независимость, т.е. не попасть под управление великих западных держав.

Приведу пример. Основная политическая линия, проводившаяся в Китае в течение всего периода новой истории, опиралась на две презумпции. Первая из них предполагала, что поскольку в экономическом и культурном отношении Китай был отсталым, то от этой отсталости необходимо избавиться, необходимо стать богатым государством, провести модернизацию, создать сильную армию. Вторая утверждала, что отсталость Китая стала причиной национального унижения, которое Китай претерпевал со стороны великих западных держав, и причиной его положения полуколонии. Согласно этой презумпции, Китаю было необходимо избавиться от контроля западных держав, а нации — стать независимой. Таким образом, модернизация и национальная независимость явились двумя главными задачами Китая периода новой истории. Коллизия «вестернизации» и «китаизации» оказыва-

лась естественным следствием двунаправленности линии исторического развития и двуединством великих задач, которые решались в ходе модернизации Китая.

Действительно, первая важнейшая задача Китая нового времени — изучение передового опыта индустриализации западных стран, ускоренная модернизация китайского общества. С другой стороны, не менее важной была задача достижения национальной независимости. Однако представляется принципиальным не просто зафиксировать очевидность конфликта между этими задачами, но и попытаться понять, как урегулировать отношения между «вестернизацией» и «китаизацией», или, выражаясь более конкретно, как эффективно учиться у Запада и в то же время сохранять независимость китайской нации. Этот вопрос все время не давал покоя китайской интеллигенции и китайским политикам нового времени. Как в условиях понимания того, что полуколониальное положение Китая явилось по большей части продуктом политики великих западных держав, и что китайская нация нуждалась в независимости от контроля и влияния этих держав, прийти к искомой независимости через модернизацию, возможную только на пути учебы у этих стран, [что предполагало признание их превосходства и новую, не менее фатальную форму зависимости от них]? Это специфически затруднительное положение приучило передовую интеллигенцию и политиков нового периода китайской истории постоянно сохранять бдительность: учась у Запада, ни при каких обстоятельствах не допускать контроля Запада над Китаем, и тем более — колониальной зависимости. Именно поэтому, опасаясь, что учеба у Запада чревата «вестернизацией» Китая, они так настоятельно подчеркивали, что в будущем западные вещи необходимо «китаизировать». Таким образом, важно понять: три различные политические системы периода новой истории Китая, олицетворенные правлением династии Цин, гоминьдановским правительством и политической властью КПК, — все они, когда дело касалось отношений «китаизации» и «вестернизации», по сути руководствовались общей логикой — рассматривали Китай как «основное», а западную цивилизацию как прикладное и, насколько возможно, «китаизированное». Эта логика в эпоху династии Цин называлась «*чжун ти си юн*» («китайская основа, западное использование»), в период правления Гоминьдана она называлась «*чжун го бэнь вэй*» («Китай — основное»), а сейчас мы говорим — «китайская специфика». Поэтому нетрудно понять, что когда в период новой истории Китая немало представителей интеллигенции из патриотических побуждений и во имя ускорения процесса модернизации Китая выступали сторонниками учебы у Запада абсолютно во всем или чрезмерно преклонялись перед ним, практические последствия этого в большинстве случаев оказывались обратными: сами эти патриоты могли подвергаться суровой критике и, более того, — быть заклеены общественным мнением как «предатели родины».

Вопрос 2. XX век в России и в Китае ознаменовался, хотя и в разное время, коммунистическими революциями. Какую роль коммунистические революции сыграли в государственном строительстве двух стран с исторической точки зрения? Почему коммунистические революции свершились в таких «отсталых» странах, как Россия и Китай? Какое сходство и какие различия имели они в наших двух странах?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Что касается этого вопроса, то здесь произошло некоторое смещение объектов рассмотрения и неточное употребление понятий и характеристик исторических событий.

Да, в начале XX века в царской России произошло в короткий исторический период три революции. Октябрьскую революцию 1917 года впоследствии именовали «Великой, социалистической». Эта революция, как и французская революция XVIII века, потрясла мир и определила основное направление развития всего XX столетия. О ее громадном влиянии на судьбу мира и последующий революционный выбор Китаем своего пути, борьбы за возрождение и освобождение неоднократно говорил Мао Цзэдун, другие выдающиеся деятели Китая. Но эту революцию называть «коммунистической» в научном, а не в пропагандистском, обыденном смысле этого понятия нельзя. Да и в социалистиче-

ском смысле, т.е. в смысле начальной ступени коммунистической формации, эта революция ни в России, а тем более в Китае так именоваться и быть таковой просто не могла. Не могла потому, что с точки зрения научной теории применительно к понятиям «коммунизм» и «социализм» эти революции выдвинули лозунги и цели, опережающие на многие десятилетия реальные социально-экономические, культурные и нравственные условия и качество человеческого материала, героически свершившего эти революционные акты. Если быть реалистами, придерживаясь достоверных фактов, т.е., как говорят в Китае, придерживаясь принципа «ши ши цю ши», то определение «коммунистический» не применимо ни в том, ни в другом случае. «Коммунистическая» революция в России и тот длительный драматический процесс, включающий национальную, антиимпериалистическую, антифеодальную гражданскую борьбу и длительную антияпонскую войну за национальное освобождение и суверенитет, все это, почему-то называемое «коммунистической революцией», таковой по своей сути не было и не могло быть. Прекрасные идеи о равноправии и процветании, идеи о возрождении наших стран, мечты о счастливой жизни, которые в сознании борцов против царского деспотизма, жестокой несправедливости, угнетения, нищеты, после гражданской войны брата с братом — все это отождествлялось с идеалами социализма и коммунизма, которые эффективно использовали как мобилизующие идеи передовых представителей русского и китайского народов, объединенных в авангардные организации — коммунистические партии. Так социалистический и коммунистический идеал и великая мечта народа, для претворения которых в жизнь и России, и Китаю предстояло и предстоит преодолеть миллионы препятствий, в корне переделать себя, сознание своей страны, нацелиться на тяжелый созидательный труд в течение десятков поколений, чтобы достичь высочайшего уровня развития материальной, духовной жизни общества, чтобы создать, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», условия, когда «всестороннее развитие каждого станет условием развития всех» — все эти предварительные условия и предпосылки были вынесены за скобки, а сама идея стала играть не только мобилизующую роль, но временно стала «дорожной картой», организующей сегодняшнюю практику всего народа под руководством компартии.

Так штурмуя небо, россияне объявили, что они в 1936 году построили основы социализма, в 1970-е годы построили «зрелый социализм», а Н.С.Хрущев обещал, что к 1980 году «все советские люди будут жить при коммунизме».

Сходные явления, перескакивание через эпохи, обгоняя время и пространство, имели место и в Китае. Председатель Мао в 1958 году выдвинул установку ускоренного перехода к социализму и коммунизму: «напрягая все силы, рассекая волны, стремясь вперед по принципу много, быстро, хорошо и экономно построить социализм», а затем «три года напряженного труда, десять тысяч лет счастливой жизни». Чем кончились эти оторванные от конкретных условий и возможностей страны программы, призывы и лозунги, известно. Советский Союз заплатил за это своей судьбой, распадом страны, стратегическим отступлением в социально-экономическом и цивилизационном плане — к возврату компрадорско-капиталистического, олигархического уклада.

В отношении Китая судьба оказалась более милостивой и даже великодушной. Она позволила КНР найти лидеров, которые сформулировали политику, спасшую Китай от распада, на грани которого он оказался в ходе т.н. «культурной революции». Руководящее ядро КПК во главе с Дэн Сяопином и плеядой других выдающихся революционеров выработало курс спасения и возрождения страны путем осуществления глубоких реформ и политики открытости. Именно в этом состоит историческое значение III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в конце 1979 года.

Теоретически это нашло свое выражение в целом комплексе взаимосвязуемых установок и выводов о том, что Китай находится и будет в течение длительного времени находиться на начальном этапе строительства социализма с китайской спецификой. Благодаря новым теоретическим и политическим разработкам и установкам Китай из сферы

политических утопий опустился на землю. Эти новые положения в Китае трактуется как творческое развитие и китаизация общих принципов марксизма-ленинизма и совокупно именуется «теорией Дэн Сяопина», важными принципами «о трех представительствах» и «научной концепцией развития». Ныне эти формулы дополнены установками о реализации «великой мечты китайского народа о возрождении». Этот опыт возрождения страны и выработки экономической политики и «дорожной карты» мирного развития Китая не только достойны глубокого уважения, но и всестороннего изучения в других странах, ищущих свои пути суверенного развития и модернизации.

Не случайно президент В.В. Путин, получив мандат президента, в своих усилиях по выработке программы возрождения России нередко обращает внимание на различные аспекты китайской практики.

Что же касается вопроса о том, почему революции в России и Китае произошли под лозунгами справедливости, равенства и построения социализма, то это, на мой взгляд, объясняется целым рядом взаимосвязанных причин и факторов. Прежде всего глубиной и остротой внутренних и внешних противоречий, полной дискредитацией правящих элит, отсутствием позитивного примера. Последнее и послужило основанием полного отрицания капиталистической системы и ее культурных и нравственных ценностей, более того, отрицанием даже права иметь такие ценности. Глубина кризиса и духовно-нравственное разложение правящих кругов России и Китая лишали в глазах подвергавшихся нещадной эксплуатации и всем мыслимым видам гнета и нравственного унижения широчайших масс трудовых слоев населения города и деревни эти правящие круги каждой из стран права на существование. Именно это обусловило крайний радикализм революций и стремление лидеров революционеров быть предельно бескомпромиссными и выдвигать самые возвышенные цели и идеалы, чтобы объединить и вдохновить массы на новые революционные действия.

Парадокс русской революции 1917 года состоит в том, что сам акт свержения временного правительства и утверждение власти Советов произошел фактически бескровно. Но возникшая потом борьба контрреволюционных сил и стоявших за ними представителей прежних эксплуататорских классов России и их зарубежных партнеров породила жесточайшую кровопролитную бойню гражданской войны. В отличие от этого революция в Китае, вскоре после многочисленных демонстраций и шествий, эволюционировала в форму длительной борьбы вооруженной революции против вооруженной контрреволюции, т.е. двух противостоящих лагерей, каждый из которых пользовался внешней поддержкой. Гоминьдан после контрреволюционного переворота Чан Кайши в 1927 г. получал поддержку со стороны капиталистического мира, развитых стран, в том числе тех сил, которые пытались в свое время превратить Китай в свою колонию или полуколонию. КПК, возглавлявшая национально-освободительные патриотические силы, пользовалась солидарной поддержкой Советского Союза, международных рабочих и профсоюзных организаций, всех прогрессивных антикапиталистических сил, включая организации Коминтерна.

ЮЙ КЭПИН: Коммунистические революции в обеих странах и их победа являются для человечества одними из величайших событий XX века. Они коренным образом изменили ход мировой истории, в корне изменили ход истории в Китае и в России, включая построение современных государств в обеих странах. Конечно же, с моей точки зрения, коммунистические революции в наших странах в определенной степени явились сами по себе результатом исторической логики вызревания современного государства и модернизационных трансформаций. Но в то же время они явились и способом дальнейшей стимуляции модернизационных процессов и современного государственного строительства.

Итак, с одной стороны, чтобы лучше понять историческое значение коммунистических революций в Китае и в России, необходимо постоянно держать в поле зрения связанный с ними гигантский исторический масштаб модернизационных трансформаций двух держав. С другой стороны, отдавать себе отчет в том, что коммунистические рево-

люции оказали глубокое многостороннее влияние на современное государственное строительство в Китае и в России. Во-первых, они заново определили главную цель современного государственного строительства, — в качестве таковой после победы коммунистической революции оба государства утвердили установление диктатуры пролетариата, а в качестве его конечной цели — уничтожение государства как такового, создание коммунистического общества без государства. Такое понимание целей государственного строительства серьезнейшим образом повлияло на политическое развитие обеих стран. Во-вторых, революции сформировали новый тип политической легитимизации современного государства, самым важным источником которой стала рассматриваться сама революция, классовая борьба и марксизм как теория, доказывающая историческую неизбежность нового строя, и единственная господствующая идеология. В-третьих, в ходе революций был заново определен круг государственных интересов. Классовые интересы стали отождествляться с самыми важными национальными интересами, и между интересами господствующего класса и государственными (национальными) интересами был практически поставлен знак равенства. И наконец, в-четвертых, революции проложили новый путь государственному строительству, предполагающий опору на классовую борьбу и продолжение революции.

С точки зрения государственного строительства основная причина, по которой коммунистическая революция произошла именно в двух наших странах, заключается в специфическом реальном положении Китая и России, в том, что готовый опыт построения современного государства, накопленный на Западе, оказался непригоден для использования в этих двух странах. Еще до того, как в Китае и России вспыхнула коммунистическая революция, там предпринимались попытки модернизации по западной модели, но в конечном счете все они провалились. Это создало непосредственные предпосылки для коммунистической революции и ее победы. Надо понимать, что до революции общество, экономика, культура в обеих странах явно отставали от развитых стран, но обе нации имели блестящую историю, а национальные элиты — каждая по-своему — стремились найти кратчайший путь для осуществления модернизации своих стран. Революционная мечта — перескочить [на пути своего развития] капиталистическое общество и прямо вступить в общество социалистическое — имела для национальных элит России и Китая огромную привлекательность. Конечно, существовали и другие причины. Например, исторические и культурные традиции обеих стран коррелировали со многими чертами коммунистической революции, как они были описаны К.Марксом, — акцентирование классовой борьбы и насильственного характера революции, подчеркивание роли политического авторитета и, особенно, роли централизации власти в процессе государственного строительства.

Вопрос 3. История государственного строительства в Западной Европе имеет одну характерную особенность — это особая роль религии, выступавшей в качестве некоего фактора, сдерживающего безграничность роста государственного могущества. Такая особая ее роль приводит к тому, что государственная мощь, всегда стремящаяся к расширению своих границ, не может полностью и целиком контролировать все общество. В России же и в Китае, похоже, религиозный фактор (применительно к Китаю это, прежде всего, «конфуцианская ортодоксальность») не играет такой серьезной сдерживающей роли в отношении государственной власти. Почему так происходит? Каким образом эта специфика может сказаться на ходе государственного строительства в наших двух странах?

М.Л. ТИТАРЕНКО: В истории развития Китая и России роль религиозного фактора имеет весьма существенные различия. Общим является лишь то, что в каждой из наших стран различные конфессии играют свою важную роль в формировании общественного сознания, нравственных норм поведения тех слоев, которые придерживаются ценностей той или иной религии. Однако степень влияния религиозных факторов на политическую и культурную жизнь, например, Китая и России, и в некотором смысле стран

Западной Европы сильно отличается. Если в Китае роль религиозного фактора в целом традиционно носит достаточно ограниченный характер, но степень его влияния среди городского и сельского населения заметно разнится. В деревне традиционные верования — культ предков, почитание различных добрых и злых духов, буддизм, даосизм, а также внедренные иностранными миссионерами католицизм и протестантство имеют более широкое распространение и влияние. Однако религиозный фактор приобретает очень значительную роль в районах национальных автономий — Тибете, Синьцзяне, Юньнани, Нинся-Хуэйском автономном районе, Автономном районе Внутренней Монголии и местах компактного проживания национальных меньшинств, исповедующих или мусульманство, или различные виды буддизма и даже шаманизма.

Характерно, что присущие китайской народной культуре особенности поведения и деловой этики — прагматизм, деловитость, предприимчивость, умение поймать шанс, терпение, выдержка, умение переносить житейские трудности, известная склонность принимать и смиряться до определенной степени с испытаниями и «давлением судьбы» и внешних сил, были умело использованы миссионерами, проповедниками католицизма и протестанства, западной предпринимательской коммерческой культуры.

Принципы и этика православного христианства, делающего упор на праведность и любовь к другим как к самому себе, на смиренное терпение, культ страдания и самосовершенствования, небрежение к материальной обустроенности жизни ради достижения после смерти «царства небесного», не получили широкой поддержки среди населения Китая.

В самой России имеет значение и в настоящее время является доминирующей религиозной конфессией православное христианство. Его роль со времени крещения Руси всегда была исключительно велика в формировании государственной идеологии, внешней политики, воспитании населения, формировании систем культурных, нравственных ценностей и житейских нравственных норм, которые жестко базируются на 10 заповедях Нагорной проповеди Иисуса Христа.

О степени влияния этих заповедей свидетельствует тот факт, что стержнем провозглашенного в Программе КПСС 1962 года «Морального кодекса строителя коммунизма» фактически являются как раз все 10 христианских заповедей. Россия — многонациональное государство, объединяющее почти 150 больших и малых национальностей, суперэтносов и малых народностей (некоторые из них насчитывают всего несколько тысяч человек). Хотя более 80% населения РФ так или иначе веруют или придерживаются ценностей православия, но в нашей стране имеются достаточно многочисленные и влиятельные конфессии граждан, исповедующих различные направления ислама, иуданзма, ламаизма, католицизма, протестантизма и шаманизма.

Принципиальным отличием совокупной российской цивилизации, ядром которой является русская культура и русский язык, от западных цивилизационных ценностей систем и житейской этики является то, что отношения между локальными, этническими и конфессиональными сообществами и культурными традициями и ценностями этих сообществ строятся не по вертикали — сверху вниз, а по горизонтали, на основе принципов симфонизма, соборности, признания общности судьбы, равенства, взаимопомощи, терпимости и взаимной учебы.

ЮЙ КЭПИН: Современное государственное строительство является результатом взаимодействия множества разнородных сил. С точки зрения европейского опыта, двумя основными силами, обуславливающими государственное строительство, являются гражданское общество и религия. В Китае и в России в процессе современного государственного строительства обе эти силы очень слабы. Я не очень хорошо знаю ситуацию в России, но в Китае нового исторического периода никогда не существовало государственной религии в классическом смысле этого слова, и тем более не было сильного гражданского общества. Поэтому отсутствовала реальная сила, способная своим противостоянием уравнове-

шивать политическое господство государства. Государство в Китае традиционно поглощало общество, и тот, в чьих руках оказывалась государственная власть, овладевал всем обществом в целом. Все это абсолютно не похоже на обстоятельства современных западных стран. Полагаю, что там гражданское общество, имеет более реальное значение в сдерживании силы государства, чем религия, несмотря на то, что и она является серьезной силой. Процесс построения современного государства в Европе является в то же время и процессом роста гражданского общества. Как известно, отправной точкой в логике Маркса при его анализе капитализма являются взаимоотношения гражданского общества и политической системы. Сам Маркс говорил, что ответить современному государству может только гражданское общество, и в этом Маркс достиг большей глубины по сравнению с Гегелем. И сегодня так же очевидно, что построение современного государства должно сопровождаться построением гражданского общества. Без сильного, независимого и здорового гражданского общества невозможно существование действительно современного государства.

Вопрос 4. В 80-е годы XX в. Китай и Россия начали процесс трансформации прежней системы. Почему эти трансформации начались? Какое наследие оставила традиционная советская модель социализма Китаю и России? Какое сходство и какие различия имеются в трансформациях в Китае и в России? С каким наиболее серьезным вызовом могут столкнуться эти трансформации?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Произшедшие в России в результате распада Советского Союза и дискредитации социалистических порядков и социально-экономического строя смена строя и утверждение западных капиталистических порядков стали как для России, так и для народов других бывших братских республик огромной трагедией, провалом в прошлое. Произошла приватизация, точнее, «прихватизация» национальных богатств узкой кучкой компрадорских, коррумпированных и взаимосвязанных с деловыми интересами стран Запада элементами бывшей советской деловой и политической номенклатуры.

Можно сказать, что находчивость и «политическая мудрость» президента Б.Н. Ельцина, правившего Россией до конца 1990-х годов, заключалась, во-первых, в том, что, несмотря на унижительную экономическую, политическую и дипломатическую зависимость России и ее правящих кругов от стран ЕС, НАТО и особенно США, внешне сохранялись и подчеркивались атрибуты самостоятельности и суверенности внешней политики России. Особенно заметно они выражались именно в курсе на развитие добрососедских связей с Китаем и провозглашении их в 1996 г. отношениями стратегического партнерства, обращенного в XXI в. Во-вторых, несмотря на призывы и давление его американских советников и гайдари-чубайсовского окружения, Б.Н. Ельцин, хотя в целом и следовал антикоммунистическим и антисоветским установкам, но запретив КПСС, он тем не менее, не перевел внутреннюю политику на путь тотального антикоммунизма, политических репрессий, отверг предложения о люстрации сотрудников государственных структур и организаций. В-третьих, несмотря на проведение хищнической политики «прихватизации» общенародной собственности, Б.Н. Ельцин не пошел на полное разрушение советской системы социального обеспечения. Частично была сохранена, хотя на крайне низком уровне, пенсионная система и основные положения советского трудового права, включая сохранение лимитированного рабочего дня, системы отпусков, выходных дней, пособий по болезни. Частично были сохранены бесплатная медицинская помощь и образование.

Вышеназванные и другие факторы и присущее русскому народу долготерпение удержали новую российскую государственность от дальнейшего распада. Вместе с тем, сепаратистские и националистические бунты на Северном Кавказе, две войны, развязанные в Чечне местными националистами при активной поддержке внешних экстремистских террористических организаций ислама и стран НАТО и США — все это серьезно ослабляло страну, несло новые жертвы и испытания многострадальным народам России.

Если же говорить о Китае, то там, несмотря на потрясения «культурной революции», процесс эволюции и трансформации общества и политики проходил более упорядоченно и с меньшими жертвами под единым руководством КПК на основе продуманных концепций реформирования всех структур общества, прежде всего экономики, улучшения благосостояния народа.

Отказ от советской модели и советских методов руководства страной прошел в Китае одновременно с мощной, с конца 1950-х до конца 1980-х годов, антисоветской кампанией борьбы с «советским ревизионизмом».

Наиболее ожесточенный и комплексный характер эта кампания борьбы против СССР, которую стимулировал и направлял лично Мао Цзэдун и его ближайшее окружение, приобрела в ходе подготовки процесса сближения с США, подготовки известного визита Никсона в Китай и его встречи с Мао Цзэдуном, в ходе которой, как стало позднее известно, была достигнута договоренность о едином фронте Китая и США против «советского социал-империализма».

Наличие этой договоренности и совместное всестороннее давление двух великих держав на Советский Союз с Запада и Востока потребовало от руководства СССР пересмотра всей политики и проведения тотальной мобилизации всех ресурсов страны на развитие и укрепление обороны, что одновременно потребовало свертывания всех программ внутреннего мирного экономического, социального и культурного строительства и развития.

ЮЙ КЭПИН: Я уверен, что социалистическая система, которая была создана в России и в Китае в результате и посредством коммунистической революции, является великой попыткой модернизации института государства. Социалистический строй, который Китай, учась у СССР, стал поначалу строить, был социализмом советской модели. Несмотря на множество различий основа системы и ключевые ее элементы оставались у наших стран схожими. Эта была традиционная социалистическая система, которая раскрепощала общественные производительные силы, улучшала политическое и экономическое положение широких масс трудящихся, усиливала комплексную государственную мощь, и было бы неверным отрицать ее огромный исторический вклад. Но экономическая система, характеризующая главенством государственной собственности и плановой экономики, и политическая система, характеризующая высокой централизацией власти и абсолютным единоначалием, несут в себе множество внутренних недостатков. Когда общество достигает определенной ступени развития, такая политико-экономическая система начинает сковывать производительные силы, сдерживать социальную активность общества, ущемлять гражданские права, являющиеся заслоном для беззакония и произвола. В Китае это привело даже к экономическому и политическому бедствию «культурной революции». По идее, социализм как система имеет перед капитализмом очевидные преимущества, — по сравнению с капитализмом он должен иметь производительные силы более высокого уровня, более высокий, чем в капиталистических странах, уровень жизни. Но в действительности разница в экономическом развитии и уровне жизни стран традиционного социализма и развитых капиталистических стран со временем не только не уменьшилась, но возросла. Разница между Северной и Южной Кореей, Западной и Восточной Германией является типичным отражением различия двух систем.

В реальности традиционный социализм не только отклонился от первоначальных намерений его отцов-основателей, но с каждым днем все более не соответствовал чаяниям широких слоев населения. Трансформация была неизбежной. Китай и Россия выбрали разные способы трансформации. Бывший СССР пошел по пути «шоковой терапии», отказавшись от социализма как системы. А Китай принял политику «реформ и открытости», пошел по пути «социализма с китайской спецификой». Является ли выбор пути преобразований России успешным? На это русские должны ответить сами. Китайская политика реформ и открытости достигла огромных успехов, совершила чудеса в

экономическом развитии, позволив Китаю стремительно перезапустить модернизационный процесс. Но будь то Китай или Россия, придется признать, что и здесь и там традиционный социализм оставил последующим поколениям огромное наследие. Например, в Китае марксизм уже считается органической составной частью содержания современной китайской культуры, государственная экономика по-прежнему занимает командные высоты в народном хозяйстве, роль правительства в экономике по-прежнему чрезвычайно велика и т.д. Все это наследие традиционного социализма имеет положительную сторону, но, надо признать, несвободно и от негативного влияния. Говоря о сегодняшнем процессе модернизации в двух странах, надо сказать, что важнейшей задачей наших руководителей является максимальное выявление именно позитивной роли наследия традиционного социализма и устранение его негативных последствий.

Вопрос 5. Рассуждая о наследии социализма в Китае и России, невозможно не сказать о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Какую оценку в сегодняшних Китае и России дают В.И. Ленину и И.В. Сталину?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Действительно, социалистическое наследие в России в сознании большинства населения неразрывно связано с лидерами революции 1917 года — В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Образ В.И. Ленина, несмотря на попытки новоллиберальных, западных кругов и антикоммунистически настроенных представителей из числа «новых русских», сохраняет в целом высокий нравственный авторитет. В современной России среди творческой, особенно научной интеллигенции, исключительным авторитетом пользуются статьи В.И. Ленина, написанные или продиктованные им в конце жизни во время болезни. Эти статьи содержат массу новых идей, новых подходов и обобщений начального опыта советской власти в области экономической политики (НЭП), важных положений об утверждении реального равноправия наций, развития демократии, культуры, образования и т.д. Во многих городах сохраняются памятные наименования улиц, площадей и музеев, связанные с деятельностью В.И. Ленина. Острая борьба идет в обществе вокруг проблемы сохранения Мавзолея В.И. Ленина и его тела.

Относительно И.В. Сталина официальная пропаганда, деятели неоллиберальных кругов и «новые русские» придерживаются сугубо негативной, антиисторической позиции. Искажение и очернение социалистического процесса развития в Советском Союзе сопровождается или замалчиванием реальных достижений, или клеветой и очернением как самых достижений, так и личности И.В. Сталина. Даже со стороны представителей власти инициируются кампании антисталинизма. Все негативные явления советского периода, особенно связанные с кампаниями чистки партии и террора в отношении оппозиции в 1930-е годы, раздуваются до невиданных масштабов. Одновременно выдающаяся роль И.В. Сталина в качестве Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны замалчивается или подвергается искажениям и фальсификации. Антикоммунистическая и неоллиберальная пропаганда пытаются даже отождествить личность И.В. Сталина с личностью А. Гитлера, изобразив его демоном зла, репрессий и беззакония.

В современном российском обществе нет единства мнений о характере самого сложившегося общества и, тем более, о его целях. Правящая элита России в своем большинстве рассчитывает на трансформацию нашей государственности, ее образа жизни и цивилизационных ценностей по матрице ценностей развитых западных демократий и США. Сторонники этой линии и модернизации России пытаются во всем, от туалета до спальни, от школы до университета, от местных органов власти, наименованных «префектурами», «мэриями» и т.д., до сената, от дизайна и наименования представительских и правительственных учреждений, вплоть до формы трибуны и оформления президиума пресс-конференции, во всем копировать и насаждать позиции, правила, образцы западного формата.

Однако, хотя эта тенденция внешне занимает доминирующее положение, но ее авторитет среди публики не слишком высок. Президент В.В. Путин, ряд министров, губернаторов и руководителей регионов придерживаются линии на сохранение не устарев-

ших национальных атрибутов власти и схем управления, не разделяют линию на огульное отрицание всего советского опыта организации общественной жизни, государственного и культурного строительства и т.д.

В выступлениях лиц из окружения президента все чаще звучат призывы к оздоровлению культурной жизни страны, расширению и возвышению нравственных и духовных факторов в жизни общества, продвижению в различные слои населения богатого культурного наследия России, включая достижения советской культуры, которые противопоставляются низкопробному шоу-бизнесу западного образца. В последние годы официальные власти России все активнее выступают за развитие всестороннего культурного и гуманитарного сотрудничества с Китаем, за расширение обменов в области образования, искусства, спорта, туризма, литературы и т.д.

ЮЙ КЭПИН: Действительно, как бы не оценивали В.И.Ленина и И.В.Сталина, оба они как своего рода символы являются важнейшей частью наследия традиционного социализма. Практически всех последователей традиционного социализма волнует вопрос об отношении к ним. Говоря о ситуации в Китае, можно выделить два аспекта вопроса. Первый аспект — это официальная оценка Ленина. Вплоть до сегодняшнего дня она по-прежнему остается абсолютно позитивной. В отношении Сталина — в основном позитивной. Второй аспект — это народная оценка, и она значительно расходится с официальной. Народная оценка уже более дифференцирована. В отношении Ленина она большей частью позитивная, но чем дальше, тем больше людей, в том числе и ученых, начинают видеть разницу во взглядах Ленина и Маркса. Все больше становится негативных оценок Сталина, многие считают, что его нельзя ставить в один ряд не только с Марксом, но и с Лениным.

Вопрос 6. Как Вы считаете, существует ли некое подобие цели у трансформационных процессов, которые происходят в Китае и России, предположим, цель стать похожими на Запад, превзойти Запад, или, быть может, сочетание того и другого?

М.Л. ТИТАРЕНКО: По вопросу о трансформации и ее целях в Китае и России существуют прямо противоположные взгляды. Если говорить о России, то восприятие трансформации у правящей элиты и тех, кто получил в результате приватизации огромные богатства страны, однозначно носит капиталистическую направленность. Однако и среди этой части, ориентированной на капиталистический путь развития и западные стандарты демократии, существуют также разные точки зрения. Так называемая олигархическая прослойка новых русских выступает сторонником жесткой либеральной линии создания современной рыночной экономики по западным лекалам. Причем и западные образцы рассматриваются даже не в реально существующих практиках США и ЕС, а более раннего этапа — капитализма, когда степень эксплуатации и уровень прибыли были максимальными. В этом смысле нынешний российский капитализм в трактовке гайдари-чубайсовских поклонников носит исключительно хищнический и, по своей сути, компрадорский характер.

Однако следует отметить, что в рамках капиталистической модели развития России существует и более, если можно выразиться, прогрессивное течение, которое можно было бы назвать социально-ориентированным госкапитализмом. Сторонники этой модели пытаются сочетать остатки советского опыта хозяйствования с опытом социально-ориентированной экономики таких стран, как Германия, Швеция и Франция. Однако эти тенденции пока не стали доминирующими, не испытывают очень сильного влияния со стороны неолиберально-олигархических кругов, следуют жесткой рекомендации своих американских советников.

Вместе с тем, сложности социально-экономической ситуации в нынешней России проявляются и в том, что в отдельных регионах существуют трансформированные в духе рыночных отношений хозяйственные структуры советского типа. Например, в интернет-магазине можно встретить продукцию «Экологически чистое молоко», которое произведено в «Обществе с ограниченной ответственностью», под которым, по сути де-

ла, сохраняется колхоз или совхоз. В 1930-е гг. создание колхозов шло под сильным идейно-политическим давлением, а их организационно-хозяйственные преимущества не имели возможности по-настоящему проявляться. Однако на новом уровне технической оснащенности и выработки хозяйственной культуры они раскрывают свои действительные преимущества, и сельские жители настаивают на их сохранении.

С учетом вышензложенного вопрос о том, идти ли путем Запада, или идти собственным, отличным от Запада путем, или совмещать заимствования с собственными подходами, приобрел у России крайне острый, крайне политизированный характер. В жизни, в сознании как сторонников капиталистического пути, так и сторонников советской модели хозяйствования нет негативистского отношения к передовым техническим и управленческим достижениям Запада, но широко распространено негативное отношение к попыткам навязать неолиберальные, монетаристские западные рецепты и рыночные механизмы, которые, кстати, давно не используются на самом Западе.

Негативное отношение к западной теории реформирования России среди широких слоев российской общественности в значительной мере порождается крайне недоброжелательным, некомпетентным отношением к России со стороны западных партнеров, их откровенными и бесцеремонными попытками вмешиваться во внутренние дела, разрушить самобытные традиции российской культуры.

ЮЙ КЭПИН: Думаю, что трансформация в каждой из наших стран имеет свою цель. В общих чертах, это стимулирование социальной модернизации, построение могущественной модернизированной державы. Что касается Китая, то цель построения могущественной модернизированной державы включает в себя достижение четырех рубежей: экономического богатства и военно-политической мощи, демократии, цивилизованности и гармоничности. Цель превращения в могущественную модернизированную державу включает в себя утверждение в жизни таких универсальных ценностей человеческой цивилизации как свобода, равенство, справедливость, достоинство, управление на основе законов и т.д. Но конкретное содержание универсальных ценностей, а также конкретные пути укоренения этих ценностей в разных странах, очевидно, не могут быть одинаковым. Поэтому понятно, что такие имеющие яркую индивидуальность державы, как Россия и Китай, не должны идти по пути усердного повторения опыта других государств. Ясно, что механическое копирование никому не принесет удачи. Здесь необходимо четкое понимание и соблюдение границ копирования и учебы: подражание нежелательно, а вот учеба — обязательна. Прогресс любой великой цивилизации определяется способностью учиться у других выдающихся цивилизаций. У меня нет сомнений, что и Китаю, и России необходимо реализовать великую цель государственной модернизации, что обеим нашим странам необходимо усердно учиться всем достижениям выдающихся цивилизаций, созданных трудом человечества, и особенно — достижениям, образующимся в ходе модернизации развитых западных стран. Полагаю, любое великое национальное государство надеется, что способно превзойти другие страны и достичь вершин мировой цивилизации, но трезвомыслящие руководители должны сосредоточивать большее внимание прежде всего на том, чтобы отношение к собственному модернизационному пути было по-деловому серьезным и ответственным. Нереалистично пытаться превзойти другие страны и стать в мире первыми, — как правило, за это приходится платить катастрофически высокую цену. В отношении такого рода амбиций и Китай, и Россия имели серьезные уроки.

Вопрос 7. В конце XX столетия ускорение процессов глобализации добавило трансформациям России и Китая новое историческое измерение. Глобализация несет с собой одновременно и столкновения ценностных концепций на планете, и их интеграцию. Мы видим, что Китай и Россия сохраняют определенную дистанцию по отношению к западным ценностям, носителями которых выступают европейские страны и США. Этот выбор продиктован заботой о сохранении истории, социальных реалий и культуры своей собственной страны или у него есть другие побу-

дительные мотивы? И еще. Если ценностный аспект человеческого существования несводим к единому знаменателю, не приведет ли это к свертыванию глобализации или, предположим, к ее расколу? Если выработки общих ценностей так и не произойдет, завершатся ли трансформации в Китае и России?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Россия и Китай занимают различное место в процессе глобализации, различна степень их вовлеченности в этот процесс, что порождает серьезные различия во взглядах на нее. Китаю удалось вписаться в глобализацию по-американски, создаться с лидерами глобализации, прежде всего с США, тесную взаимозависимость экономического плана, более того, с помощью политики открытости Китай привлек главных «глобализаторов» — США, ЕС, Японию к тесному взаимодействию в процессе собственной модернизации. Китаю удалось плавно выйти из созданного Мао Цзэдуном в 1970-е гг. совместно с США антисоветского альянса и занять самостоятельную независимую позицию, одновременно сохранить тесные экономические и другие связи с западными партнерами.

В целом, как представляется, Запад рассматривает Китай своим младшим партнером, хотя, по сути дела, Китай, добившись фантастических успехов в экономическом развитии, стал второй державой мира. И перед Западом стоит задача адаптироваться к новой роли Китая как великой мировой сверхдержавы. Перед Китаем также стоит задача освоить и выработать свои подходы к несению глобальной ответственности.

Что же касается России, то ситуация здесь совершенно иная. Если Китаю удалось стать активным действующим субъектом глобализации, то распад Советского Союза и подход ведущих держав мира во главе с США к России как «побежденной стране» поставил ее, в известной мере, в положение *объекта глобализации*. В течение 90-х годов XX века Россия действительно была превращена в сырьевой придаток Запада, и ведущие политики США, Англии на полном серьезе рассуждали, что делать с Россией. Госпожа Тэтчер предлагала проводить в отношении России такую политику давления, которая бы в итоге привела к дезинтеграции российской государственности и сокращению населения России до 15 млн человек. Госпожа Олбрайт и господин Бжезинский, «давние убежденные друзья России», полагали возможным сохранить население России на уровне 50 млн и одновременно в своих фундаментальных трудах рисовали карты раздела России на 5–6 суверенных государств.

В ходе кризиса, возникшего в связи с событиями на Украине, президент США Обама пригрозил России самыми суровыми санкциями и иронично назвал Российскую Федерацию «региональным государством». В течение 1990-х гг. Россия была низведена поначалу до положения послушного младшего партнера Запада. Лишь с конца 1990-х гг. начали предприниматься попытки выработать самостоятельный и независимый курс российского государства. Примечательным является то, что именно с установления отношений стратегического партнерства с Китаем, о котором было заявлено в совместном заявлении Президента Б.Н.Ельцина и Председателя Цзян Цзэминя в 1996 году, начался подъем России с колен. Заслуга президента В.В. Путина в первый срок его президентства состояла именно в том, что он осмелился заявить о самостоятельном и независимом курсе развития России, что вызвало волну негодования среди правящих кругов НАТО. Российское руководство выражало и выражает готовность к всестороннему развитию сотрудничества и взаимодействия с западными странами во всех сферах. Если это не получилось и не получается, в этом не вина России.

Поэтому можно сделать вывод о том, что пока процесс налаживания делового, равноправного сотрудничества России с западными странами в условиях глобализации наталкивается на огромные трудности и носит крайне неравномерный характер. Важно также отметить, что западные партнеры пытаются изолировать Россию и в этой связи подорвать ее отношения с теми странами, включая Китай, с которыми у России существуют дружеское добрососедское сотрудничество и стратегическое партнерство. С учетом этого есть основания говорить о том, что развитые западные страны — США и другие

страны, входящие в НАТО — делают все возможное для того, чтобы затормозить процесс модернизации и позитивного развития России.

ЮЙ КЭПИН: Здесь нельзя не видеть и исторических причин, и конечно, причин, связанных с учетом реалий. Во-первых, с точки зрения эволюции человеческой цивилизации и Россия, и Китай имеют собственные самобытные культурные традиции; и эти традиции заметно отличаются от западных. Мы живем в эпоху глобализации, но глобализацию нельзя отождествлять с культурно-цивилизационной унификацией. Напротив, глобализация предполагает сосуществование интеграции и разнообразия, локализации и интернационализации. В эпоху глобализации разнообразие человеческих культур не только не исчезает, а наоборот, может специфическим образом проявиться более явно. Во-вторых, с точки зрения истории обеих стран, Китай и Россия, и западные страны постоянно пребывали и в состоянии разделения, и в состоянии объединения, т.е. в процессе противостояния, так и сотрудничества. Такой своеобразный опыт отношений также предопределил трудности полной интеграции с западными странами. И последнее. Конечно, нельзя не учитывать проблемы реальных государственных интересов. Кроме как в крайних, исключительных обстоятельствах, между любыми великими державами доминируют конкурентные отношения, что является нормальным положением дел. В таких условиях сохранение относительной независимости есть самый оптимальный выбор для защиты национальных интересов.

Вопрос 8. Тем не менее, если глядеть в корень, оставаясь при этом на почве признания специфичности трансформационных процессов в Китае и России, существуют ли универсальные ценности для всего человечества? Если таковые существуют, то какие из них, на Ваш взгляд, являются самыми важными?

М.Л. ТИТАРЕНКО Вопрос об универсальных человеческих ценностях и их роли в трансформации России и Китая — это вопрос, имеющий самое прямое отношение к проблеме цивилизационной самоидентификации каждой из наших стран. Россия и Китай являются носителями, представителями великих богатейших уникальных цивилизаций. Их формирование и развитие, безусловно, шло в тесном взаимодействии, мирном и немирном, с другими цивилизациями. С конца XVIII века в условиях капитализма до нынешнего процесса глобализации шло завершение формирования единой системы локальных цивилизаций. Этот процесс был также процессом взаимной учебы, взаимного влияния, взаимодействия. И в ходе этого выработались единые принципы, на которых строились именно эта взаимоучеба, взаимовлияние, взаимодействие цивилизаций. Принципы развития, обмена, взаимообогащения и есть то, что ныне именуются универсальными общечеловеческими цивилизационными ценностями. Они включают нравственные качества и нормы поведения, в том числе осознание ценности человеческой жизни, прав человека, гуманных норм взаимодействия человека и общества, человека и природы, принципы мирного взаимодействия и сотрудничества между разными народами, между разными государствами, разными культурами. Поэтому не случайно, что максима: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» самобытна, одновременно прозвучала в устах великого основоположника китайской культуры Конфуция, великого учителя и основоположника буддизма Шакьямуни и великого основателя мусульманской культуры Мухаммеда. Тезис Конфуция о гармонии различного («хэ эр бу тун»), т.е. принцип сохранения многообразия культур и взаимная учеба их, гармонизация отношений между ними — это один из важнейших элементов среди универсальных человеческих ценностей мировой культуры.

К сожалению, история сложилась так, что с конца XVII-XVIII веков представители западноевропейской цивилизации, к которой позднее в XX веке примкнула американо-европейская цивилизация, в силу ряда обстоятельств превратились в доминанту мирового развития. Созданные развитыми европейскими державами — Англией, Францией, Германией, Испанией, Португалией, Голландией огромные колониальные империи позволили этим странам за счет нещадной эксплуатации колоний накопить огромные ка-

питалы, занять доминирующие позиции в мировой экономике, культуре, политике, военном деле и т.д.

В настоящее время в процессе глобализации, лидером которой выступают США, предпринимаются попытки представить западноевропейскую и американскую культуру как общемировую культуру и ценности этой западной культуры представить как универсальные общечеловеческие ценности. Под этим флагом ведется мощная компания сплошной вестернизации, пропаганда и насаждение западных систем ценностей, западных матриц демократии. Попытки представителей других локальных цивилизаций — китайской, индийской, мусульманской, российской отстаивать свою самобытность всячески дискредитируются, им угрожают столкновениями цивилизаций. Именно попытка западных пропагандистов навязывать идеи о полной вестернизации арабским странам, вытеснить мусульманскую цивилизацию спровоцировали всемирный мусульманский терроризм.

Россия и Китай выступают сторонниками полицентрического развития мира и сторонниками мирного развития и мирного взаимодействия, взаимной учебы, взаимного обогащения цивилизаций. Навязывание так называемых единых универсальных ценностей и уничтожение своеобразия культур — это действительно путь к столкновению цивилизаций, это путь к уничтожению цивилизаций.

Поэтому, как мне представляется, древний китайский тезис «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы» является разумным принципом, универсальной ценностью, универсальной закономерностью развития и взаимодействия мировых цивилизаций в глобальном масштабе и каждой из локальных цивилизаций в отдельности.

ЮЙ КЭПИН: С глобальной точки зрения, человечество является единым обществом, мировое сообщество также является единым обществом. Вполне очевидно, что существуют универсальные ценности. Например, такие базовые принципы, как *свобода, равенство, справедливость, достоинство, безопасность, мир* на самом деле являются общими, их соблюдение является целью, к которой стремится человечество. *Устав ООН, а также Всеобщая декларация прав человека* — это наиболее важные международные соглашения, направленные на защиту и осуществление этих универсальных человеческих ценностей. Нарушение этих общечеловеческих принципов и норм является поступком, направленным против человечества. Это должно получать осуждение международного сообщества. Развитие универсальных ценностей человеческого сообщества является общей задачей всего человечества. Китай и Россия как великие державы в таком случае должны взять на себя еще больше ответственности.

Признание универсальных человеческих ценностей нисколько не отрицает их разнообразия. Каждое национальное государство в понимании общих человеческих ценностей и способов их реализации должно иметь выбор. Поэтому мы не можем в своем стремлении к всеобщим человеческим ценностям отрицать особые ценности национального государства, также нельзя, стремясь к своим национальным ценностям, отвергать универсальные человеческие ценности.

Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. — начала 2000-х гг.*

© 2014

Н. Мамаева

В статье представлен анализ документов и материалов, дающих новую информацию о китайской политике Москвы и Коминтерна, характеризующих внутриполитическую обстановку в Китае первой половины XX века через призму развития национально-освободительного и коммунистического движений. Рассматриваемый блок документов вносит значительный вклад в развитие «коминтерноведения».

Ключевые слова: Китайская Республика, национально-революционное движение, компартия Китая, Сунь Ятсен, Гоминьдан.

Рассматривая историографию как одно из заметных направлений китаеведения, отметим, что оно, как и другие, развивалось с начала 90-х гг. XX в. в новых условиях. 1991 г. изменил государственный строй России, серьезнейшим образом сказался на состоянии научных исследований, в том числе китаеведения, демонстрируя как положительное, так и негативное воздействие. В целом, несмотря на наличие отдельных крупных работ и талантливых исследователей, 90-е годы в определенной степени отодвинули китаеведение назад, имели место элементы упадка в общем развитии китаеведения (значительное уменьшение числа китаеведов, сокращение изучаемой тематики, особенно по истории, и т.д.). Между тем, по мере адаптации научного сообщества к новым условиям развития страны, отечественные китаеведы более или менее приспособились и уже в 90-е годы по отдельным темам демонстрировали в своей работе определенные успехи. Кроме того, они сумели подготовить научную базу для дальнейших исследований, реализация которых в полной мере имела место с начала 2000-х гг.

Следует констатировать, что в настоящее время назрела необходимость обобщения и систематизации написанных китаеведами-историками исследований, выделения основных направлений исследования истории Китая в России, определения степени изученности различных проблем и направлений, обозначения «белых пятен» и дискуссионных вопросов.

В 2000-е годы российская синология широко использовала новые возможности в изучении китаеведения, заметные уже в 90-х гг.: рост международных контактов, введение в научный оборот зарубежной, особенно китайской литературы и нового источниковедческого материала, активное внедрение информационных и электронных технологий

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

в процесс исследований. Одну из главных особенностей нового этапа в изучении истории Китая, начавшегося в 90-е годы, можно с достаточным основанием видеть во внедрении в научный процесс новой источниковедческой базы.

Сближение России и Китая, начавшееся с середины 1980-х гг. XX в. и ставшее стабильным фактором в развитии двухсторонних отношений, оказало стимулирующее влияние и на развитие в России китаеведения, имеющего длительную историю и тесно связанного с российско-китайскими отношениями на разных этапах их развития.

В истории двусторонних отношений были периоды как тесного сближения двух стран, оставившие глубокий след в памяти обоих народов, так и конфликтные ситуации, которые тоже накладывали свою печать на взаимоотношения сторон и внутривнутриполитическую ситуацию. Наиболее впечатляющие события, в которых переплеталась история обоих государств, характерны для первой половины XX в. — периода войн, революций, политических и социальных движений. Коротко обозначим некоторые из них:

- контакты руководителей российских большевиков и Коммунистического Интернационала (Коминтерна; КИ) с лидером Гоминьдана (ГМД), первым Временным президентом Китайской Республики (КР) Сунь Ятсеном;

- «первое сотрудничество КПК и Гоминьдана» с участием Коминтерна и представителей советского государства (1922–1927 гг.), направленное против засилья в Китайской Республике бэйянских (северных) милитаристов и ориентированное на создание суверенного сильного и единого Китая;

- помощь СССР Гоминьдану и КПК в годы национально-освободительного движения 1920-х гг., особенно в партийном строительстве обеих партий, при подготовке и проведении Северного похода. Победа в 1928 г. Национально-революционной армии неотделима от участия СССР в политической и военной реорганизации Гоминьдана;

- финансовая помощь и помощь военными советниками Китайской Республике со стороны Советского Союза, особенно в первые, самые трудные для КР годы антияпонской войны 1937–1945 гг.; прямое участие советских летчиков-добровольцев в боях с японскими ВВС;

- развитие с 1946 г. торговых связей СССР с демократическими правительствами Северо-Востока Китая, в том числе оказание с 1946 г. вплоть до победы войск КПК над армией Гоминьдана безвозмездной помощи НОАК оружием;

- инициативы Коминтерна и СССР по созданию единого демократического антияпонского фронта, так называемого «второго сотрудничества между Гоминьданом и КПК», одного из главных факторов, предотвративших капитуляцию КР перед Японией;

- вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. и весомый вклад СССР в победу союзников над Японией во Второй мировой войне;

- помощь СССР в создании Маньчжурской революционной базы — центра противодействия гоминьдановской реакции против демократических и коммунистических сил страны;

- первое десятилетие дружбы и сотрудничества между СССР и КНР.

Даже такая краткая констатация степени участия Советского государства, его правящей партии и международного коммунистического движения в политических событиях в Китае свидетельствует об относительно больших возможностях российских исследователей Китая в освещении исторических событий, происходивших на территории великого соседа.

Нельзя не отметить и наличия в отдельные исторические периоды негативного развития событий, затрагивавших внутреннюю ситуацию в Китае, и тесно связанные с ней внешнеполитические аспекты российско-китайских отношений. В сфере внутренней политики конфликт интересов включал, главным образом, проблемы КВЖД, Синьцзяна, Монголии, но, главное — концентрировался вокруг параллельного развития и сочетания советско-китайских отношений государственного уровня и интернациональных связей

ВКП(б) и КИ — с Коммунистической партией Китая. При этом обратим особое внимание на утвердившуюся в российской и китайской историографии точку зрения о преобладании в развитии российско-китайских отношений конструктивных тенденций.

Отраженные в работах советских и российских историков основные направления взаимодействия между китайским и российскими народами и условия, в которых оно осуществлялось, дают представление о «причастности» отечественной истории к истории Китая. Как следует из российской и советской историографии Китая, российскому Китаеведению свойственно так называемое «историческое сознание», позволяющее глубоко чувствовать и ощущать историю Китая, реалии исторического прошлого и настоящего.

Распад Советского Союза и изменение общественно-политического строя России имел для российского Китаеведения, прежде всего, российской историографии Китая, противоречивый результат. Глубокий финансовый и экономический кризис прямо затронул науку РФ, резко снизив материальные затраты на ее развитие, значительно сократив приток в науку молодого поколения. Повсеместное сокращение центров по изучению китайского языка создавало большую угрозу в плане развития практического Китаеведения. Простое количественное сопоставление выхода в свет фундаментальных исследований монографического плана и обобщающих работ в 1990-х гг. по сравнению с несколькими предыдущими десятилетиями свидетельствовало о резком снижении числа новых исследований. Китаеведение потеряло целый ряд профессионалов-историков, покинувших Россию. В целом утвердившийся в советское время системный характер в развитии Китаеведения дал трещину, хотя в силу ряда особенностей, в том числе вышеназванных, Китаеведение как таковое сумело удержаться на определенных позициях, а изучение истории Китая продолжалось.

События 1991 г., как уже упоминалось, сопровождались одновременно рядом положительных моментов, способствовавших развитию Китаеведения. К ним в первую очередь относится расширение источниковедческой базы исследований, которое стало возможным в связи с проведением новой для российского общества демократической политики открытости.

Открытие архивов и доступ исследователей к архивным документам вызвал источниковедческий бум, значение которого для изучения истории Китая трудно переоценить. Тенденция публикации источников в исторической науке РФ выделилась наиболее четко и сразу. Активный процесс издания источников, стабильно развивавшийся в течение 90-х гг. XX в. и продолжившийся в XXI в., стал толчком для развития исследовательской работы по истории Китая и вглубь и вширь, создал возможности пересмотра ряда устоявшихся представлений о развитии исторического процесса в Китае и открытия новых тем и направлений.

На общем фоне развития источниковедения выделяются *серии* — публикации новых документов и материалов и ряд фундаментальных сборников документов и материалов. Центральное место в блоке опубликованных документальных источников, затрагивающих, в основном, проблемы внутренней истории Китая, занимает серия под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (каждый том имеет свое название), первый том которой увидел свет уже в 1994 г.¹ В 1996 г. вышел Т. 2 — в двух книгах², в 1999 г. — Т. 3 в двух книгах³. В 2000-х годах продолжалась работа над подготовкой и изданием 4 (в двух книгах) и 5 томов, последний — пятый том, увидел свет в 2007⁴. Эта серия включила 1380 документов⁵ и осуществлялась в сотрудничестве с учеными Свободного университета Берлина (ФРГ). Том 1 вышел под руководством академика М.Л. Титаренко и проф. Го Хэньюя. Работу над всеми последующими томами возглавляли М.Л. Титаренко и М. Лейтнер. Коллективом авторов и составителей сборников, большинство которых являлись сотрудниками ИДВ РАН, проделана грандиозная работа. Серия включает также, кроме общепринятых приложений, аннотированный указатель имен⁶, что делает работу

еще более ценной. Все тома переведены на немецкий и китайский языки. Причем китайское издание имеет свою особенность. Китайские ученые почти к каждому переведенному с русского языка тому добавляли книгу документов, составленную на основе китайских материалов по данному периоду.

В основе этой публикации лежали архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории. Эта работа продемонстрировала открывшиеся возможности международного сотрудничества, способствовавшего выполнению поставленной учеными грандиозной задачи создания источниковедческой базы для всестороннего освещения политики РКП(б) / ВКП(б) и КИ в Китае в течение 1920–1943 гг. В общей сложности работа продолжалась около 15 лет. Особенность данной серии и всех подробно характеризуемых в статье источников, связанных с изучением политики ВКП(б) и Коминтерна в Китае, состоит в наличии, как это показано, тесной связи национально-революционного движения в Китае с китайской политикой ВКП(б) и КИ, то есть с внешним аспектом внутренней ситуации в стране. Что касается Китая, то «коминтерноведение» в значительной степени базируется на страноведении, дает новую информацию по Китаю, без учета которой нельзя реалистически оценить сущность, цели и результаты политики КИ в национально-освободительном и коммунистическом движениях. Нельзя сказать, что до появления этой публикации полностью отсутствовала источниковедческая база деятельности Коминтерна в Китае. Достаточно указать на сборник документов и материалов Коминтерна — «Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы»⁷, вышедший в 1986 г. и содержащий основные решения конгрессов и пленумов Коминтерна по Китаю. Материалы о советской внешней политике и частично о внутренней ситуации в Китае можно было найти в сборниках «Документы внешней политики СССР»⁸.

Переведенные на русский язык и изданные под руководством академика С.Л. Тихвинского основные произведения лидера национально-освободительного движения в Китае 20-х гг. XX в. Сунь Ятсена «Сунь Ятсен. Избранные произведения»⁹ давали представление о положении в Китае и его внутренней специфике, об отношении Сунь Ятсена и возглавляемого им Гоминьдана к СССР и проблеме национального суверенитета. Вместе с тем, документальная база остро нуждалась в расширении. Нехватка достоверных источников сводила практически на нет бесконечные споры и дискуссии. Поэтому, появление в 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. новых документов и материалов, в основном из российских и китайских архивов (в 80-е и 90-е годы вышел целый ряд сборников документов на китайском языке по истории Гоминьдана, в меньшей степени — англоязычных¹⁰) в значительной степени восполняли существовавшие документальные пробелы, необходимые для освещения взаимодействия КИ и его посланцев в Китае с основными на тот период политическими партиями страны. Прежде довольно запутанная и идеологизированная картина политики Коминтерна в Китае впервые приобрела источниковедческую базу, достаточную для формирования объективного видения политики ВКП(б) и КИ в Китае и освещения революционного и политического процесса в Китае 20-х — 40-х гг. XX в. И в этой связи большое значение имели документы и материалы, связанные с деятельностью Сунь Ятсена и Гоминьдана, которая с 1928 г. получила все функции правящей партии страны. Приложение политики КИ к реальной обстановке в Китае, к программным положениям и практике Компартии Китая и Гоминьдана позволяют оценивать политику КИ, КПК и ГМД более объективно, чем прежде.

Первый том документов занимает, на наш взгляд, важное место как по количеству впервые появившихся в открытой печати документов и материалов, так и по их содержанию, всесторонне освещающему политический и революционный процесс в Китае. Именно этот том дает весомые основания для пересмотра ряда устоявшихся в историографии положений о характере и содержании китайской революции 20-х гг. XX в., ее участниках и конкретных целях. Впервые читатель получил конкретную и объективную

информацию о формах участия представителей СССР, руководителей РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в национально-революционном и коммунистическом движениях, их взаимодействии с обеими ведущими партиями Китая, о формировании политической революционной программы лидера Гоминьдана Сунь Ятсена и его партии в национальном движении, о связях Сунь Ятсена с полпредами и представителями КИ в КР. Документы тома дают возможность проследить конкретную реализацию основного документа Коминтерна по вопросам его политики в Китае, а именно — Тезисов по национально-колониальному вопросу, принятых II конгрессом Коминтерна в 1920 г.

Впервые были опубликованы документы по Китаю, исходящие из Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), находившиеся на особом хранении, в так называемых "особых папках", а также протоколы Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) (создана 19 марта 1925 г.), о деятельности которой до выхода настоящей книги практически не было сведений.

Между тем, значительная роль в развитии национально-освободительного движения в Китае вплоть до весны 1927 г. принадлежала Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б), председателем которой в начале ее деятельности был председатель Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе. Осуществляя тесную связь с полпредом СССР в КР Л.М. Караханом и политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным, он имел возможность формировать достаточно полное представление о политической ситуации в Китае и предпринимал временами успешные усилия по удержанию политики руководства КИ и КПК в рамках проведения в жизнь Тезисов по национально-колониальному вопросу, противодействуя при этом росту радикализма в руководстве КИ, особенно его Восточного отдела, и КПК¹¹.

Сборник содержит большое количество архивных дел, касающихся финансовой помощи советского государства освободительному движению в Китае, помощи военными и политическими советниками, а также затрат на обучение китайцев в образовательных учреждениях СССР и Китая. Значительный материал освещает мало изученные сюжеты организации Москвой и КИ «северного маршрута» национально-революционного движения с опорой на Национальные армии генералов Фэн Юйсяна и Ху Цзинъи, в том числе приводятся документы об оказании значительной материально-финансовой помощи этим армиям, вполне сопоставимой с размерами помощи военным силам Гоминьдана.

Вопрос о размерах финансовой помощи национально-революционному движению Китая до сих пор не имеет четкого ответа. Вычислить суммарный итог довольно сложно по ряду причин, в том числе ввиду того, что средства поступали из разных источников, что же касается военных расходов, то военное имущество отпускалось НРА в кредит под векселя со сроком платежа через два года. Помощь китайскому национально-освободительному движению оказывалась СССР и КИ в очень тяжелые для советского государства годы, поэтому, как нам представляется, вопрос о величине помощи не является принципиальным, главное — это вопрос о ее своевременности, поскольку все другие державы отказали в помощи Сунь Ятсену в критическое для его партии время. Важно и другое: как показано в документах, на первом месте было желание Москвы и Коминтерна помочь китайскому народу освободиться от гнета милитаристов и давления иностранных держав, контролировавших Пекинское правительство. Понятие интернационализма, почти забытое в настоящее время, в полной мере проявлялось в отношении РКП(б) / ВКП(б) и КИ к национальной революции в Китае.

Документы первого тома впервые дают ясное представление об особенностях советской дипломатии в Китае, которая развивалась как бы по двум направлениям. Первое, главное направление — нормализация отношений между двумя государствами, развивавшееся в рамках международного права. Второе — взаимодействие с революционным движением. В дальнейшем, как это зафиксировано в последующих томах данной се-

рии, эта специфика сохранялась. Наряду с выстраиванием официальных межгосударственных отношений с КР, сохранялась практика 20-х гг., характеризовавшаяся в условиях 30-х и 40-х гг. XX в. взаимными контактами ВКП(б) и КИ с КПК (вплоть до самороспуска Коминтерна в 1943 г.) и помощью СССР и КИ коммунистическому движению — при сохранении официального признания правящего режима.

Следует отметить также полную публикацию материалов (часть документов уже была известна в советской историографии. — *Н.М.*), посвященных визиту военной делегации Гоминьдана в СССР (2 сентября — 29 ноября 1923 г.), которую возглавлял начальник Генерального штаба армии Кантонского (Гуанчжоуского) правительства Чан Кайши. Их изучение проливает свет на формировавшуюся программу Гоминьдана в национально-революционном движении Китая, на пределы сближения Гоминьдана и КПК, на специфическое понимание Гоминьданом идеи мировой революции, в которое Сунь Ятсен и руководимая им партия вкладывали идею борьбы наций угнетенных с угнетающими.

Большое место в сборнике, в котором представлено 205 документов и материалов, занимают ранее не публиковавшиеся письма Г.В. Чичерина, А.А. Иоффе, А.К. Пайкеса, Л.М. Карахана, письма Сунь Ятсена В.И. Ленину, Г. Марингу, А.А. Иоффе, переписка А.А. Иоффе с генералом У Пэйфу, письма Л.М. Карахана М.М. Бородину, Г.Н. Войтинского Л.М. Карахану, докладные записки в вышестоящие инстанции политических и военных советников Гоминьдана и КПК. Письма несут в себе ценную информацию о программных положениях Гоминьдана и КПК в национальной революции, об объединяющих партии взглядах на революционный процесс и выявляют противоречия в целях и методах КПК и Гоминьдана, демонстрируют степень адекватности решений Коминтерна китайским условиям.

Публикация первого тома четко продемонстрировала необходимость работы над новой концепцией китайской революции, хотя это не умаляло значения целого ряда успешных исследований российских историков по теме национально-революционного движения в Китае и роли КИ и СССР в его развитии. Предстояло более четко определить адекватные китайским условиям решения Коминтерна и обозначить заблуждения, основанные на незнании или неполном представлении представителей КИ в Китае и руководства Коминтерна в Москве о программе Гоминьдана и ситуации в Китае.

Во втором томе было опубликовано 268 документов. К перечню различного вида документальных источников прибавились распоряжения, докладные записки, переписка с ИККИ и советскими советниками и китайскими руководителями, исходящие от нового органа в структуре Коминтерна — Дальневосточного Бюро ИККИ, созданного в апреле 1926 г. для работы в Китае (Шанхай). Если подбор документов для первого тома отвечал требованиям всестороннего отражения ситуации в Китае, содержал документы, характеризующие ситуацию в КИ, в КПК и в Гоминьдане, что строило основу для создания более-менее объективной картины событий, то при подборе документов второго тома было отдано предпочтение введению документов, отображающих политику и представления КИ и КПК о национальной революции как о революции широких народных масс, развивающейся «снизу». Завершение революции обозначалось 1927 г., то есть разрывом «единого фронта» КПК и Гоминьдана». За рамками сборника осталось большинство событий, связанных с деятельностью ГМД, с работой Национальных (гоминьдановских) правительств 1927 и 1928 гг., с продолжением Северного похода и разгромом милитаристской системы как главной цели национальной революции в Китае. Таким образом, на структуру тома определенное влияние оказала утвердившаяся в китайской и советской историографии концепция революции, близкая основным положениям Октябрьской революции в России, однако, по сути, не отражавшая исторические реалии в Китае. Тем не менее, второй том документов, большинство из которых впервые введены в оборот, заслуживает высокой оценки. Недочеты не «делают погоды»¹².

Как и вся серия документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», этот том вносит свой вклад в развитие «коминтерноведения».

Наряду с впервые публикуемыми документами Политбюро ЦК ВКП(б) (в том числе материалов "Особой папки Политбюро"), Исполкома Коминтерна и подразделений аппарата ИККИ, занимавшихся проблемами Компартии Китая, материалами переписки ИККИ с руководством КПК, документами Дальневосточного бюро ИККИ, третий том (Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931) включает адресованные ИККИ материалы советской военной разведки (IV управления Штаба Красной Армии), относящиеся к Китаю¹³. По этому направлению были использованы также документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА). Документы убедительно показывают, что самостоятельная работа спецслужб сопровождалась ее взаимодействием с Коминтерном и его представителями в Китае. Эта неизвестная ранее страница истории дает возможность выявить направления и формы взаимодействия спецслужб советского государства с КИ и с КПК, определить их влияние на сферу внешней политики СССР в отношении Китая и Японии. Впервые получила документальное освещение одна из важнейших сторон конспиративной деятельности особого подразделения аппарата Коминтерна — Отдела международной связи (ОМС ИККИ). Т. 3 в основном включает документы начального периода «советского движения». Это был сложный для Компартии период поиска нового содержания революционного процесса, недостаточно документированный до выхода сборника в свет. Как показывают материалы тома, переход от стратегии вооруженных выступлений КПК против Гоминьдана, в формировании которой принимал активное участие и КИ, — к периоду «советского движения», строительству опорных баз в тылу Гоминьдана — был результатом как объективного хода событий, так и следствием влияния на руководство КПК политики Коминтерна, умеющего делать выводы из своих ошибок. Этот процесс фактически совпал с усилением власти И. Сталина, который для ВКП(б) формулировал основополагающие установки китайской политики Коминтерна, которые в свою очередь передавались в Китай руководству Компартии и представителям КИ в КПК. Строительство Красной армии по типу советской Красной армии как обратная сторона «советского движения» осуществлялось при взаимодействии с военной комиссией при Восточном секретариате ИККИ, председателем которой был начальник управления Я.К. Берзин. Документы тома дают также представление об одном из наиболее существенных направлений взаимодействия между КИ и его секциями — отслеживают механизм финансирования КПК Коминтерном.

Т. 4 документального сборника «ВКП(б), Коминтерн и Китай» охватывает период с осени 1931 г. до VII конгресса Коминтерна (1935 г.), в течение которого в Китае началась полоса поражения советского движения. Блокада Центрального советского района поставила коммунистов на грань выживания. Прорвав блокаду, армия КПК выступила в свой легендарный Великий поход в 50 000 ли. Одновременно осуществлялся поиск новой стратегии демократической революции: от всеобщей советизации к сплочению патриотических сил. В томе содержится убедительная информация о том, что процесс поиска шел с двух сторон: изнутри и извне, то есть формировался в том числе под влиянием решений VII конгресса Коминтерна, хотя в целом влияние КИ в Китае в этот период было весьма ограниченным.

Начало в 1931 г. японской агрессии в Китае и изменение международных отношений в целом, усиление опасности для СССР вторжения Японии на территорию Советского государства резко сократили возможности контактов КИ и КПК. В течение 1931–1935 гг. ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и советского движения, что объяснялось как отсутствием единства мнений в КИ по вопросу стратегии национально-освободительных и коммунистических движений в мире, а в Китае в особенности, так и нежеланием раздражать Японию, представлявшую реальную опасность для СССР на его восточных рубежах. Кроме того, отсутствовала доста-

точно реалистичная информация о положении в Китае. Не случайно, что перед военными разведчиками, в частности, перед группой Р. Зорге, работавшей в Китае в 1932–1933 гг., одной из основных задач являлся сбор информации о внутривластной ситуации в Китае. Основным директивным документом Коминтерна о задачах КПК и советского движения в Китае на первую половину 30-х гг. являлась принятая Президиумом ИККИ еще 31 июля 1931 г. резолюция "О задачах Компартии Китая"¹⁴, которая хотя и близко подходила к постановке вопроса создания единого национального антияпонского фронта, однако не уточняла вопроса об участии в нем Гоминьдана. Как свидетельствуют документы, наиболее важные решения ИККИ по вопросу единого национального антияпонского фронта готовились И.В. Сталиным и генеральным секретарем ИККИ (с 1935 г. — до роспуска КИ) Г. Димитровым. Они были приняты Секретариатом ИККИ в июле–августе 1936 г. Как следует из документов, в целом тактика единого национального антияпонского фронта вырабатывалась в 1936–1937 гг. совместными усилиями Секретариата ИККИ и делегации КПК в ИККИ, возглавляемой Ван Мином; ЦК КПК в Китае также работал в этом направлении.

Итог совместных усилий содержался в выступлении Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ по китайскому вопросу 10 августа 1937 г.¹⁵ Этим документом открывается Т. 5. Его документы охватывают период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г. Они посвящены разработке в деталях политики единого национального антияпонского фронта, в том числе охватывают многочисленные инициативы КИ по предотвращению раскола единого фронта, опасность которого была явной, и исходила периодически то со стороны Гоминьдана, то со стороны КПК. Центр тяжести в составлении рекомендаций и инструкций для КПК в разработке условий единого фронта, а также рекомендаций в урегулировании периодически возникавших конфликтных ситуаций в отношениях между Гоминьданом и КПК как основы национального антияпонского единого фронта переместился в этот период с партийных руководящих органов ВКП(б) на Президиум и особенно Секретариат ИККИ (согласно решению VII конгресса КИ). Большое место в документальной базе тома заняли шифротелеграммы между Секретариатом ИККИ и ЦК КПК, а также между Г. Димитровым и Мао Цзэдуном, которые в своем большинстве ранее не были известны исследователям. Между тем, как и прежде, ИККИ в основном следовал позициям советского руководства в его политике относительно КР и отношений между двумя партиями.

Одна из особенностей данного тома состоит в том, что он включает целый комплекс документов о финансовой помощи Советского Союза и Коминтерна Компартии Китая в период антияпонской войны. Как показывает содержание документов тома, в течение 1937–1941 гг. Компартии Китая было предоставлено 3 852 394 ам. долл.¹⁶ Как следует из документа № 180¹⁷, Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. постановило выделить ИККИ один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК КПК. Финансовая помощь СССР в размере одного миллиона отпускалась в ответ на просьбу ЦК КПК от 16 мая 1941 г.¹⁸ СССР передавал Компартии Китая также технические, медицинские средства, различное имущество¹⁹. В 1937 г. при помощи СССР была создана военная школа в Урумчи для подготовки военно-технических кадров для 8-й армии, в которой работали советские инструкторы²⁰.

Следует особо отметить стремление КИ к изучению внутренней обстановки в Китае. В этой связи практиковалась форма заслушивания на соответствующих заседаниях Президиума ИККИ докладов ведущих деятелей КПК, в которых поднимались все животрепещущие вопросы, в большинстве случаев связанные с возникавшими проблемами сотрудничества между КПК и Гоминьданом — к ним относятся доклады Жэнь Биши (апрель 1938 г.) и Чжоу Эньлая (конец декабря 1939 г.). Жэнь Биши, Линьбяо и Мао Цзэминь в июле 1939 г. по инициативе члена Секретариата ИККИ Д.З. Мануильского были участниками обсуждения проблем единого фронта, включая проблему, связанную с опас-

ностью в определенных условиях осуществления капитуляции КР перед Японией²¹. Глубокое внутреннее содержание имели упоминавшиеся выше выступления Г. Димитрова на Секретариате ИККИ 10 августа 1937 г., беседа И. Сталина в Кремле с Ван Минном, Кан Шэном и Ван Цзясяном накануне их отъезда в Китай (11 ноября 1937 г.)²². В документах представлены отдельные перипетии внутрипартийных разногласий, в частности, Мао Цзэдуна и Ван Минна. Свыше 20 документов освещают отношения «хозяина Синьцзяна» Шэн Шицая с СССР.

Завершают том документы, связанные с самороспуском Коминтерна, сам факт которого до сих пор является предметом дискуссий в научной среде. Между тем, документы тома по данному вопросу однозначно свидетельствуют о поддержке китайскими коммунистами этой инициативы Коммунистического Интернационала. И КИ, и Компартия Китая проявили по этому вопросу адекватную историческим условиям позицию. Напомним, что еще в материалах VII конгресса Коминтерна рекомендовалось избегать непосредственного вмешательства КИ во внутриорганизационные дела коммунистических партий²³. ЦК КПК в своем решении по поводу предложения Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна (Яньань, 26 мая 1943 г., док. № 291), подчеркнув новую международную обстановку и изменения в уровне политической сознательности членов партии, отметил положительную роль КИ в развитии коммунистического движения и становлении КПК, особо выделив роль Коминтерна в установлении сотрудничества КПК и Гоминьдана и создании единого фронта в 1924 г. еще при жизни Сунь Ятсена и в поддержке победоносного Северного похода 1926–1928 гг.²⁴ Данное решение отметило все основные заслуги Коминтерна в предшествовавший роспуску Коминтерна период.

Поддержка данного решения ИККИ обосновывалась в решении ЦК КПК также необходимостью предоставления свободы действий всем партиям в целях мобилизации сил в антифашистской борьбе, а также убежденностью в том, что уже давно «китайские коммунисты в состоянии совершенно самостоятельно разрабатывать свой собственный политический курс, свою политику и вести свою деятельность, исходя при этом из конкретной обстановки и специфических условий развития своей нации»²⁵. В целом, необходимость предоставления компартиям большей самостоятельности действий в сложных условиях военного времени признавал И. Сталин уже после VII конгресса КИ. При этом он допускал негативное воздействие усиления централизации руководящей деятельности КИ на деятельность коммунистических партий, которое видел в возможном снижении активности компартий и их творческого подхода к решению усложнившихся вопросов внутренней и внешней политики в быстро меняющейся обстановке.

Значительным явлением в российском источниковедении стало издание в 2004 г. сборника документов «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы»²⁶, который по своему содержанию, наряду со сборником «ВКП(б), Коминтерн и Китай», расширяет и углубляет источниковедческую базу «коминтерноведения». Все документы, включенные в сборник, хранятся в РГАСПИ в фондах ЦК РКП(б)—ВКП(б) (описи Политбюро, Оргбюро и Секретариата), Исполкома Коминтерна (описи Президиума, Секретариата и Политсекретариата Коминтерна, пленумов ИККИ, секретариатов И. Пятницкого и Г. Димитрова, антивоенной и польской комиссий ИККИ и Делегации ВКП(б) в ИККИ, представительства Компартии Германии при ИККИ), Компартии Италии и КПК; личных фондах Г.Е. Зиновьева, В.И. Ленина, В.М. Молотова, К.Б. Радека, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и др. Прослеживается сложный процесс взаимодействия ВКП(б) и Коминтерна, содержание их деятельности. Документы показывают неуклонный рост влияния И. Сталина как на китайскую политику ВКП(б), так и на процесс постепенного усиления приоритетных позиций Политбюро ЦК в формировании политики относительно национально-революционного и коммунистического движений в Китае. Отметим, что в начале 1920-х гг. руководство РКП(б) выстраивало структуру Коминтерна по работе с китайскими коммунистами и одновременно активно сотрудничало по ки-

тайскому вопросу с представителями НКВД СССР в Китае, благодаря которому, как видно из документов, выбор Компартии Китая союзников в национально-революционном движении оказался на стороне партии Сунь Ятсена.

Из документов следует, что с 1927 г. КИ укрепил свои позиции и добился роста своего влияния и на ВКП(б) и на КПК. Однако с годами он все более становился инструментом ВКП(б). Тщательное знакомство с данным сборником документов демонстрирует факт большего внимания Коминтерна к западному направлению. Китай на общем фоне политики РКП(б) / ВКП(б) и КИ не занимал значительного места, возможно, по причине удаленности от центра СССР и трудностей в установлении контактов и связи со своими представителями в Китае и с китайскими коммунистами. Не последнюю роль играл языковой барьер. Удаленность от Москвы и сложности внутривосточной обстановки в КР создавали условия для ослабления контроля КИ и его китайской секции над деятельностью КПК в Китае, которая в первой половине 30-х гг. пыталась создавать очаги советской власти в сельской местности, одновременно противостояла карательным походам Гоминьдана, в итоге — выступила в Великий поход; с конца 30-х — в первой половине 40-х гг. находилась в условиях войны с японским агрессором.

Особое внимание руководство ВКП(б), как отражено в материалах сборника, уделяло сохранению и упрочению своего контроля над ответственными кадрами Коминтерна на местах. В целом, подобная практика ВКП(б) продолжалась с переменным успехом до роспуска Коминтерна и, без сомнения, сыграла свою положительную роль, особенно в организации объединения всех прогрессивных сил в борьбе с фашизмом.

Неудача попыток мировой революции в Германии, Болгарии и других европейских странах, как показывают документы, возможно, несколько снизила радикальный настрой ВКП(б) и КИ на восточном направлении, однако, не заставила отказаться от идеи осуществления в Китае аграрной революции в 1927–1928 гг. и от широкомасштабной организации советского движения, потерпевшего крах в 1934 г. Здесь следует отметить, что революционные схемы деятелей Коминтерна в значительной степени отражали настроения масс, и даже неудачи в их осуществлении в какой-то степени способствовали впоследствии совершенствованию предпринятых инициатив — уже в новых условиях и на новом уровне. Эта точка зрения, как мы увидим далее, нашла свое выражение в некоторых исследовательских работах российских китайедов. Говоря об ошибках Коминтерна, подчеркиваем сложность ситуации в целом, объективные трудности в поисках правильных решений. Как свидетельствуют документы, одна из серьезных ошибок КИ первой половины 1930-х гг. заключалась в длительном сохранении резко конфронтационной позиции по отношению к социал-демократии, что означало затягивание формирования политики единого фронта на Западе и на Востоке. Только опыт антифашистской борьбы в Европе убедил руководство ВКП(б) и КИ отказаться от отрицания совместных действий с социал-демократией и выдвинул на передний план антифашистские и антивоенные задачи, а не меры по подготовке социалистической революции.

После VII конгресса Коминтерна была осуществлена комплексная реорганизация его политики, включавшая кардинальное изменение общего стратегического плана, вектор которого теперь направлялся на объединение всех демократических сил в борьбе с международной агрессией. В ходе реорганизации было осуществлено разделение функций между Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерном, согласно которому ответственные решения Коминтерна не должны были подменяться решениями Политбюро ЦК ВКП(б). Тем не менее, как свидетельствуют дневниковые записи Г. Димитрова и заметки И. Сталина на текстах решений Коминтерна, новый механизм взаимоотношений позволял обходить принятое решение и предоставлял возможность руководству ВКП(б) продолжать контролировать и направлять политику Коминтерна. Сборник содержит убедительные материалы о значительном влиянии И. Сталина на разработку Коминтерном политики создания единого национального антияпонского фронта в Китае и внедрении ее в практику.

Включенные в сборник документы и материалы показывают, насколько масштабной была деятельность Коминтерна в последние предвоенные годы и в период Второй мировой войны. Она охватывала десятки стран Запада и Востока: это и подготовка национальных кадров, и заброска кадров на оккупированные территории, организация радиопропаганды, работа с военнопленными и т.д.

Не углубляясь в содержание документов по актуальной теме репрессий в отношении кадров Коминтерна, начавшихся в 1935 г., лишь отметим, что аппарат ИККИ считался чуть ли не основным каналом просачивания в СССР диверсионных элементов; имели место многочисленные аресты, закрытие всех учебных заведений ИККИ, включая Международную ленинскую школу, подготовившую для многих стран, в том числе для КПК, квалифицированные кадры, роспуск Компартии Польши и т.д.

Несмотря на ряд негативных событий, связанных с деятельностью Коминтерна, материалы сборника, во-первых, свидетельствуют об отражении (хотя и не всегда адекватном) в политике КИ объективно назревших требований момента; во-вторых, о его значительной роли в организации антифашистской борьбы, что имеет мировое значение. Документы не оставляют сомнений в том, что «И. Сталин и его ближайшее окружение направляли Коминтерн на развертывание борьбы с фашизмом, организацию европейского движения Сопротивления и национально-освободительной антифашистской войны»²⁷.

К вышеизложенной тематике примыкают два сборника, которые подготовлены в ИДВ РАН д.и.н. А.И. Картуновой. В 2003 г. вышел сборник документов и материалов под названием «В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника»²⁸. А.И. Картунова выступает в роли составителя, ответственного редактора, автора введения и примечаний. Прделана большая и важная работа, в которой документы переплетаются с личностью В.К. Блюхера как выдающегося военачальника, героя гражданской войны в России и умного интересного человека, жизнь и деятельность которого оказалась тесно связанной с событиями в Китае, в которых он сам выступал одним из главных действующих лиц.

Поскольку в китайском национально-революционном движении большая роль принадлежала военному фактору, деятельность начальника Южнокитайской группы военных советников, прикомандированных к Гуанчжоускому (Кантонскому), а с 1 июля 1925 г. — Национальному (гоминьдановскому) правительству, оказалась в гуще событий, вследствие чего главный военный советник и его группа обладали большей мобильностью и возможностью видения сути внутривнутриполитической ситуации и целей национальной революции. В.К. Блюхер значительно раньше других советников и многих китайских коммунистов понял военную специфику революционного движения, результаты которого связывал больше с успехами военного строительства, чем с уровнем рабочего и крестьянского движения тех лет. Данной работе предшествовало издание сборника документов и материалов о деятельности В.К. Блюхера и военных советников, вышедшего в 1970 г. (переиздание в 1979 г.)²⁹, которое также было подготовлено А.И. Картуновой. Еще первый подготовленный ею сборник был очень положительно воспринят советскими и зарубежными историками. Его материалы содержали основу для внесения корректив в сложившиеся в историографии представления историков о расстановке политических сил в стране и характере социальной среды того времени, о программе Гоминьдана, представлениях лидера Гоминьдана Сунь Ятсена о национально-освободительном движении Китая, о Северном походе 1926–1928 гг. (в 1927 г. В.К. Блюхер вернулся в СССР), направленном на восстановление национального суверенитета Китая и объединение страны. Опубликованный А.И. Картуновой в 2003 г. сборник документов о В.К. Блюхере — значительно более информативный, включающий наряду с другими материалами полную, в отличие от издания 1970 г., публикацию рукописи В.К. Блюхера под названием "Гуандун. Очерк военных событий. Декабрь 1924 г. — июль 1925 г." (док. № 2). В.К. Блюхер закончил этот очерк после первой командировки на юг Китая (сентябрь 1924 г. — конец мая

1925 г.) в сентябре 1925 г. Период его второй командировки в Китай — май 1926 г. — сентябрь 1927 г. Военный талант В.К. Блюхера, как показывают документы, сыграл значительную роль в создании при Кантонском (Гуанчжоуском) правительстве Сунь Ятсена армию нового типа, отличную от армий милитаристов. В течение 1924–1925 гг. армия создавалась и укреплялась в ходе военных действий вооруженных подразделений Сунь Ятсена с военными подразделениями Чэнь Цзюньмина — бывшего соратника Сунь Ятсена, войсками юннаньских и гуансийских генералов, стремившихся контролировать провинцию Гуандун. В результате I и II Восточных походов к концу 1925 г. была заложена основа военного строительства в Кантонской революционной базе³⁰. Необходимо отметить включение в сборник ряда документов о создании и работе военной школы Хуанпу, о роли В.К. Блюхера в ее работе, о помощи созданного на ее основе 1-го корпуса и его значении в вытеснении с Юга войск мятежных генералов. Вторая командировка совпала с Северным походом — центральным событием национальной революции в Китае. Документы показывают трудности В.К. Блюхера, вызванные часто отсутствием постоянно действовавших каналов связи как с Национальным правительством, так и с Москвой, с необходимостью принятия несогласованных с китайским генералитетом и с Москвой решений, с «конфликтом интересов» с главным политическим советником ГМД М.М. Бородиным, склонным в 1927 г. к принятию радикальных решений, нередко под влиянием Коминтерна.

В сборнике отражены неизвестные историкам события, связанные с Хубэйской и Цзянсийской операциями Северного похода; в нем представлены документы и материалы о взаимоотношениях между генералами Чан Кайши и Тан Шэнчжи, существенно повлиявшие на расстановку военных и политических сил, дана оценка В.К. Блюхера «революционности» этих генералов³¹. Следует отметить, что В.К. Блюхер, принимавший самое активное участие в составлении планов Северного похода, хорошо понимал ситуацию в Китае, знал многих генералов и их настроения. Так, он никогда не заблуждался относительно политических воззрений генералов Тан Шэнчжи и Фэн Юйсяна, не доверял им и был уверен, что они не являются верными сторонниками Уханьского правительства, что подтверждено развитием событий. Вместе с тем, в отличие от руководства Коминтерна и от М.М. Бородина он более реально оценивал возможности генерала Чан Кайши, указывал своим оппонентам на масштабную поддержку его политики Гоминьданом, иностранными державами, предпринимателями и торговцами, указывал на его авторитет в военной среде. Неоднократно он обращал внимание и на расхождения между положениями нормативных документов военной школы Хуанпу и стилем поведения советских военных советников в управленческих структурах Хуанпу и в военных корпусах³².

Документы содержат немало сведений о помощи советских политических и военных советников в реорганизации Гоминьдана и КПК в массовые «партии действия», в создании Гоминьданом армии нового типа, существенно отличавшейся от вооруженных сил милитаристов. Совершенно очевиден вклад советских военных советников в победу Северного похода в 1928 г., покончившую с засильем системы регионального милитаризма, поставившую Китай на грань системного кризиса. Немалая роль в достижении ГМД военных успехов принадлежала СССР, оказавшему Гоминьдану материально-финансовую помощь, помощь оружием, советниками и т.д.

Сборник содержит 17 документов, из них 13 составлены В.К. Блюхером. Представляет интерес и Приложение, включающее четыре документа и содержащее оценки В.К. Блюхером военно-политических проблем, связанных с деятельностью Уханьского правительства и взаимоотношений советских советников В.К. Блюхера и М.М. Бородина. Сборник документов вызвал большой интерес китайских коллег. В настоящее время в одном из издательств КНР (в Гуанчжоу) заканчивается его подготовка к изданию на китайском языке.

Документальное освещение темы политики Коминтерна и СССР в Китае, прямо связанной и с развитием советско-китайских отношений, а также с формированием национально-революционного и коммунистического движений в Китае, продолжает изданная в 2008 г. переписка (август 1923 г. — 1926 г.) генерального секретаря ЦК РКП(б) — ВКП(б) И.В. Сталина и полпреда в Китае Л.М. Карахана (РГАСПИ), а также наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана (АВП РФ)³³. Жанр переписки в источниковедении занимает особое место. Содержащаяся в ней информация вкупе с информацией из опубликованных документов политических, государственных и партийных органов не только воссоздает атмосферу времени, но уточняет и конкретизирует внутри- и внешнеполитические проблемы, помогает вскрыть подоплеку тех или иных важных политических решений. Переписка И. Сталина и Л.М. Карахана публикуется впервые, между тем как переписка Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана публиковалась и ранее, однако не в таких масштабах. По сравнению с перепиской Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана переписка И. Сталина с Л.М. Караханом занимает незначительное место.

Содержание данного сборника подтверждает известный из истории российской дипломатии в Китае факт тщательного подбора кадров для работы в Китае. Так, имя Л.М. Карахана, полпреда СССР в КР в течение 1923–1926 гг., как дипломата было хорошо известно в Китае и ранее, прежде всего, по двум документам за его подписью: «Обращение Совета Народных комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. и «Нота Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Министерству иностранных дел Китая» от 7 сентября 1920 г. Переписка, представленная в сборнике, на конкретных примерах демонстрирует высокую профессиональную подготовку полпреда СССР в Китае, а также показывает глубокое проникновение в проблемы российско-китайского взаимодействия И. Сталина и Г.В. Чичерина.

Обозначим ряд направлений и событий, вызывавших особое внимание И. Сталина, Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. Широкое освещение в переписке уделено ходу переговоров Л.М. Карахана с представителями пекинского правительства о подготовке «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», заключенного 31 мая 1924 г. Переписка дает полное представление об огромных усилиях Л.М. Карахана в деле подготовки данного соглашения, подписанию которого активно мешали США³⁴. Известно, что по вопросу подписания соглашения не было единства и в китайской среде. Даже Сунь Ятсена, с партией которого развивались особо дружеские связи и который сам надеялся на официальное признание Кантонского правительства Москвой, пришлось долго убеждать в необходимости заключения соглашения по государственной линии — между СССР и КР. Большие заслуги в этом принадлежали главному политическому советнику Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородину. Новые факты представлены в переписке по вопросу подписания соглашения с Мукденом от 20 сентября 1924 г., среди них — подробности преодоления конфликта интересов СССР с Чжан Цзолинем относительно КВЖД, который усиливался давлением на Чжан Цзолина со стороны Японии и некоторых западных держав³⁵.

Как и в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», содержится ряд материалов о том, что ВКП(б) и КИ не сразу определили в лагере национально-освободительного движения наиболее перспективную политическую силу, способную возглавить борьбу с северными (бэйянскими) милитаристами; некоторые руководящие лица КИ и ВКП(б) не сразу увидели разницу между милитаристскими группировками Чжан Цзолия, У Пэйфу и др., с одной стороны, и Сунь Ятсеном и его партией, которые в конце 1910-х — начале 1920-х гг., не имея собственной армии, вступали в кратковременные союзы с южными милитаристскими группировками, с другой. В переписке нашла отражение и продолжение представленная в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» тема разработки северного маршрута революции с опорой на Национальные армии.

Судя по переписке, Л.М. Карахан, поддерживавший постоянный контакт с политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным, был в курсе всех событий внутренней жизни и Северного, и Южного Китая, лучше многих представителей Коминтерна представлял программу и политику Гоминьдана, что способствовало проведению СССР достаточно адекватной политики как по отношению к официальной власти КР, так и при контактах с лагерем национально-революционного движения. Поддержка Москвой и КИ Северного похода (разногласия между ГМД и КИ имели место главным образом по вопросу времени выступления НРА в Северный поход. — *Н.М.*) является ярким примером объективного подхода советской стороны к решению проблем национально-освободительного движения по данному вопросу.

Как показывает переписка, параллельно с вопросами дипломатического признания СССР со стороны КР решалась важная для советской стороны проблема дипломатического признания СССР со стороны Японии, которая воспринималась в СССР в качестве потенциальной угрозы как для Китая, так и для СССР. Документы освещают подробнейшим образом усилия советской дипломатии при подготовке договора об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией с обязательством со стороны Японии эвакуации с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г.

Значительное внимание в письмах уделено проблеме участия Сунь Ятсена и ГМД в подготовке подготовительной конференции влиятельных военно-политических группировок по вопросу созыва Национального собрания в ноябре 1924 г., что означало еще одну попытку мирного объединения страны. Л.М. Карахан — активный участник этого процесса. В значительной степени благодаря его усилиям в это мероприятие был втянут Сунь Ятсен.

Переписка показывает и достижения, и просчеты советской стороны в организации взаимодействия СССР с национально-революционным движением. Как следует из переписки, по мнению М.В. Фрунзе, Л.М. Карахан выдвигал завышенные требования к советской стороне в оказании генералу Фэн Юйсяну финансовой помощи. Дальнейшее развитие событий подтвердило факт переоценки Л.М. Караханом значения Фэн Юйсяна в национально-революционном движении.

В поле зрения участников переписки постоянно находились вопросы, связанные с эксплуатацией КВЖД и с положением Кантонского правительства. Разногласия по ряду вопросов в Кантонском правительстве наряду с периодически возникавшими конфликтными ситуациями на КВЖД, в возникновении которых были повинны то китайская, то российская стороны, отражали, прежде всего, сложность общей ситуации в стране и в мире. Большое внимание в переписке уделено инспекционной поездке в Китай военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлявшейся членом ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С. Бубновым (Ивановским), которая работала в Китае с начала февраля 1926 г. по конец апреля 1926 г. Результат деятельности комиссии, призванной наряду с решением задачи по урегулированию ситуации вокруг КВЖД исправить допущенные Коминтерном ошибки в работе советских советников при ГМД и его армии, оценивался по-разному. Как это видно из переписки, в СССР преобладало стремление сделать виновными М.М. Бородину и Л.М. Карахана. Между тем материалы документальных сборников свидетельствуют о том, что внутренняя ситуация была сложнее, и причины конфликтов были больше связаны с недостаточным знанием в КИ и ВКП(б) политической программы и практики Гоминьдана, а также положения в Китае в целом. Ярким тому подтверждением является ряд инструктивных указаний ЦК ВКП(б) и КИ, направлявшихся в течение первой половины июля 1926 г. лично М.М. Бородину — не допустить начала Северного похода Гоминьдана против Северных милитаристов в сроки, определенные Гоминьданом и его военным командованием. В результате имела место парадоксальная ситуация: Москва запрещала выступление армии ГМД в поход — в то время, когда он уже 9 июля 1926 г. начался.

В 1990-х и 2000-х гг. продолжалась работа над созданием многотомной документальной серии «Русско-китайские отношения в XVIII — середина XX вв.», основанной преимущественно на документах отечественных архивов, с привлечением документов и материалов из зарубежных архивов и с использованием достижений современного мирового китаеведения. Аналогов этой серии в мировой науке нет. Ответственный редактор серии — академик С.Л. Тихвинский, зам. ответственного редактора серии — к.и.н. А.С. Ипатова. Изучение российско-китайских отношений относится к числу приоритетных направлений в деятельности ИДВ РАН со времени его основания, что определяется тесной взаимосвязью фундаментальной науки с практическими потребностями российской дипломатии, национально-государственными интересами страны. Не рассматривая в статье изданные тома данной серии (они требуют специального исследования. — *Н.М.*), отметим при этом, что в документах и материалах каждого тома содержится большой материал о внутривластных проблемах Китая, включающий информацию и оценки государственной политики КР, партийно-политические проблемы, общественные движения, характеристику выдающихся деятелей Китая по различным направлениям. Данное издание представляет собою весомый вклад в мировую фундаментальную науку. Востребовано оно и отечественной дипломатией. Издано 12 томов. Подготовка очередных томов продолжается.

Предпринятая нами характеристика блока крупных документальных сборников, изданных в течение 1990-х — 2000-х гг. и содержащих достоверную источниковедческую базу для изучения многослойного внутривластного процесса в Китае, китайской политики ВКП(б) и КИ, свидетельствует о появившейся возможности для историков более углубленного изучения проблем внутренней истории и частично внешней политики, ликвидации ряда «белых пятен» в политической истории страны, связанных в том числе с изучением места партии Сунь Ятсена в национальной революции.

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 1. 1920–1925 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, Го Хэньюй (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, М. Лейтнер, Р. Фельбер. М., 1994.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. 1926–1927 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 1996.
3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. Документы. Т. 3 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 1996.
4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937. Документы. Т. 4. Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 2003; ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны 1937 — май 1943. Т. 5 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, А.М. Григорьев, А.И. Картунова, И. Крюгер, Н.И. Мельникова, К.В. Шевелев. М., 2003. М., 2007.
5. См.: *Картунова А.* К завершению издания серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай. 1920 — май 1943 гг.» // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 103.
6. Эта скрупулезная работа проделана И.Н. Сотниковой при участии К.В. Шевелева.
7. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 1–10. М., 1957–1965.
9. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985.
10. См.: *Saich T.* The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneefliet (alias Maring). Leiden, 1991. Vol. 1–2.
11. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. №№ 141, 144. 146, 152, 153, 158, 160–163, 166, 171–173, 177, 180, 192, 195.

12. Недочеты подобного рода отмечал в своей рецензии на 2-й том документов Ю. Гарушянц. См.: *Гарушянц Ю.* ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т 2 // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 4. С. 149.
13. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. М., 1999. Ч. 1–2.
14. Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931. Т. 3, ч. 2. Док. № 410.
15. ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны, 1937 — май 1943. Т. 5. Док. № 1.
16. Там же. См. Док. №№ 65, 126, 140, 157, 180, 198, 202, 217.
17. Там же. См.: Док. № 180.
18. Там же. Док. № 172.
19. Там же. См.: Док. №№ 28, 57, 69, 94, 116, 124, 157, 173, 202.
20. Там же. Док. № 70.
21. Там же. Док. №№ 47, 48, 53.
22. Там же. Док. № 7.
23. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937: Документы. Т. 4, ч. 2. Док. № 285.
24. ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны, 1937 — май 1943. Т. 5. Док. № 291.
25. Там же. С. 671.
26. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг. 6 Документы / Ред. коллегия: Г.М. Адибеков (отв. ред.-подготовитель), К.М. Андерсон, К.К. Шириня (отв. ред.-подготовитель). Сост.: Г.М. Адибеков, Ж.Г. Адибекова, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. М., 2004.
27. *Адибеков Г.М., Шириня К.К.* Предисловие // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. С. 18.
28. В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введ. и примеч. А.И. Картунова. М., 2003.
29. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг.: Документы и материалы. М., 1979.
30. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника». С. 397–432.
31. Там же. Док. №№ 10–12.
32. Там же. Док. №№ 1, 3, 4.
33. Переписка И.В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: Документы, август 1923 г. — 1926 г. / Сост., отв. ред.-подготовитель, авт. предисл. д.и.н. А.И. Картунова; гл. ред. М.Л.Титаренко. М., 2008.
34. Там же. Док. №№ 7, 12, 15, 44. 46, 54.
35. Там же Док. № 9.

Политика

КНДР: несменяемый вектор

© 2014

А. Жебин

Автор анализирует события в КНДР после прихода к власти нового руководителя страны Ким Чен Ына, перемены, произошедшие в ее внутренней и внешней политике. Большое внимание уделяется перестановкам в высшем эшелоне руководящих кадров, в том числе командовании вооруженными силами. Обращается внимание на новые моменты в подходах Пхеньяна к ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП), дается краткий обзор отношений КНДР с КНР и Россией.

Ключевые слова: КНДР, политика, армия, ядерная проблема, санкции.

Историкам, было бы, пожалуй, непросто найти еще такой же насыщенный знаковыми событиями период в жизни Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), каким оказались 2012 — 2013 гг. Вместе с тем, даже те из этих событий, которые выглядели самыми неординарными и вызвали наиболее бурную реакцию в мире, в целом подтвердили, как это ни парадоксально, незыблемость базовых политических установок и преемственность внешней и внутренней политики КНДР, проводившейся на протяжении последних десятилетий.

Страна обрела самого молодого в истории лидера, который, похоже, окончательно утвердил свою абсолютную власть над сложившейся в период правления Ким Ир Сена и Ким Чен Ира элитой и занял высшие посты в государстве, правящей партии и вооруженных силах. При Ким Чен Ыне — третьем сыне Ким Чен Ира, возглавлявшего КНДР в 1994–2011 гг. — Северная Корея стала космической державой, выведя 12 декабря 2012 г. на орбиту искусственный спутник земли (ИСЗ), два месяца спустя — 12 февраля 2013 г. — провела третье ядерное испытание. В марте того же года был провозглашен «новый стратегический курс на параллельное развитие экономического строительства и строительство ядерных сил»¹. Ядерный статус КНДР, который признавать в мире пока никто не собирается, был, тем не менее, юридически закреплен в конституции страны, измененной с этой целью на 7-й сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва 1 апреля 2013 г.

Утверждение на вершине государственной и партийной вертикали представителя третьего поколения правящей с 1945 г. на севере Корейского полуострова семьи пхеньянских Кимов стало, безусловно, основным содержанием внутриполитических

процессов в КНДР в рассматриваемый период. Неожиданная кончина Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. вынудила верхушку правящей элиты форсировать процесс передачи власти еще не достигшему 30-летия новому лидеру и завершить его менее чем за четыре месяца, тогда как его отцу потребовалось для этого более 4-лет (с июля 1994 г., когда умер Ким Ир Сен, по сентябрь 1998 г.).

11 апреля 2012 г. на IV конференции бессменно правящей в стране Трудовой партии Кореи (ТПК) Ким Чен Ын был избран Первым секретарем ТПК, а 13 апреля 2012 г. на 5-й сессии ВНС КНДР 12-го созыва — Первым Председателем Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР. Наименование высшего партийного и государственного постов было специально изменено, так как по уже имеющемуся прецеденту, когда в 1998 г. пост Президента КНДР был навечно закреплен за покойным Ким Ир Сенем, за Ким Чен Иром навсегда оставили занимавшиеся им должности Генерального секретаря ТПК и Председателя ГКО КНДР.²

Столь быстрый и, на первый взгляд, сравнительно «гладкий» процесс передачи власти во многом объясняется тем, что Ким Чен Ир все же успел предпринять ряд мер для легитимации «наследника». 28 сентября 2010 г. на III конференции ТПК Ким Чен Ын, получивший накануне звание генерала армии, был избран одним из двух заместителей председателя Центрального военного комитета (ЦВК) ТПК. Незадолго до своей смерти 8 октября 2011 г. отец «завещал» партийному руководству, пополненному на партконференции сторонниками такого шага, передать сыну пост Верховного главнокомандующего Корейской народной армии (КНА), что и было исполнено на заседании Политбюро ЦК ТПК 30 декабря 2011 г.³

Помимо закрепления поста генсека «навечно» за Ким Чен Иром и введения должности «Первого секретаря ТПК», изменения, внесенные в Устав ТПК на IV конференции, закрепляли ее характер как «партии Ким Ир Сена и Ким Чен Ира» и впервые определяли «кимирсенизм-кимчениризм» в качестве «единственной руководящей идеологии» ТПК⁴.

На конференции было радикально пополнено Политбюро ЦК (7 новых членов и 5 кандидатов), уже заметно поредевшее после обновления на предыдущей, III партконференции, состоявшейся в 2010 г. Избраны несколько новых секретарей ЦК и членов ЦВК ТПК. Одним из наиболее знаковых повышений стало избрание членом Политбюро Чан Сон Тхэка, которого в то время многие аналитики прочили на роль главного ментора нового лидера. К тому времени он также занимал посты заместителя председателя ГКО и заведующего одним из ключевых отделов аппарата ЦК ТПК — административных органов. Сестра покойного Ким Чен Ира Ким Ген Хи в дополнение к членству в Политбюро ЦК стала еще и секретарем ЦК ТПК.

Между тем, прогноз, высказанный в данном журнале еще весной 2012 г. о том, что Чан Сон Тхэк вряд ли станет «регентом» при новом руководителе, в конечном счете подтвердился⁵. Всего лишь через полтора года, 8 декабря 2013 г. он был смещен со всех занимаемых постов, лишен воинских званий и исключен из партии⁶. Три дня спустя, 12 декабря этот деятель, считавшийся многими человеком № 2 в руководстве КНДР, был осужден и в тот же день казнен по приговору специального военного трибунала Министерства охраны государственной безопасности⁷.

Беспрецедентное по открытости информационное сообщение о расширенном заседании Политбюро ЦК ТПК, рассмотревшем дело Чан Сон Тхэка, и отчет о судебном заседании пролили свет на многие остававшиеся доселе малоизвестными аспекты ситуации в стране и ее внешней политики и дали зарубежным аналитикам богатую пищу для размышлений на эту тему.

Особенно впечатляет пакет экономических преступлений «предателя всех времен», «антипартийного и контрреволюционного фракционера, презренного политического карьериста и заговорщика», как охарактеризовали Чан Сон Тхэка в упомянутых выше документах⁸.

Оказалось, что на протяжении ряда последних лет «экономика и благосостояние народа» в КНДР находились «на грани краха»⁹. А тем временем в руководстве страны действовала группировка, которая нанесла «огромный вред партии и революции»¹⁰. Она, в частности, добилась того, что «Кабинет министров оказался неспособным выполнять свои функции и утратил главенствующую роль в руководстве экономикой», сумела прибрать к рукам целые отрасли народного хозяйства, в том числе добычу драгоценных металлов, продавала за рубеж по «бросовым ценам» природные ресурсы и, наконец, чтобы расплатиться с долгами, сдала в аренду на 50 лет участок земли в торгово-экономической зоне «Расон». Мы также узнали, что проведенная в 2009 г. денежная реформа привела к «экономическому хаосу и смятению в народе». Все эти действия, оказывается, были частью коварного замысла — когда экономика будет «окончательно развалена, а государство будет на грани краха», — возглавить Кабинет министров, спасти страну и заслужить поддержку народа, что якобы и позволило бы ему «осуществить государственный переворот» и «узурпировать верховную власть»¹¹.

Не лучше обстояло дело с моральным обликом одного из представителей высшей эшелоны правящей элиты. На суде выяснилось, что Чан Сон Тхэк «сорил деньгами», вел «развратную и распутную жизнь», проигрывал миллионы евро в казино и даже распространял среди своих приближенных порнографические фото¹².

Впрочем, у некоторых западных читателей перечисление этих «преступлений» вызвало довольно едкие комментарии. Так, один канадский блоггер заметил, что все приписанное Чан Сон Тхэку делает его вполне подходящим кандидатом в мэры Торонто, который был вынужден уйти в отставку из-за похожих обвинений. Еще жестче высказался американец, заметивший, что если за сделанное Чан действительно заслуживает расстрела, то тогда в США вполне можно расстрелять половину палаты представителей.

Однако главными причинами устранения Чан Сон Тхэка, как явствует из тех же сообщений, было его стремление стать единственным и, похоже, довольно вольным толкователем и исполнителем указаний нового лидера, а также его попытки переключить на подконтрольные ему структуры часть финансовых потоков, которые должны были пополнять партийную казну.

Заключительные положения приговора не оставляют сомнений на этот счет: «те, кто посмеет идти наперекор единой руководящей линии Ким Чен Ына, бойкотировать его абсолютную власть и противопоставлять традициям горы Пэкту (эвфемизм, означающий в КНДР традицию наследственной передачи власти. — Прим. авт.) личные интересы... кем бы они ни были, и где бы они ни скрывались (возможно, намек в адрес Ким Чен Нама — первого сына Ким Чен Ира, живущего в Макао. — Прим. авт.)... будут беспощадно наказаны именем партии и революции, родины и нации»¹³.

Тем, кто недоумевал, почему с членом правящей семьи поступили так жестоко, стоит обратить внимание на два фактора. Во-первых, семья Чана никогда не принадлежала к правящей элите. Он попал туда случайно, благодаря браку с дочерью Ким Ир Сена. Его карьера шла в гору до тех пор, пока он верно служил интересам семьи. В глазах ветеранов, коротавших ночи с Ким Ир Сеном в партизанских землянках Маньчжурии и избав в Вятском, он был выскочкой, которого вряд ли сильно любили. Не случайно, никто из членов высшего руководства (члены ГКО, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК, за исключением, может быть, исчезнувшего уже в 2014. г. ответственного секретаря столичного горкома ТПК Мун Ген Дока) не оказался замешанным в этом деле и не был причислен к его «шайке».

Во-вторых, безжалостность и быстрота наказания Чан Сон Тхэка также объясняется необходимостью послать недвусмысленный сигнал той части номенклатуры, которая без должного энтузиазма отнеслась к очередной наследственной передаче власти и, вероятно, в той или иной степени оказалась подверженной «упадническому, капиталистическому образу жизни», который якобы распространял Чан Сон Тхэк¹⁴.

9 марта 2014 г. в КНДР прошли очередные выборы в высший законодательный орган страны, первые после прихода к власти нового руководителя, а ровно месяц спустя, 9 апреля в Пхеньяне состоялась 1-я сессия ВНС КНДР 13-го созыва. В связи с истечением конституционных сроков полномочий высших органов государственной власти и управления депутатам предстояло сформировать их состав и избрать их руководителей. Многие обозреватели ожидали, что молодой лидер последует примеру своего деда и отца, которые в аналогичной ситуации, соответственно в 1972 и в 1998 гг., пошли на радикальную реорганизацию органов государственной власти и их персонального состава, что называется, «под себя» (так, в 1972 г. был введен пост президента КНДР, а в 1998 г. эта должность стала лишь посмертным титулом умершего в 1994 г. Ким Ир Сена). В пользу такого варианта говорило и то, что депутатский корпус был обновлен более чем наполовину.

Однако эти предсказания не оправдались. Дело в том, что за два года, прошедших после занятия Ким Чен Ыном высших постов в партии и государстве в апреле 2012 г., он настолько энергично перетасовал руководящую колоду, попутно обновляя ее за счет выдвижения кадров второго и даже третьего эшелона, что радикальных перемен не потребовалось. Достаточно сказать, что за этот период на двух ключевых постах — министра народных вооруженных сил и начальника Генштаба КНА сменилось по четыре генерала.

Некоторые из них бесследно исчезли из виду, как член Президиума Политбюро ЦК ТПК, заместитель Председателя ЦВК, начальник Генштаба КНА вице-маршал Ли Эн Хо, для освобождения которого от всех постов потребовалось специальное заседание Политбюро ЦК ТПК, созванное в воскресенье 15 июля 2012 г. Другим, таким как членам Политбюро ЦК ТПК вице-маршалам КНА Ким Эн Чхуну и сменившему его всего на 7 месяцев — с апреля по октябрь 2012 г. — Ким Ден Гаку, занимавшим посты министра народных вооруженных сил, подыскали более спокойную и менее ответственную работу — первый стал заведующим военным отделом ЦК ТПК, второй — начальником военной академии им. Ким Ир Сена.

Суд над Чан Сон Тхэком дал основание предположить, что удивившая многих наблюдателей беспрецедентная для КНДР чехарда с военными кадрами была в какой-то степени мотивирована не столько недовольством их деловыми качествами, а стремлением обеспечить лояльность высшего командного состава новому лидеру. Ведь в своих показаниях Чан Сон Тхэк признал, что замышлял «устроить военный переворот, используя военное руководство, с которым был в тесных отношениях»¹⁵.

Кроме того, внесенные в эти годы поправки в конституцию страны и устав правящей партии, вероятно, смогли создать устраивающий Ким Чен Ына баланс полномочий высших партийных, государственных и военных структур.

В целом прошедшие выборы и некоторое обновление состава высших органов государственной власти показали, что политические институты страны нормально функционируют в рамках существующей конституции. Соблюдение конституционных процедур, обновление депутатского корпуса можно расценить как свидетельство достижения определенной политической стабильности.

Переизбрание Ким Чен Ына на 1-й сессии ВНС 13-го созыва, состоявшейся 9 апреля, главой ГКО, который, согласно конституции, является «верховным руководителем» КНДР, было вполне предсказуемо. Можно ожидать, что он, как и его отец, будет занимать этот пост пожизненно. Прошедшая сессия ВНС КНДР это четко обозначила.

По итогам сессии все высшие руководители сохранили занимавшиеся ими посты. Член Президиума Политбюро ЦК ТПК 86-летний Ким Эн Нам остался Председателем Президиума ВНС КНДР — в должности, которую он занимает с 1998 г. Таким же политическим долгожителем на посту Председателя ВНС является член Политбюро, секретарь ЦК ТПК Цой Тхэ Бок. Остался на своем месте и глава кабинета министров Пак Пон Дю, вернувшийся в 2013 г. на эту должность, которую он уже занимал в 2003–2007 гг.

Омоложение депутатского корпуса пока не привело к занятию представителями этой группы всех ключевых постов. Например, новому министру иностранных дел Ли Су Ену уже под 80 — вряд ли в этом случае можно говорить о "молодых кадрах", которые пришли на смену старой гвардии. Однако у него оказалось решающее преимущество — он был послом КНДР в Швейцарии в тот период, когда там учился нынешний лидер. Среди занимавшихся им должностей — глава Комитета по совместному предпринимательству и инвестициям. Этот опыт может особенно пригодиться с учетом провозглашенных задач экономического развития, которые КНДР приходится реализовывать в условиях беспрецедентно жестких экономических санкций, наложенных СБ ООН, а также введенных в одностороннем порядке США и некоторыми другими их союзниками.

В этом нет ничего из ряда вон выходящего. Кадровой революции на самом верху не произошло. Похоже, что Ким Чен Ын отдает предпочтение точечным заменам, прежде всего в армии и других силовых структурах, отдавая ключевые посты тем, кого он, возможно, знает лично и знает давно, доверяет больше, чем их предшественникам и, безусловно, тем, кто, с его точки зрения, сможет выполнять свои обязанности наиболее эффективно.

Возможно, именно последним мотивом он руководствовался, принимая решение о переводе на менее ответственную работу Цой Рен Хэ. Этот деятель был единственным руководителем, существенно продвинувшимся на сессии ВНС в государственной таблице о рангах. Он добавил должность заместителя главы ГКО к уже занимаемым им постам члена Президиума Политбюро ЦК ТПК, заместителя председателя ЦВК ТПК и начальника Главпура КНА. Это дало ряду обозревателей основание возвести его на место № 2 в северокорейской иерархии. Как и в случае с Чан Сон Тхэком, такие выводы оказались более чем поспешными.

Северокорейскую властную пирамиду десятилетиями выстраивали под одного лидера, власть которого фактически ничем не ограничена. Последние попытки помешать становлению такой системы были безжалостно подавлены Ким Ир Сенем еще в 60–70-х годах прошлого столетия. Ким Чен Ын — продукт и воплощение данной модели. Он вряд ли станет делить с кем-нибудь власть и, как и его отец после смерти Ким Ир Сена, будет править единолично, опираясь на тех людей, которые будут возвышены им самими, а также на те старые кадры, которые уже многократно доказали свою лояльность.

Такая модель предусматривает наличие высшего руководителя, абсолютного лидера. Все остальные руководящие работники, какие бы посты они ни занимали, для него совершенно равны! И если кто-то попытается стать человеком № 2 в реальности — как это, возможно, пытался сделать Чан Сон Тхэк, а за ним и Цой Рен Хэ, то его может постигнуть такая же судьба. Считаться человеком № 2, а тем более попытаться на деле играть эту роль — это как бы уже заявка на место номер один и может восприниматься как угроза существующей системе. Такого деятеля, в лучшем случае, отправят на «перевоспитание», а в худшем... В декабре 2013 г. все могли убедиться, что может быть в таком случае. Смещение Цой Рен Хэ буквально считанные дни спустя после его очередного карьерного взлета в апреле 2014 г. — убедительное тому подтверждение. Похоже, что все его должности в партии и армии перешли к очередному фавориту — первому заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ТПК Хван Бен Со, которому 28 апреля было присвоено звание вице-маршала КНА. Пока что Цой Рен Хэ, как сообщают, будет в ЦК ТПК курировать работу «массовых организаций трудящихся» — профсоюзов, работников сельского хозяйства, женского союза и т.п. Однако будущее его выглядит туманным — ведь он был первым секретарем северокорейского комсомола тогда, когда курирующий эту молодежную организацию отдел ЦК ТПК возглавлял Чан Сон Тхэк.

Люди, которые уже доказали свою преданность, в северокорейском руководстве есть. Именно поэтому они сохраняют свои позиции довольно длительное время. Если формально подходить с точки зрения партийных и государственных постов, а главное — конституции, то человек № 2, по крайней мере, для внешнего мира — это член Президи-

ума Политбюро ЦК ТПК, Председатель Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нам, который, согласно основному закону, «представляет КНДР». Он пережил и Ким Ир Сена, и Ким Чен Ира, и при этом сохраняет нынешний пост, который занял еще в 1998 г. с благословения Ким Чен Ира. До этого он долго был зампреьера, министром иностранных дел, членом политбюро... Это очень опытный, осторожный руководитель, который, похоже, не участвовал ни в каких группировках и всегда четко давал понять, что он ни на что ни в коем случае не претендует и готов выполнять ту работу, которую ему поручат. Не случайно, что он уже более 30 лет находится на самых высоких постах в партии и государстве и никаким чисткам и перевоспитаниям не подвергался.

Нетрудно заметить, что главные задачи, обозначенные руководством КНДР в области внутренней политики, будет, как показывает опыт многих стран, крайне непросто выполнять одновременно.

Это касается и принятого 31 марта 2013 г. на Пленуме ЦК ТПК «нового стратегического курса на параллельное развитие экономического строительства и строительство ядерных сил», который, как отмечалось, должен стать «успешным продолжением и развитием на новом высоком уровне... курса на параллельное развитие экономического и оборонного строительства 1960-х годов»¹⁶.

Судя по задачам, поставленным Ким Чен Ыном в новогодних выступлениях, практику которых он возобновил с 2013 г. (предыдущее аналогичное обращение прозвучало из уст Ким Ир Сена на новый 1994 г., а при Ким Чен Ире появился обычай публикации совместных новогодних передовых статей трех ведущих газет — партийной, армейской и молодежной), а также по другим его последним выступлениям, руководство страны понимает необходимость более плотно заняться решением хотя бы некоторых наиболее острых экономических проблем, в первую очередь продовольственной¹⁷.

Об этом свидетельствует ряд шагов, предпринятых в области стимулирования сельскохозяйственного производства, кстати, уже давших вполне ощутимые позитивные результаты, объявленное в октябре 2013 г. решение о доведении количества специальных экономических зон до 14, повышение роли Кабинета министров в реализации экономической политики, некоторые шаги организационного и законодательно-регулятивного характера по привлечению и защите иностранных инвесторов, в том числе и адресованные США¹⁸.

С другой стороны, Ким Чен Ын в своей речи на 8-й конференции идеологических работников ТПК призвал их добиться того, чтобы люди «отвернулись от буржуазной идеологии». Для этого, учил молодой руководитель, сам подвергавшийся ее губительному влиянию во время учебы в Швейцарии, надо вести пропаганду «в наступательной манере», в том числе принять «решительные меры» по использованию интернета с тем, чтобы справиться с действиями «врагов»¹⁹.

Следовательно, можно ожидать усиления активности действующей в КНДР всеохватывающей системы политического воспитания и образования, усиления контроля над поступающей в страну из-за рубежа информацией, а также борьбы против идей, чуждых социализму корейского образца. В целом, похоже, ставится задача усилить контроль над всеми сферами жизни северокорейского общества.

К числу наиболее знаковых событий в политической жизни КНДР относится заметное возрастание роли центральных партийных органов в выработке и реализации политического курса внутри страны и на международной арене. Ким Чен Ын возродил утраченную при его отце и существовавшую при деде Ким Ир Сене практику созыва Пленумов ЦК ТПК накануне очередных сессий северокорейского парламента. Как это было и прежде, на пленумах стали рассматриваться основные вопросы, выносимые на рассмотрение ВНС КНДР, в том числе и организационные.

Заметно чаще стали собираться Политбюро ЦК ТПК и Центральный военный комитет ТПК. За два с небольшим года нахождения у власти нового руководителя коли-

чество таких заседаний, по крайней мере, тех, о которых сообщалось в СМИ, превысило аналогичные показатели за весь период правления Ким Чен Ира (1994–2011 гг.).

Важным инструментом мобилизации народа на решение поставленных руководством страны задач оставались регулярно созываемые пленумы руководящих органов различных профессиональных и общественных организаций, всереспубликанские съезды, слеты и совещания, охватившие практически все социальные и профессиональные группы населения.

Среди такого рода мероприятий в 2012 г. можно назвать всереспубликанские съезды землеустроителей (май), матерей (ноябрь), участковых уполномоченных Министерства народной безопасности (ноябрь), работников юстиции и прокуратуры (ноябрь). В 2013 г. прошли очередные съезды секретарей первичных партийных организаций ТПК (январь), слеты работников легкой промышленности, организаций Детского союза Кореи (июнь), работников связи (сентябрь), строителей (декабрь), активистов рыбной промышленности (декабрь). Только в течение двух первых месяцев 2014 г. было проведено четыре общереспубликанских мероприятия: слеты бригадиров сельхозкооперативов и командиров Рабоче-крестьянской «красной гвардии» (оба в январе), а также съезды идеологических работников ТПК и работников охраны государственной территории и окружающей среды.

В условиях ограниченных возможностей материального поощрения наиболее отличившихся работников еще более широкое распространение получило их моральное стимулирование. Так, за вклад в успешный запуск ИСЗ в декабре 2012 г. орденами и медалями КНДР были награждены 5783 человека. За успешное проведение третьего ядерного испытания в феврале 2013 г. государственных наград были удостоены 11 592 человека, причем 100 из них было присвоено звание «Герой КНДР». В апреле 2012 г. за вклад в сооружение и сдачу в эксплуатацию Хичхонской ГЭС ордена и медали получили 57 872 строителя этого крупнейшего народнохозяйственно объекта последних лет.

Усиление режима международных санкций и отказ США и их союзников, в первую очередь Республики Корея и Японии, возобновить диалог с КНДР по вопросам безопасности без осуществления Пхеньяном практических шагов по свертыванию ядерных программ продолжает оставаться самым серьезным внешнеполитическим вызовом для КНДР. Особенно болезненно было воспринято в Пхеньяне осуждение Советом Безопасности ООН успешного запуска в КНДР ИСЗ, выведенного на орбиту 12 декабря 2012 г.

Успех в этой области был крайне важен, в первую очередь, для нового лидера страны. Запуском спутника собирались отпраздновать 100-летие со дня рождения Ким Ир Сена, отмечавшееся 15 апреля 2012 г., а также приуроченное к этой дате занятие Ким Чен Ыном высших постов в партии и государстве. Чтобы обеспечить максимальное публицити этим событиям, северокорейцы пригласили сотни иностранных журналистов и специалистов, которым, правда, непосредственно наблюдать за стартом ракеты-носителя «Ынха» не позволили. Поэтому неудача запуска 13 апреля была, вероятно, весьма болезненно воспринята новым лидером. К тому же, ее пришлось признавать публично²⁰.

Возмущение в Пхеньяне усугублялось явным нежеланием Запада отреагировать на ряд позитивных тенденций в действиях КНДР в связи с последними запусками. Еще накануне пуска 2009 г. Пхеньян присоединился к ряду конвенций об использовании космического пространства в мирных целях. В апреле 2012 г. он проложил траекторию полета таким образом, чтобы в максимально возможной степени учесть интересы безопасности других стран, пригласил ученых и журналистов присутствовать при запуске спутника²¹.

Учитывая эти обстоятельства, реалистично мыслящие аналитики, в том числе американские, призывали всерьез отнестись к этому приглашению и обращали внимание на заметные различия между запуском ракеты-носителя спутника и испытанием баллистической ракеты, задача которой — доставка боеголовки в заранее намеченную точку на поверхности Земли. Они полагали, что принятие приглашения, легализуя в известной

степени запуски КНДР спутников, в то же время помогло бы окончательно поставить вне закона испытания северокорейцами боевых МБР²².

Тем не менее, все примирительные жесты Пхеньяна были отвергнуты. Узвленные северокорейцы на удивление в сжатые сроки справились с техническими проблемами и с четвертого раза (первая попытка была предпринята еще в августе 1998 г.) вывели спутник «Кванменсон» на околоземную орбиту, что и было зафиксировано иностранными станциями слежения.

Представляется, что на фоне многочисленных испытаний Индией и Пакистаном баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки, реакция СБ ООН, по крайней мере, в глазах северокорейцев, выглядела явно несправедливой и была решительно отвергнута КНДР²³.

Действительно, в течение 1998–2012 гг. Индия и Пакистан провели более 120 испытательных пусков боевых ракет (из них около 80 — баллистических), многие из которых могут быть оснащены ядерными боеголовками²⁴. В начале 2013 г. кровопролитные инциденты на границе между этими двумя странами заставили даже «Нью-Йорк таймс» признать, что длящийся десятилетиями индо-пакистанский конфликт является «одним из наиболее вероятных очагов ядерной войны»²⁵. Но никто по этому поводу СБ ООН созвать не попросил.

За тот же период (1998–2012 гг.) КНДР сделала всего четыре попытки запустить спутник (первые три — в 1998, 2009 и 2012 гг. — неудачные). И все они стали предметом внимания СБ ООН в виде резолюций или заявлений Председателя СБ ООН. В этой связи в КНДР не без иронии отметили, что мире за все время было произведено более 2000 ядерных испытаний и более 6000 запусков спутников и ни один из них, за исключением сделанных в КНДР, не стал предметом обсуждения на СБ ООН²⁶.

Такой же неоднозначный подход проявляется при оценке действий ряда других государств. Япония в апреле 2012 г. вывела на орбиту четыре спутника, в том числе один южнокорейский, и заявила, что планирует вывести еще шесть. Южная Корея в 2013 г. (причем с помощью России) тоже запустила собственный спутник со своего космодрома.

Такие двойные стандарты, видимо, привычны для элит и населения государств т.н. «золотого миллиарда», но они далеко не так воспринимаются в странах, в которых проживают остальные 5 млрд населения Земли. Та же «Нью-Йорк таймс» в самом начале нынешнего кризиса вокруг ядерных программ Северной Кореи писала, что в мире есть еще 20–30 лидеров государств, которые хотели бы поступать, как Северная Корея, да только в силу определенных политических, экономических причин и даже географического положения им это не по силам.

В Пхеньяне, похоже, решили жестко отстаивать свое суверенное право на использование космического пространства в мирных целях. Это право закреплено в соответствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер. Им широко пользуются все окружающие КНДР государства, и поэтому северокорейцы никогда не смиряются с попытками лишить страну этого права, что и было подтверждено северокорейской стороной, отвергнувшей как заявление Председателя СБ ООН с осуждением апрельского 2012 г. пуска (неудачного), так и резолюции СБ ООН по поводу успешного запуска в декабре 2012 г.²⁷

В таких условиях третье ядерное испытание становилось неизбежным как с политической (как единственный убедительный ответ США, имевшийся в распоряжении КНДР), так и технической точки зрения (получение компактной боеголовки для ракет).

Реакция КНДР на две последние резолюции СБ ООН по запуску спутника (2087) и третьему ядерному испытанию (2094), успешно проведенному КНДР 12 февраля 2013 г., свидетельствует, что в обозримом будущем всем нам придется иметь дело с де-факто ядерной Северной Кореей. Реалии современных международных отношений вряд ли подвигнут руководство этой страны на отказ от своих ракетно-ядерных сил сдержива-

ния. Более того, столкнувшись с открытыми угрозами Б. Обамы в ходе его поездки по странам Азии в апреле 2014 г. применить силу против КНДР, последняя заявила о намерении провести четыре испытания ядерного оружия²⁸.

Некоторые специалисты в США призывают признать эти реалии и научиться сосуществовать с ядерной КНДР. Они не считают, что такой вариант приведет к «эффекту домино» и ядерному вооружению Японии и Южной Кореи.

Один из уроков создавшейся ситуации заключается в том, что путем избирательного применения принципов Устава ООН и других международных, законов, когда друзьям, союзникам, перспективным коммерческим партнерам позволено многое, а вот тем, кто таковыми не является, или не оказался в числе американских союзников, а тем более препятствует реализации целей американской внешней политики, запрещается буквально все — таким путем проблему распространения ОМУ и средств их доставки не решить. Во всяком случае, такой подход в отношении КНДР себя явно не оправдал.

Не добившись желаемого результата с помощью силового давления и экономической блокады, США и их союзники с 2013 г. сконцентрировали усилия на демонизации имиджа КНДР и ее руководства в мировом сообществе. Для этого была задействована уже не раз не без успеха опробованная в отношении других стран проблема соблюдения прав человека в КНДР.

К тому же, в США в очередной раз забеспокоились, что «мирное наступление» КНДР в начале 2014 г. принесет успехи и приведет к разрядке напряженности между Севером и Югом, чего США ни в коем случае не хотели бы допустить.

В феврале 2014 г. международная комиссия, учрежденная Советом по правам человека ООН в 2013 г., представила в Женеве доклад, в котором за год работы были собраны, как утверждает в документе, конкретные факты репрессий, пыток голодом, насилия над детьми и женщинами, а также свидетельства содержания десятков тысяч политических заключенных в лагерях.

Содержание самого доклада и его выводы не могут не вызвать целый ряд вопросов. Весь документ основан на показаниях перебежчиков, покинувших КНДР 5–10 лет тому назад, т.е. не имеет отношения к сегодняшнему дню. Их свидетельства весьма противоречивы, а зачастую явно недостоверны. Так, если принять на веру показания, приведенные в интервью одного из главных свидетелей, убежавшего из КНДР более 8 лет назад, то получается, что обеспечение заключенных в лагерях обувью было лучше, чем солдат в северокорейской армии: первые дважды в год получали ботинки, в то время, как иностранцы, бывавшие в КНДР и видевшие солдат не только на парадах, не могли не заметить, что многие из них носят резиново-матерчатую обувь — «комусины». Все эти люди, попавшие в Южную Корею, как правило, через Китай, первый год подвергались интенсивным допросам южнокорейских спецслужб, которым предстояло убедиться, что среди перебежчиков нет специально засланных на Юг агентов северокорейских спецслужб. Чем больше негатива говорил перебежчик о своей бывшей родине, тем на лучшее отношение он мог рассчитывать.

То же самое касается череды слухов о массовых казнях в КНДР, которые, если им верить, вершатся чуть ли не каждый день. Наиболее вопиющий пример тому — расстриженный буквально всеми мировыми СМИ, в том числе считающимися вроде бы солидными и относительно объективными, слух о том, что приговоренный к смерти Чан Сон Тхэк якобы был отдан на съедение собакам. Некоторое время спустя выяснилось, что слух родился из «шутки» китайского блоггера, который «пошутил», что за свои преступления этот деятель заслуживает, мол, быть отданным на съедение собакам. Такие издания, как «Вашингтон пост», «Дейли телеграф» были вынуждены как-то объясниться с читателями и даже опубликовать нечто вроде извинений. Но слух уже всюду пошел гулять по свету.

Существует ли практика публичных казней в КНДР? Есть свидетельства, что такие случаи, как впрочем, и в соседнем Китае, откуда корейцы за сотни лет вассалитета позаимствовали многое, в том числе и в системе наказаний, имели место. Есть основания предполагать, что ближайшие родственники Чан Сон Тхэка были репрессированы, а ряд перестановок в партийном и государственном аппарате и внезапных отъездов на родину северокорейских дипломатов, скорее всего, означают, что некоторые чиновники, обязанные ему своим продвижением и нынешними постами, их лишатся. Но нет никаких доказательств, что в КНДР без конца расстреливают то десятки чиновников, то чуть ли не целые художественные ансамбли.

Бесконечные домыслы на этот счет — это элемент пропагандистской войны против КНДР, призванной максимально обесчеловечить и дегуманизировать ее руководство. Это кампания, о сути и целях которой мы уже хорошо знаем: она велась и перед нападением на Югославию, Ирак, Ливию и другие страны. Когда страну надо уничтожить, то прежде всего, надо выставить ее руководителей и весь народ в глазах мировой общественности такими нелюдями, наказать которых — чуть ли не святое, богоугодное дело. От кого идут слухи о массовых казнях? От тех же перебежчиков, которые, оказавшись в другой стране, любым способом должны обеспечить свою нужность и ценность. Известно, что северокорейские перебежчики очень плохо приспособлены для жизни в Южной Корее. Это люди другого воспитания, образования. Не секрет, что многие вынуждены были уехать оттуда, кто-то покончил жизнь самоубийством. Кроме того, есть организации, которые хотят свергнуть строй в Северной Корее и периодически пытаются создать в международном общественном мнении впечатление, что Северная Корея — это суший ад.

Один экземпляр 372-страничного документа комиссии с приложенным к нему сопроводительным письмом был отправлен Ким Чен Ыну. В письме северокорейского лидера предупредили, что он несет личную ответственность за преступления совершенные его режимом, а следовательно, может предстать перед Международным уголовным судом.

В целом, доклад — одно из ярких проявлений избирательности и двойных стандартов, которые применяют западные страны по поводу положения с правами человека в тех или иных государствах. Мы знаем достаточно режимов, которые нарушают права человека.

Безусловно, проблема с правами человека в КНДР существует. Есть там и лагеря, где содержатся и работают преступники. Но это есть и в других странах. Так же, как и неодинаковый доступ к медицинской помощи или существенная разница в доходах, в чем авторы доклада обвиняют КНДР, наблюдаются во многих странах, в т.ч. и в США.

Заниматься правами человека нужно во всех странах и КНДР не исключение. Но лучше это делать, когда страну не пытаются изолировать, открыто угрожать ей нападением и сменой режима, а создают условия для диалога. Как показывает мировая практика, он возможен даже по такой чувствительной проблематике, как права человека. Кстати, такой трудный, но в целом продуктивный диалог шел между КНДР и ЕС в 2000-е гг. Но прерван он был, как жаловались представители ряда европейских стран автору этих строк, именно по настоянию США.

Несмотря на выводы комиссии, дальнейшие перспективы международного расследования весьма туманны. В частности, Китай уже заявил, что возражает против рассмотрения дела против КНДР в Международном уголовном суде. На соответствующую резолюцию в Совете Безопасности ООН Пекин пообещал наложить вето. Несмотря на это, глава специальной комиссии Майкл Дональд Кирби 17 апреля 2014 г. представил доклад на рассмотрение неформальной встречи членов СБ ООН. Представители КНР и РФ отказались участвовать в этой встрече, организованной по инициативе США, заявив, что «не верят в эффективность практики создания комиссий для отдельных стран»²⁹.

Столкнувшись с упорным нежеланием США возобновить двусторонние контакты на официальном уровне, КНДР стала активнее прибегать к различным вариантам ис-

пользования «мягкой силы» для воздействия на американское общественное мнение. Одним из направлений таких усилий стали попытки привлечения на свою сторону знаковых, все еще остающихся популярными и известными фигур из мира спорта, масс-медиа и интернет-технологий. Дело возглавил сам Ким Чен Ын, ставший регулярно приглашать в КНДР Дениса Родмэна — одного из бывших довольно ярких и эпатажных звезд НБА. Вместе они присутствовали на баскетбольных матчах, в том числе с участием команды ветеранов, привезенной Родмэном в КНДР. Кстати, последний из таких матчей состоялся 8 января 2014 г. — в день рождения Ким Чен Ына. Довольно активная «баскетбольная дипломатия» северокорейского лидера, видимо, имела успех, так как вызвала явное раздражение у определенных кругов за океаном, организовавших в американских СМИ настоящую травлю чернокожего спортсмена.

Сюда же можно отнести визиты в КНДР 7–10 января 2013 г. председателя Совета директоров компании «Google» Э. Шмидта в сопровождении бывшего губернатора американского штата Нью-Мексико Билла Ричарсона, неоднократно выполнявшего роль посредника между Пхеньяном и официальным Вашингтоном, делегации Азиатского общества США во главе с его председателем Ж. Шеран (16–18 января 2014 г.), бывшего посла США в РК, директора Тихоокеанского института США Дональда Грега, которому северокорейцы намекнули на возможность поставок редкоземельных металлов американским корпорациям и, наконец, несколько поездок в КНДР делегаций агентства Ассошиэйтед пресс (АП), в том числе во главе с его президентом Томасом Керли (14–17 января 2012 г.).

Тем не менее, пока нет никаких признаков того, что администрация Б.Обамы готова отойти от своей линии «стратегического терпения», взятой на вооружение фактически с приходом в Белый дом. Курс этот, как показала практика его проведения, заключается отнюдь не в пассивном ожидании нужных США перемен в поведении КНДР, а в наращивании силового, дипломатического и финансово-экономического давления на эту страну в надежде вызвать крах существующего там режима.

Такой подход Вашингтона был во многом стимулирован администрацией президента РК Ли Мен Бака, находившейся у власти с февраля 2008 по февраль 2013 г. Даже американские СМИ редко характеризовали его политику в отношении КНДР иначе как «жесткая» и «ультраконсервативная».

Нынешний Президент РК Пак Кын Хе победила на выборах 19 декабря 2012 г., будучи кандидатом тех же политических сил, которые привели к власти Ли Мен Бака. Тем не менее, еще до инаугурации 25 февраля 2013 г. она заговорила о необходимости запуска «процесса доверия» в отношении Северной Кореи. Однако наследие, оставленное в межкорейских отношениях предыдущим хозяином «Голубого дома» оказалось настолько тяжелым, равно насколько сильными остались позиции консерваторов в окружении президента, что это позволило одному из наблюдателей, анализируя политику Пак Кын Хе в отношении КНДР, заметить, что ее «политика доверия» остается больше лозунгом, нежели политикой³⁰.

Запуск спутника и третье ядерное испытание КНДР вызвали резкое неприятие в Сеуле. Особенно лицемерным выглядело осуждение вывода на орбиту северокорейского ИСЗ в условиях, когда сами южнокорейцы полным ходом готовились к тому же с помощью России на космодроме, расположенном в паре сотен километров южнее северокорейского. Раздражения добавляло то, что КНДР сумела сделать это раньше и самостоятельно.

В Пхеньяне крайне резко отреагировали на принятие новых санкционных резолюций СБ ООН и роль, которую сыграла при этом Южная Корея, занимавшая в тот период место одного из непостоянных членов СБ ООН. Северокорейцы заявили о выходе из Соглашения о перемирии в Корее, прекращении работы линии «горячей связи» с Югом, о переводе отношений с Южной Кореей в состояние войны и решении всех вопросов по законам военного времени³¹.

Одним из важнейших направлений идеологического обоснования ядерных амбиций КНДР стала пропагандистская кампания по «национализации» северокорейского ядерного щита, попытки придания ему характера «общекорейского достояния», которое в перспективе поможет Корее быть на равных как с окружающими ее, так и другими «большими странами» и «внешними силами», не заинтересованными в объединении Кореи³².

Обращает на себя внимание содержащееся в открытом письме Государственного комитета обороны КНДР южнокорейским властям обещание никогда не использовать ядерное оружие для шантажа или причинения вреда соотечественникам³³. Более того, в КНДР считают, что их ядерное оружие — это «меч, защищающий всех корейцев» от нарастающей ядерной угрозы США³⁴.

Практическим следствием резкого обострения межкорейских отношений стало прекращение в апреле 2013 г. функционирования Кэсонского промышленного комплекса, где на предприятиях свыше 100 южнокорейских компаний трудились более 53 тыс. северокорейских рабочих и специалистов. Впрочем, ни Север, ни Юг все же не решились окончательно закрыть взаимовыгодный проект, ставший символом межкорейского экономического сотрудничества. После 7 раундов тяжелых переговоров 14 августа 2013 г., накануне отмечаемого 15 августа в обеих частях страны национального праздника — дня освобождения Кореи от японского колониального ига, стороны подписали соглашение о нормализации работы комплекса. Была достигнута договоренность о создании совместного комитета по управлению КПК, первое заседание которого состоялось там 2 сентября 2013 г.

Однако предложенная КНДР в августе 2013 г. встреча членов разделенных семей не состоялась и была реализована лишь 20–25 февраля 2014 г. в горах Кымгансан.

ГКО КНДР 16 и 23 января 2014 г. обратился к властям, политическим партиям, общественным организациям и представителям различных слоев населения РК с предложениями по оздоровлению межкорейских отношений. Однако содержавшаяся в них идея отказа от военных маневров на время переговоров была отклонена южнокорейской стороной.

На фоне проходивших на юге полуострова совместных американо-южнокорейских маневров, в ходе которых отрабатывалось в том числе и занятие Пхеньяна, состоявшиеся 14 февраля 2014 г. в Пханмунджоме переговоры на «высоком политическом уровне» не смогли принести значимых результатов.

В свою очередь, Пхеньян отклонил предложения по нормализации отношений, содержащиеся в выступлении Пак Кын Хе 28 марта 2014 г. в Дрездене в ходе ее европейского турне. Надо отметить, что выдвигая целый пакет внешне привлекательных, но весьма неконкретных мер в этой области, южнокорейская сторона ухитрилась уйти от ответа на главные озабоченности и требования КНДР: подтверждение приверженности РК договоренностям, достигнутым на межкорейских саммитах 2000 и 2007 гг., отмена т.н. «мер 24 мая» — односторонних санкций, введенных РК против КНДР в 2010 г. после инцидента с «Чхонаном», и возобновление турпоездки южнокорейцев в Кымгансан.

После оскорбительных выпадов в Пхеньяне против Пак Кын Хе за ее высказывания в адрес КНДР во время визита Б. Обамы в РК 25–26 апреля 2014 г. межкорейские отношения окончательно испортились.

Ракетно-ядерные программы КНДР, наращивание под их предлогом военного присутствия США в США и как результат — обострение военно-политической ситуации на полуострове были центральными темами в северокорейско-китайских отношениях после появления нового руководства в Пхеньяне и Пекине.

Согласно КНР поддержать резолюцию 2087 СБ ООН с осуждением успешного запуска спутника 12 декабря 2012 г. было воспринято в Пхеньяне, по словам северокорейских дипломатов в Москве, как «предательство». Не случайно пространное заявление постоянного представителя КНР при ООН Ли Баодуна по мотивам голосования в СБ ООН больше походило на попытку оправдаться: он утверждал, что китайская сторона со-

гласилась одобрить резолюцию лишь после того, как из нее были якобы удалены пункты о введении дополнительных санкций против КНДР³⁵.

Надо признать, что давление США на Китай с целью заставить его включиться в американскую стратегию финансово-экономического удушения КНДР приобрело настолько бесцеремонный характер, что обычно весьма сдержанные китайские дипломаты стали публично жаловаться на исходящий из Вашингтона нажим в адрес Пекина по этой проблеме, как это сделал на одной из научных конференций посол КНР в США Цуй Тянкай³⁶.

Особенно настойчиво США добиваются от Китая согласия начать совместное обсуждение (с участием Южной Кореи) возможных действий этих стран в случае «коллапса режима» в Северной Корее, якобы с тем, чтобы избежать боевого столкновения между их войсками, которые в этом случае придется ввести в КНДР «для наведения порядка». Китайцы, отлично понимая, какую реакцию такие дискуссии вызвали бы в Пхеньяне, пока уходят от обсуждения такой проблематики.

Китайские представители на всех уровнях неоднократно подчеркивали свою приверженность задаче денуклеаризации Корейского полуострова. Вместе с тем, лейтмотивом китайской позиции остается призыв решать существующие проблемы «путем консультаций и переговоров и непоколебимо защищать мир и стабильность на полуострове»³⁷.

В 2013 г. специальный представитель правительства КНР по вопросам Корейского полуострова У Дэвэй дважды посещал КНДР для обсуждения путей возобновления шестисторонних переговоров.

По случаю 10-летия начала «шестисторонки» Китай инициировал в сентябре 2013 г. созыв в Пекине конференции представителей стран-участников этих переговоров. В форуме приняли участие министр иностранных дел КНР Ван И, первый заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гван, главы делегаций КНР и КНДР на переговорах, а также заместитель главы российской делегации. К сожалению, США, Япония и РК фактически бойкотировали эту встречу, направив на нее дипломатов гораздо более низкого ранга.

Настойчивые попытки в этом направлении были продолжены Китаем и в нынешнем году. В феврале 2014 г. заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминь совершил поездку в КНДР, а затем в Республику Корея. В сообщении Синьхуа об этих поездках отмечается, что Китай «поддерживает отношения дружбы и сотрудничества и с КНДР и с Республикой Корея» и намерен «своим способом» продолжать прилагать активные усилия для возобновления шестисторонних переговоров³⁸.

Корейская тематика занимала важное место в ходе визитов Си Цзиньпина в США, поездок в КНР, Японию и РК вице-президента США Дж.Байдена (1–8 декабря 2013 г.), в КНР и РК госсекретаря США Дж.Керри (февраль) и министра обороны США Ч.Хэйгела в КНР и ряд других стран региона (апрель 2014 г.).

В этих условиях Китай послал необычно сильный для осторожной китайской дипломатии сигнал главным конфликтующим сторонам. На пресс-конференции в рамках проходившей в Пекине 2-й сессии ВСНП 12-го созыва министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «китайская сторона ни в коем случае не допустит войны или нестабильности на Корейском полуострове». Указав, что этот регион находится у «порога» Китая, министр отметил, что у Пекина «всегда имеется «красная линия», которая заключается в недопущении войны или неустойчивости на нем»³⁹.

Тем не менее, для Китая иметь дело даже с ядерной КНДР, по-видимому, предпочтительнее, по крайней мере, на данном этапе, чем с объединенной Кореей, находящейся под контролем США с американскими войсками на 1400-километровой корейско-китайской границе.

В 2012–2013 гг. стороны продолжили интенсивные обмены на высоком политическом уровне. КНДР посетили делегация КПК во главе с членом Политбюро ЦК КПК,

заместителем председателя ПК ВСНП Ли Цзиньго (29–30 ноября 2012 г.), делегация КНР во главе с членом Политбюро ЦК КПК, заместителем Председателя КНР Ли Юаньчао, которая приняла участие в мероприятиях по случаю 60-летия окончания Корейской войны (25–28 июля 2013 г.), а также делегация отдела международных связей ЦК КПК во главе с заведующим отделом Ван Цзяжунем (30 июля–3 августа 2012 г.). Все они были приняты Ким Чен Ыном и другими корейскими руководителями.

В свою очередь, в Пекин для участия в 3-м заседании корейско-китайского комитета по совместному развитию и управлению торгово-экономической зоной Расон и экономическими зонами Хвангымпхен и Вихвано выезжала делегация во главе с председателем корейской части комитета, членом Политбюро ЦК ТПК, заведующим отделом административных органов ЦК ТПК Чан Сон Тхэком (13–18 августа 2012 г.). Член Президиума Политбюро ЦК ТПК, начальник Главпура КНА Цой Рен Хэ посетил КНР в качестве специального посланника Ким Чен Ына 22–24 мая 2013 г. Оба они были приняты Си Цзиньпином, провели переговоры с другими китайскими руководителями. Кроме того, в Китае побывал кандидат в члены Политбюро ЦК ТПК, секретарь ЦК ТПК, заведующим Международным отделом ЦК ТПК Ким Ен Ир (20–24 апреля 2012 г.).

Китайская сторона направила в КНДР многочисленную делегацию ветеранов Корейской войны во главе с бывшим командующим ВВС НОАК Ю Жэнью для празднования 60-летия ее окончания. 33 членам делегации были вручены специально учрежденные к этой дате северокорейские ордена «60-летие победы в Отечественной освободительной войне».

В качестве ответного жеста Ким Чен Ын 29 июля 2013 г. посетил место, где располагалось командование китайских народных добровольцев в годы войны, а также кладбище китайских народных добровольцев, где возложил венок к могиле погибшего в Корейской войне Мао Аньина — сына Мао Цзэдуна.

Продолжали нормально функционировать различные механизмы торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между двумя странами, сохранялся интенсивный обмен делегациями. Начались поездки китайских туристов в горы Кымган, в том числе по морю из северокорейского порта Раджин. 10 мая 2012 г. в Пхеньяне было подписано межправительственное соглашение о строительстве, обслуживании и охране моста через реку Амноккан между городами Манпхо (КНДР) и Цзиань (КНР). Мост станет еще одним пунктом пограничного перехода между двумя странами.

Объем торговли между КНДР и КНР в 2013 г. вырос на 10,4% по сравнению с 2012 г. и достиг 6,4 млрд долл. (в 2011 г. этот показатель равнялся 5,6 млрд долл.), причем корейский экспорт вырос на 17,2%, а импорт из Китая — на 5,4%⁴⁰.

Единственной, но, пожалуй, самой крупной проблемой в отношениях КНДР и КНР остается отсутствие личного контакта между их новыми руководителями Си Цзиньпином и Ким Чен Ыном — традиционную для отношений двух стран встречу на высшем уровне не удается организовать после их прихода к власти.

Некоторое движение, обозначившееся в северокорейско-японских отношениях, связано, главным образом, с де-факто политической изоляцией кабинета С. Абе в Северо-Восточной Азии. Посещение японским премьером храма Ясукуни в декабре 2013 г., продолжающиеся территориальные споры с РК по поводу островов в Японском, а с Китаем — в Восточно-Китайском море, разногласия по поводу оценки исторического прошлого, отказ Токио признать ответственность японского государства за судьбу корейцев, мобилизованных в годы Второй мировой войны в походные бордели императорской армии — все это превратило С. Абе фактически в персону нон-грата как для Пекина, так и для Сеула.

В создавшихся условиях С. Абе решился на ряд дипломатических инициатив в отношении Пхеньяна, отправив туда с 14 по 17 мая 2013 г. своего неофициального советника по урегулированию кризисных ситуаций Идзима Исао, который был принят Пред-

седателем Президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом и членом Политбюро, секретарем ЦК ТПК, заведующим международным отделом ЦК ТПК Ким Ен Иром. Эта поездка, как утверждалось в СМИ, застала врасплох американских и южнокорейских дипломатов.

Главным ее результатом стала состоявшаяся впоследствии в Монголии встреча родителей Мегуми Юкото — 13-летней японской школьницы, похищенной в 70-х годах прошлого столетия северокорейскими спецслужбами — с ее дочерью Ким Ын Ген, родившийся от брака Мегуми в КНДР. По просочившимся в прессу сообщениям, представители КНДР и Японии ведут переговоры о поездке Ким Ын Ген в Японию.

Дважды (2–7 ноября 2013 г. и 13–16 января 2014 г.) в Пхеньян приезжал член Палаты советников японского парламента Иноки Кандзи, который тоже имел встречу с Ким Ен Иром.

В марте 2014 г. представители обществ Красного Креста двух стран встретились в Шэньяне (КНР) для обсуждения вопроса о возвращении в Японию останков японских солдат и других граждан, умерших в северной Корее в период Второй мировой войны. На полях этих встреч дипломаты двух стран договорились о возобновлении 30–31 марта 2014 г. в Пекине переговоров на правительственном уровне, приостановленных с ноября 2012 г.

В ходе состоявшихся переговоров японская сторона подняла вопросы о новой серии ракетных пусков КНДР, а также о похищенных японцах, дав понять, что если Пхеньян снова согласится обсуждать проблему похищенных, то японская сторона готова рассмотреть вопрос об отмене японских санкций против КНДР.

Появившиеся в начале апреля 2014 г. сообщения, что Япония намерена сбивать северокорейские ракеты, если они угрожают упасть на японскую территорию, могут заметно осложнить диалог с КНДР по гуманитарным проблемам.

После того, как КНДР в апреле 2012 г. возглавил Ким Чен Ын, а Россию — месяц спустя В.В. Путин, вернувшийся в Кремль после четырехлетнего президентства Д.А. Медведева, российско-северокорейские отношения развивались под влиянием двух достаточно противоречивых факторов. Первый из них определялся российским неприятием ракетно-ядерных программ КНДР, которые давали благовидный предлог США для наращивания военного присутствия в СВА и форсирования ими и их союзниками своих военных программ. Второй был связан с растущим обоюдным интересом к восстановлению хотя бы части прежних, прерванных после исчезновения СССР, торгово-экономических связей, а также к налаживанию новых форм взаимодействия, учитывающих как реалии нынешнего этапа разворачивающихся в регионе интеграционных экономических процессов, так и насущные задачи социально-экономического развития двух государств.

В истекший период регулярный характер приобрел обмен поздравлениями на высшем уровне по случаю знаменательных дат в истории двух стран и их отношений, а также выражение соболезнований по случаю природных катаклизмов и актов терроризма.

Вместе с тем, российская сторона воздержалась от реализации высказывавшейся отдельными экспертами идеи пригласить на саммит АТЭС в сентябре 2012 г. во Владивостоке нового северокорейского лидера в качестве гостя или наблюдателя и тем самым ввести его в круг мировой и азиатской политической элиты.

5–9 ноября 2012 г. в КНДР побывала межфракционная делегация Госдумы ФС РФ во главе с заместителем Председателя комитета Госдумы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Р.Э. Гольдштейном, которая была принята Председателем ВНС КНДР Цой Тхэ Боком.

Северокорейцы проинформировали российскую сторону о предстоящем третьем ядерном испытании и воздержались от поименной критики России и КНР за одобрение ими резолюций 2087 и 2094 СБ ООН с осуждением запуска спутника в декабре 2012 г. и упомянутого испытания в КНДР, проведенного в феврале 2013 г. Вместе с тем, уничижающая характеристика Совета Безопасности как органа, действиям которого «чужда даже малейшая справедливость» и который «с самого начала пошел по неправильному пути»

и, «подстрекаемый» США, принял пять резолюций с осуждением КНДР, оставляла мало сомнений, кого северокорейцы зачислили в ряды тех, кто «позволил СБ ООН опуститься до роли марионетки США» и в то же время «помалкивал» насчет ракетных пусков и запусков шпионских спутников другими странами⁴¹.

Серьезную озабоченность в Москве вызвало резкое обострение напряженности на Корейском полуострове весной 2013 г. после проведения ядерного испытания в КНДР и ответных шагов США, призванных подтвердить Японии и Южной Корее надежность американских гарантий безопасности этих стран в соответствии с имеющимися двусторонними военными договорами. Как известно, эти шаги состояли в привлечении к участию в совместных американо-южнокорейских маневрах, ежегодно проводимых в это время на юге Корейского полуострова и в прилегающих к нему морских акваториях, подводных лодок и стратегических бомбардиров США — носителей ядерного оружия. Последние, пролетев несколько тысяч километров, наносили учебные удары по целям, расположенным на территории Корейского полуострова.

В связи с предложением МИД КНДР России 5 апреля 2013 г. рассмотреть вопрос об эвакуации из Северной Кореи — наряду с другими дипмиссиями в Пхеньяне — сотрудников посольства России, российская сторона заявила, что считает «категорически неприемлемой линию на нагнетание военной истерии».

В этих условиях продолжилась практика межмидовских консультаций двух стран по вопросам двусторонних отношений и актуальным международным проблемам. В Москве 23–30 июня 2012 г. побывал курирующий отношения с РФ заместитель министра иностранных дел КНДР Кун Сок Ун, подписавший план сотрудничества между МИ-Дами двух стран на 2012–2013 гг., а также первый заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гван (2–7 июля 2013 г.), который встретился с первым зам. министра иностранных дел РФ В.Г.Титовым и провел консультации с заместителем министра иностранных дел РФ И.В. Моргуловым.

В ходе встреч стороны обменялись мнениями по текущему состоянию и перспективам развития двусторонних отношений, обсудили ситуацию на Корейском полуострове, уделив особое внимание проблеме ядерного урегулирования. С российской стороны была подчеркнута необходимость совместных усилий в интересах ослабления напряженности, создания условий для скорейшего возобновления шестисторонних переговоров на принципах, согласованных в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. Отмечено, что нормализация обстановки на полуострове позволит заметно активизировать взаимодействие России и КНДР в практических областях, а также приступить к реализации крупных многосторонних экономических проектов⁴².

Делегация российского Совета ветеранов Корейской войны приняла участие в мероприятиях, проводившихся в КНДР в июле 2013 г. по случаю 60-летия ее окончания. Десять российских ветеранов были награждены орденами «60-летие Победы в Отечественной освободительной войне», делегация была принята министром народных вооруженных сил КНДР Чан Чон Намом, а глава делегации Я.В. Канов имел краткую встречу с Ким Чен Ыном.

Корейская сторона продолжила практику приглашения на гастроли в КНДР известных российских музыкальных коллективов. На состоявшемся 15 октября 2013 г. в Пхеньяне концерте российского «Оркестра XXI века» под руководством П. Овсянникова присутствовал Ким Чен Ын с супругой Ли Соль Чжу и другие корейские руководители.

Почти девять месяцев спустя после принятия 7 марта 2013 г. СБ ООН резолюции с осуждением третьего ядерного испытания в КНДР Президент В.В. Путин 2 декабря 2013 г. подписал указ о дополнительных санкциях в отношении КНДР во исполнение этой резолюции 2094 СБ ООН. Согласно указу, запрещается прямая или косвенная поставка, продажа любой продукции в КНДР или из этой страны, если российские власти определяют, что подобная продукция может способствовать осуществлению ядерной про-

граммы КНДР или ее программы по баллистическим ракетам. Вводился запрет на предоставление финансовых услуг гражданами, лицами и учреждениями, которые могут способствовать осуществлению таких программ. Указ также предписал замораживать любые связанные с такими программами финансовые и иные активы и ресурсы, которые находятся или будут находиться в России или под юрисдикцией России. Запрещалось открытие дочерних организаций, филиалов или представительств банков КНДР и учреждение новых совместных с КНДР предприятий с тем, чтобы не допускать предоставления финансовых услуг, способствующих развитию ядерной и ракетной программ КНДР. В приложении к указу содержится список физических и юридических лиц, занимающихся или занимавшихся осуществлением указанных программ КНДР, в отношении которых действуют санкции. Впрочем, список этот по сравнению с предыдущим аналогичным указом был расширен весьма незначительно.

Тем не менее, в Пхеньяне продолжали поддерживать позицию России по урегулированию ситуации в Сирии и вокруг иранской ядерной программы, политику российского руководства по построению сильной России и меры по укреплению ее обороноспособности.

Важным шагом в возобновлении политических контактов на высоком уровне стало участие Председателя Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нама в качестве почетного гостя в церемонии открытия зимней Олимпиады в Сочи. Во время пребывания в России Ким Ен Нам встретился 6 февраля в Москве с председателем Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко, а 7 февраля в Сочи — с Президентом РФ В.В. Путиным.

Эта поездка создала возможности для детального рассмотрения вопросов двусторонних экономических отношений на более высоком, межправительственном уровне.

В последнюю неделю марта 2014 г. в Пхеньяне с рабочим визитом побывала представительная делегация из России, которую возглавил министр по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка. В качестве председателя российской части Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР он встретился с министром внешней торговли КНДР, председателем корейской части комиссии Ли Рён Намом. Главу Минвостокразвития в этой поездке сопровождали сотрудники МИД, Минэкономразвития и Минрегиона, руководители ряда российских банков и коммерческих компаний.

Обращает на себя внимание тот факт, что накануне своей поездки А.С. Галушка встретился с послом Южной Кореи в РФ Ви Сон Лаком, которому заявил, что Россия рассчитывает на плотное сотрудничество как с Югом, так и с Севером Корейского полуострова, невзирая на политические разногласия между Сеулом и Пхеньяном. "Российское правительство уделяет большое внимание развитию трехстороннего сотрудничества с Северной и Южной Кореями, — приводит слова Александра Галушки его пресс-служба. — Наша задача состоит в том, чтобы установить рабочие деловые контакты с северокорейскими партнерами и обсудить возможности новых трехсторонних проектов"⁴³.

В ходе состоявшегося в том же месяце рабочего визита в КНДР делегации Республики Татарстан во главе с Президентом РТ Рустамом Миннихановым рассматривались вопросы о содействии КНДР в разведке и разработке нефти, перспективы совместного производства сельскохозяйственной техники и комплектующих, создание сервисных центров для ее дальнейшего обслуживания. Корейская сторона проявила заинтересованность в технологии производства мяса, картофеля, семян, а также в развитии восточной медицины в Татарстане. Также республика поможет КНДР обновить парк сельскохозяйственной техники, которая была закуплена еще во времена СССР. Интересными для сотрудничества направлениями являются поставки продукции нефтехимии Татарстана, использование портов Северной Кореи для транспортировки татарстанских грузов⁴⁴.

Эти поездки фактически подготовили визит в КНДР 28–30 апреля 2014 г. полномочного представителя Президента РФ в ДФО, зампреда правительства Юрия Трутнева,

вместе с которым туда прибыли губернаторы Приморского края Владимир Миклушевский, Амурской области — Олег Кожемяко, Хабаровского края — Вячеслав Шпорт, а также представители ряда российских министерств и ведомств. Ю. Трутнев провел переговоры с вице-премьером КНДР Ро Ду Чером. Стороны договорились о проведении регулярных встреч с целью повышения эффективности работы межправительственной комиссии, обсудили вопросы торгово-экономического сотрудничества, грузовых и пассажирских перевозок, пожарной безопасности. Достигнута договоренность о возможности перехода на взаиморасчеты между организациями России и КНДР преимущественно в российских рублях⁴⁵.

Между северокорейской стороной и правительством Амурской области подписано соглашение о сотрудничестве. Документ касается партнерства в сельском хозяйстве, лесозаготовках, строительстве. О готовности развивать экономические и культурные связи с КНДР также заявил Вячеслав Шпорт. Губернатор отметил, что в Хабаровском крае уже действуют 15 предприятий с северокорейскими инвестициями, и выразил надежду на увеличение их количества. Представители МЧС России в ходе визита передали КНДР 50 пожарных машин⁴⁶.

В ходе своего визита Ю. Трутнев также высказал готовность России принять участие в организации встречи между представителями КНДР и РК для обсуждения реализации трехсторонних проектов с участием России⁴⁷.

Российский представитель был принят премьером Кабинета министров КНДР Пак Пон Дю и Председателем Президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что на этот раз корейская сторона не проявила инициативы о встрече нового представителя президента в ДФО с высшим руководителем КНДР, как это происходило раньше во времена Ким Чен Ира.

Решение застарелой проблемы урегулирования задолженности КНДР бывшему СССР вместе с накопившимися за все минувшие годы процентами (около 11 млрд долл.) устранило одно из самых труднопреодолимых препятствий на пути создания условий для реанимации торгово-экономического сотрудничества двух стран. Достаточно сказать, что в последние годы доля России во внешнеторговом обороте КНДР колебалась в районе 1,5–2% и нередко падала ниже отметки в 100 млн долл. В ходе поездки в КНДР 30 мая—1 июня 2012 г. заместителя министра финансов С.А. Сторчака был парафирован проект Межправительственного соглашения об урегулировании задолженности КНДР перед РФ по кредитам, предоставленным СССР. В апреле 2014 г. документ был ратифицирован обеими палатами Федерального собрания РФ и 5 мая 2014 г. подписан Президентом В.В. Путиным.

Впрочем, еще раньше отдельные российские компании все же решили приступить к реализации наиболее перспективных совместных проектов с северокорейскими партнерами. Речь идет прежде всего о реализации международного проекта «Хасан—Раджин», предусматривавшего капитальную модернизацию 54-километрового участка железной дороги между северокорейским незамерзающим портом Раджин на берегу Японского моря (на картах, выпущенных в КНДР и РК, море называется Восточным, или Восточным корейским морем. — *Прим. авт.*) и российской пограничной станцией Хасан, строительство контейнерного терминала в Раджине и последующую эксплуатацию этой инфраструктуры. Политическое решение о реализации проекта было принято Президентом РФ В.В. Путиным и тогдашним лидером Северной Кореи Ким Чен Иром еще в 2002 г.

Потребовалось достаточно много времени для согласования проекта, а его строительство было завершено за пять лет. По словам главы РЖД В. Якунина, который принял участие в церемонии открытия этого участка, состоявшейся 22 сентября 2013 г., это была сложная стройка с точки зрения сопряжения технологий, которыми располагают РЖД и северокорейские железные дороги, а также финансовой схемы. По его словам, самые большие инвестиции были сделаны в реконструкцию участка железной дороги —

свыше 5,5 млрд руб., 3,5 млрд руб. стоил терминал. Мощность перегрузочного терминала составит 4 млн тонн, на эту мощность планируется выйти в течение двух лет. Ожидается, что этот участок, порт и терминал станут пилотным проектом развития единой транспортной магистрали, которая должна будет связать через территорию России с Европой Корейский полуостров и страны, которые тяготеют к этому региону⁴⁸.

Пока что первоначальный замысел проекта не реализован из-за невозможности для южнокорейских компаний направлять контейнеры в Раджин вследствие сохраняющихся т.н. «мер 24 мая» — экономических санкций, введенных РК против КНДР после приписываемого ей потопления корвета «Чхонан» в марте 2010 г. Терминал временно приспособлен для перевалки насыпных грузов. В апреле 2014 г. из России в Раджин впервые отправились два состава с кузбасским углем общим весом около 9 тыс. тонн⁴⁹.

В марте 2014 г. обозначилась возможность вхождения в проект ряда южнокорейских фирм путем выкупа части из 70% акций, принадлежащих российской стороне в совместной российско-северокорейской компании, созданной для реализации проекта. Принципиальная договоренность об этом была достигнута в ходе официального визита президента В.В.Путина в Республику Корея 13 ноября 2013 г. Среди документов, подписанных в присутствии президентов двух стран В.В. Путина и Пак Кын Хе был меморандум о сотрудничестве между ОАО «РЖД», компанией «ПОСКО», Корпорацией железных дорог Кореи и компанией «Хендэ Мерчант Марин Ко.,Лтд»⁵⁰. В феврале 2014 г. с объектами этого проекта на месте ознакомилась южнокорейская делегация, состоявшая из экспертов упомянутых выше и ряда других южнокорейских компаний. Делегация должна подготовить предложения о целесообразности участия в проекте.

Кроме того, в КНДР побывали делегации Газпрома (5–14 апреля 2012 г.), РЖД (24–26 июля 2012 г.), компаний «Базовый элемент» (2–9 февраля 2013 г.) и НПО «Мостовик» (23–24 декабря 2013 г.), которая была принята премьером Кабинета министров КНДР Пак Пон Дю.

Довольно интенсивный обмен делегациями вели отдельные регионы и города России и КНДР.

* * *

Главный вывод, который можно сделать из событий последних лет вокруг северокорейской ядерной и ракетной проблем, заключается в том, что преимущественно нажимной, санкционный подход к их решению, занятый США и некоторыми их союзниками и, в конце концов, навязанный ими СБ ООН, себя не оправдал. Он так как не решил провозглашавшихся авторами такого курса задач — обеспечить денуклеаризацию Корейского полуострова. Напротив, угроза перерастания конфликтной ситуации в «горячую» стадию еще больше возросла. О том, что упор на санкционный подход, без стремления всерьез отнестись к законным озабоченностям КНДР в области безопасности, не работает, неоднократно предупреждала и Россия⁵¹.

Характерно, что ряд специалистов, работающих в американских научных центрах, стали публично заявлять, что именно неспособность мирового сообщества, в первую очередь США и их союзников в Азии, а также Китая учесть реальные озабоченности КНДР своей безопасностью привели к нынешней ситуации⁵².

Население КНДР за 60 лет экономической блокады и санкций со стороны США их союзников привыкло жить в крайне скромных, по западным стандартам, условиях. Более того, многолетние санкции США и их союзников, равно как и введенные в 2009 г. санкции ООН, не помешали Пхеньяну создать ядерное оружие, построить спутник и вывести его на орбиту. Это серьезный успех КНДР, умело подаваемый официальной пропагандой в качестве символа общенациональной гордости всех корейцев на Севере и на Юге. Сумеет ли новый руководитель КНДР после радикальных кадровых перестановок последнего времени сохранить единство правящей элиты, обеспечить политическую и

социальную стабильность, и добиться видимого прогресса в решении экономических проблем — от этого во многом будет зависеть будущее КНДР.

1. Информация о Пленарном заседании Центрального комитета Трудовой партии Кореи: Пресс-релиз / Посольство КНДР в РФ. М., 2013. 4 янв.
2. WPK Conference Adops Decision on Revision of Party Rules. KCNA. 2012.04.11; Fifth Session of 12th SPA Held // KCNA. 2012. 13 апр.
3. Report on Meeting of Political Bureau of C.C., WPK // KCNA. 2011. 31 дек.
4. WPK Conference Adops Decision on Revision of Party Rules // KCNA. 2012. 11 апр.
5. Жебин А. КНДР: каким курсом // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 14.
6. Report on Enlarged Meeting of Political Bureau of Central Committee of WPK // KCNA. 2013. 9 дек.
7. Traitor Jang Song Thaek Executed // KCNA. 2013. 13 дек.
8. Report on Enlarged Meeting of Political Bureau of Central Committee of WPK // KCNA. 2013.9 дек.; Traitor Jang Song Thaek Executed // KCNA. 2013. 13. дек.
9. Traitor Jang Song Thaek Executed // KCNA. 2013.13 дек.
10. Report on Enlarged Meeting of Political Bureau of Central Committee of WPK // KCNA. 2013. 9 дек.
11. Traitor Jang Song Thaek Executed // KCNA. 2013. 13 дек.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Информация о Пленарном заседании Центрального комитета Трудовой партии Кореи: Пресс-релиз / Посольство КНДР в РФ. Москва. 2013.04.01.
17. Speech of Kim Jong Un at Conference of Ideological Workers // KCNA. 2014. 27 февр.
18. North Korea's Evaluation of Its 2013 Economic Policy. URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM140103_0001.
19. Speech of Kim Jong Un at Conference of Ideological Workers // KCNA. 2014. 27. февр.
20. DPRK's Satellite fails to Enter Its Orbit // KCNA. 2012. 13 апр.
21. Launch of Satellite Kwangmyongsong-3 Is Legitimate Right of DPRK: KCNA // KCNA. 2012. 18 марта.
22. Baker C. Double Down on North Korea's Bluff // PacNet#18A. 2012. 19 марта.
23. DPRK NDC Issues Statement Refuting UNSC Resolution // KCNA. 2013. 24. янв.
24. Dalton T., Nandler J. Understanding the Arms "Race" in South Asia // The Carnegie Papers. Nuclear Policy. 2012. Sept.
25. The New York Times. 2013. 16 Janv.
26. Пресс-заявление представителя МИД КНДР. 12 февр. 2013 г. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. Москва. 2013.02.12.
27. DPRK Rejects UNSC's Act to Violate DPRK's Legitimate Right to Launch Satellite. DPRK Foreign Ministry Statrment // KCNA. 2012. 17. апр.; DPRK Refutes UNSC's «Resolution» Pulling Up DPRK over Its Satellite Launch // KCNA. 2013. 23 янв.
28. Заявление представителя МИД КНДР, 9 марта 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. Москва. 2013.03.09; US President's Asian Tour Censured by FM Spokesman. 2014.04.29.
29. Члены СБ ООН поддержали предложение судить власти КНДР — РФ и Китай заседание проигнорировали. URL: http://www.newsru.com/wold/18apr2014/un_print.html.
30. Foster-Carter A. South Korea — North Korea Relations: Will a "Good Season" Ever Come // Comparative Connections. 2014. Jan.
31. North-South Relations Have Been Put at State of War: Special Statement of DPRK // KCNA. 2013. 30 марта.
32. Нодон снимун. 2014. 18 янв.
33. NDC of DPRK Advances Crucial Proposals to S. Korean Authorities // ЦТАК. 2014. 16 янв.

34. Пресс-заявление представителя стратегических войск Корейской народной армии; Пресс-релиз посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 2014.03.05.
35. Представитель КНР подтверждает необходимость урегулирования вопроса Корейского полуострова путем диалога // Агентство Синьхуа. 2013. 24 янв.
36. URL: <http://rg.ru/2014/04/12/ugrozy-site-anons.html>.
37. URL: http://russian.news.cn/china/2014-22/c_133281730.htm.
38. Китай своим способом продолжит прилагать активные усилия к обеспечению мира и стабильности на Корейском полуострове — представитель МИД КНР. Russian.news.cn 2014-02-20. URL: http://Russian.news.cn/china/2014-02/20/c_133131213.htm.
39. A red line between what China, North Korea want. URL: <http://www.nknews.org/2014/03/a-red-line-between-what-china-north-korea-want/>
40. URL: <http://prime.ru/world/20140201/776870130.html>.
41. Some Member Nations of UNSC Accountable for Their Becoming Marionette of U.S. // KCNA. 2013. 6 февр.; Rodong Sinmun Condemns UNSC Bereft of Impartiality // KCNA. 2013. 7 марта.
42. Сообщение для СМИ о встречах в МИД России с первым заместителем министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гваном. 1374-04-07-2013. URL: <http://www.vid.ru>.
43. Глава Минвостокразвития прибыл в КНДР. 2013.03.26. URL: <http://minvostokrazvitia.ru>.
44. Татарстан поможет Северной Корее добывать нефть. URL: <http://prokazan.ru/business/view/71098>.
45. Полпред президента по ДФО находится с рабочим визитом в КНДР. URL: <http://amurmedia.ru/news/show.php?id=354547&printmode=1>.
46. Юрий Трутнев в компании губернаторов посетил родину идей чучхе. РИА "Восток-Медиа". 2014.04.30. URL: <http://www.vostokmedia.com/n194016.html>.
47. Россия предложила посредничество для переговоров между КНДР и Сеулом. ПОЛИТ.РУ. 2014.04.30. URL: <http://polit.ru/news/2014/04/30/korea/>
48. Якунин: Восстановление Транскорейской магистрали поможет миру на полуострове. Агентство Прайм. 2013.09.22. URL: <http://1prime.ru/transport/20130922/766791569.html>.
49. Поведут в Корею. Российские поезда впервые отправят в КНДР. Интернет-портал SMARTNEWS. URL: <http://smartnews.ru/regions/vladivostok/17259.html>.
50. Документы, подписанные по итогам российско-корейских переговоров. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1563.
51. Путин В. Россия и меняющийся мир // Моск. новости. 2012. 27 февр.
52. Alagappa V. North Korea tests Asian security // The Asia Times. 2013. 19 февр.

Китай и Арктика

© 2014

А. Данилов

В статье рассматривается растущее значение арктического региона для Китая. Автор показывает, что основной интерес Китая в Арктике состоит в ее энергетической и транспортной привлекательности. Автор анализирует мнения иностранных и китайских специалистов и приходит к выводу о том, что Китай находится в стадии подготовки своей арктической стратегии. В последующие годы Китай будет закреплять свое присутствие в регионе.

Ключевые слова: Арктика, Китай, Северный морской путь, интересы Китая в Арктике.

Арктический регион привлекает все большее внимание ученых и политиков. Таяние льда в результате изменения климата в регионе открывает все большие возможности для доступа к углеводородам, рыбопромысловым территориям и судоходным путям Арктики. В этой связи важно следить за политикой арктических стран в этом регионе. Однако в последнее время активизируют свою политику и страны, географически далекие от Арктики. Одним из таких ключевых игроков является Китай.

В последнее время Китай уделяет все большее внимание последствиям таяния льда в Арктике. Перспектива того, что в Арктике будет возможна навигация кораблей, которая приведет к появлению новых транспортных маршрутов и доступу к месторождениям углеводородов, вынуждает китайское правительство выделять больше средств на исследование этого региона. Китайские власти также задумались о том, какая политика поможет Китаю получить выгоду от меняющихся природных условий Арктики. Выбрать правильную политику очень сложно, потому что Китай изначально находится в невыгодной позиции — страна не является ни арктическим государством, имеющим выход к арктическим морям, ни членом Арктического Совета, где обсуждаются все арктические вопросы. Но несмотря на кажущуюся слабую позицию страны, многие ожидают, что Китай сыграет свою роль в определении будущей политики этого важного региона.

Север претерпевает огромные изменения в результате глобального потепления и сокращения ледяного покрова, что в свою очередь ведет к новым сложностям в управлении регионом. В 2008 г. арктические прибрежные страны — Дания, Канада, Норвегия, Россия, США — договорились решать все спорные вопросы мирным путем в рамках существующего законодательства. Но несмотря на такие договоренности, меняющаяся обстановка в Арктике может привести к новым геополитическим разногласиям, которые вовлекут и неарктические страны, особенно в вопросах, касающихся транспортных путей и прав на добычу ресурсов. Поэтому политики не только в Китае, но и в других странах уделяют все большее внимание арктическому региону, экономическим, территориальным и геополитическим последствиям его трансформации.

Сегодня, как видится специалистам, Китай занял выжидательную позицию по отношению к развитию Арктики, так как власти считают, что активные действия страны в регионе и ее растущие амбиции вызовут опасение и противодействие со стороны других государств. В связи с этим китайские официальные лица очень осторожно формулируют свои взгляды на интересы Китая в Арктике. Они подчеркивают, что китайские исследования северного региона нацелены на изучение климатических и природных последствий таяния льда¹. Однако стоит отметить, что примерно с 2009 г. китайские исследователи начали оценивать коммерческие, политические и военные последствия таяния льдов в Арктике для Китая.

Китай располагает всем необходимым для проведения полярных исследований². С 1984 г. страна организовала около 30 экспедиций и создала 3 исследовательские станции в Антарктике. В 1995 г. Китай организовал первую экспедицию в Арктику, когда исследователи достигли Северного полюса. А первая морская экспедиция на Северный полюс состоялась в 1999 г., после чего были организованы еще несколько экспедиций. Первая китайская исследовательская арктическая станция «Хуанхэ» была основана в 2004 г. в местечке Нью-Алезунд (Ny-Ålesund) на острове Шпицберген³.

С 1994 г. Китай проводит полярные исследования на борту исследовательского ледокола «Сюэлу» («Снежный Дракон»), который был приобретен у Украины в 1993 г. 163-метровое судно водоизмещением в 25 000 т является крупнейшим неатомным ледоколом в мире. В октябре 2009 г. Госсовет КНР, исходя из недостаточности одного лишь «Снежного Дракона» для растущего объема китайских полярных исследований, принял решение построить новый ледокол⁴. Судно водоизмещением 8000 т будет построено в 2014 г. при участии финской компании Aker Arctic Technology Inc. примерно за 300 млн долл. Ежегодно Китай тратит на полярные исследования около 63 млн долл, что примерно равнозначно затратам на эти цели Южной Кореи. В планах правительства создание полярного кампуса в университете в Шанхае и увеличение количества ученых, занимающихся полярными вопросами⁵.

Кроме проведения собственных научных исследований, Китай принимает участие и в исследованиях других стран. Китайские ученые и чиновники постоянно участвуют в международных научных конференциях и семинарах, посвященных вопросам изменения климата, состояния окружающей среды и другим аспектам ситуации в регионе. В стране действуют несколько НИИ, ведущих арктические исследования. Главные из них: Полярный исследовательский институт Китая в Шанхае, Китайский институт морских исследований в Пекине и Институт океанологии в Циндао. Исследования, относящиеся к Арктике, проводятся и в Морском университете в Даляне, Университете Сямынь, Университете Тунци в Шанхае, Китайском антарктическом центре топографии и картографирования в Университете Ухань, в Китайском центре исследования морских проблем в Циндао и Институте океанских исследований в Чжэцзяне⁶.

Ряд исследователей публикует свои статьи о стратегии развития Арктики и геополитических вопросах этого региона. Таких ученых становится все больше, а интерес китайского научного сообщества к обсуждению коммерческих, юридических и геополитических вопросов Арктики заметно растет.

Может показаться, что Китай начал заниматься полярными исследованиями совсем недавно, но на самом деле страна изучает Арктику уже много лет. Китай, конечно, начал «заниматься» Арктикой значительно позже, чем арктические страны, но интерес Пекина к этому региону появился не вчера, просто его до недавнего времени не признавали значимым⁷.

Более доступная Арктика даст многим странам, в том числе Китаю, возможность выхода на огромные топливно-энергетические и другие природные ресурсы. Эксперты геологической службы США (USGS) считают, что в Арктике находится пятая часть мировых неисследованных извлекаемых запасов нефти и природного газа. Потен-

циальные запасы нефти в этом регионе — 90 млрд баррелей, газа — 47,3 трлн куб. м, газового конденсата — 44 млрд баррелей. Всего в Арктике, по оценкам USGS, находится до 13% еще неоткрытых мировых запасов нефти и до 30% — газа. В абсолютном выражении это эквивалентно 375 млрд баррелей нефти⁸. Вдобавок к энергоресурсам регион содержит и другие природные ископаемые, в том числе редкоземельные. По данным экспертов, большинство запасов энергоресурсов находится в пределах исключительных экономических зон пяти арктических государств, которые и будут иметь на них основные права⁹. Считалось, что Китай из-за своей территориальной отдаленности и отсутствия опыта глубоководного бурения в холодных водах не сможет претендовать на получение новых месторождений¹⁰. Но недавние события на энергорынках позволяют говорить об обратном. Так, российская «Роснефть», которая стала крупнейшей в мире публичной компанией по запасам углеводородов после приобретения ТНК-ВР, пригласила для сотрудничества в разработке своих арктических месторождений китайские компании, в частности, CNPC. Другим важнейшим энергетическим партнером Китая в Арктике является Канада. В последние годы размер китайских инвестиций в канадскую энергетику заметно увеличился — китайские компании покупают значительные доли в нефтегазовых проектах партнера¹¹. Канада, в свою очередь, пытается диверсифицировать рынок сбыта своих энергоносителей, который сегодня ориентирован на США¹². Норвегия является еще одним привлекательным партнером для Китая — обе стороны постоянно обсуждают вопросы кооперации в сфере энергетики. Китайские компании очень заинтересованы в опыте норвежских партнеров в глубоководном бурении и готовы инвестировать крупные средства в скандинавские проекты¹³.

Арктика важна для Китая и в плане ее транспортной привлекательности. В последнее время в связи с таянием льда ученые все чаще говорят о возрастании роли Северного морского пути. Северный морской путь — кратчайший маршрут между европейской частью России и Дальним Востоком, исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике. Он проходит по морям Северного Ледовитого океана (Баренцеву, Карскому, Лаптевых, Восточно-Сибирскому, Чукотскому) и частично Тихого океана (Берингову).

Изменения в мировых транспортных путях всегда ассоциировались с глобальными изменениями в мировом экономическом и политическом балансе. Вслед за появлением новых торговых путей неизбежно возникала необходимость охраны торговых портов и присутствия военного флота. Уже в XIX в. американский геостратег Альфред Тайер Мэхэн в своей работе «Влияние морской мощи на историю» (1660–1783) доказал, что использование и контроль морских транспортных потоков являлся определяющим фактором в истории. Автор считал, что влияние морской торговли на богатство и мощь страны тесно связано с развитием морской военной мощи: "необходимость морского флота, в определенном смысле, возникает от существования мирного флота"¹⁴. В XVII—XVIII вв. развитие морской торговли и сопутствующий рост военно-морского флота привели к появлению военных портов вдоль морских торговых путей. "Это желание каждой страны, чтобы транспортный бизнес осуществлялся своими кораблями. Поэтому корабли должны иметь безопасные порты, куда можно заходить, и должны быть защищены государством, насколько это возможно"¹⁵.

Исторические аналогии показывают, что появление новых морских путей зависит не только от меняющихся климатических и морских условий, но и от политической ситуации и от возникновения проблем на существующих торговых путях. Сегодня по существующим морским торговым путям через чрезвычайно уязвимые и узкие, в буквальном смысле, водные артерии (такие, как Малаккский пролив и Суэцкий канал), проходят значительные объемы грузов. Согласно прогнозам Евросоюза, к 2018 г. мировой торговый флот будет включать до ста тысяч судов дедвейтом 500 и более тонн, тогда как в

2008 г. их количество равнялось 77 500. При этом объемы грузоперевозок будут расти и в результате строительства более крупных судов¹⁶.

На наш взгляд, рост объемов морских грузоперевозок может иметь серьезные последствия для загруженности существующих проходов, включая увеличение риска столкновения судов. Преднамеренный или случайный перебой в судоходстве через эти пути, будь-то из-за нестабильности на Ближнем Востоке, опасности со стороны пиратов или по другим причинам, может быстро лишить действующие морские маршруты их преимуществ, ускорить развитие новых технологий в судостроении и навигации и ввести Северный морской путь (СМП) в строй быстрее, чем предполагалось ранее. Однако, как бы ни складывалась ситуация, уже сама возможность транзита грузов через СМП влияет на стратегии заинтересованных сторон¹⁷.

Объем грузов, перевозимых по СМП, не очень велик, но он растет каждый год. Осознавая его потенциальную важность для удовлетворения своих возрастающих потребностей в минеральных ресурсах, Китай начинает сотрудничать с Россией в этом регионе. В ноябре 2010 г. китайская корпорация CNPC и российский Совкомфлот заключили соглашение о долгосрочном стратегическом партнерстве, предусматривающем, в частности, использование Северного морского пути. В пресс-релизе Совкомфлота сообщается, что стороны "согласовали формат взаимодействия по использованию транспортных возможностей Севморпути как для доставки в Китай транзитных партий углеводородов, так и для перевозки в восточном направлении нефти и газа с развивающихся российских арктических месторождений"¹⁸.

Согласно прогнозам МВФ, Китай в скором времени обгонит США по размеру ВВП¹⁹. В то же время экономика Китая весьма зависит от природных ресурсов, поставляемых из-за рубежа, и в ближайшей перспективе такая зависимость не снизится. Китай также зависит от международных морских грузоперевозок — 46% ВВП страны так или иначе связано с морскими перевозками, и любые изменения в глобальных торговых путях напрямую окажут влияние на импорт и экспорт страны и, следовательно, на всю ее экономику²⁰. Китай, будучи крупнейшим в мире оператором контейнеровозного флота, пытается стать крупной военно-морской державой: в 2009 г. руководство страны объявило о развитии военно-морского флота, включая строительство новых боевых кораблей и подводных лодок. Арктическая политика Китая еще прорабатывается, и руководство страны не делало каких-либо громких заявлений по проблемам Арктики, понимая, что любые активные действия чреваты противодействием других стран. Вместе с тем, обращают на себя внимание периодические исходящие из Китая заявления, что «Арктика принадлежит всем людям на земле, и ни у одной страны нет над ней суверенитета»²¹.

Китайские специалисты ставят те же спорные вопросы относительно выгодности международной эксплуатации Севморпути, что и их западные коллеги. Дело в том, что оценить рентабельность СМП сегодня довольно сложно. Выигрыш в протяженности по сравнению с южными маршрутами может быть потерян из-за времени движения по этому пути. В открытом море между Юго-Восточной Азией и Европой обычный контейнеровоз, который проходит через Малаккский пролив и Суэцкий канал, развивает среднюю скорость в 21–24 узла. В то же время на СМП скорость движения даже посреди лета может падать до 14 узлов из-за дрейфующих льдов. Неблагоприятные погодные условия могут еще больше затруднить движение судна. Кроме того, необходимое для следования по южным маршрутам количество топлива уже давно подсчитано, тогда как для северного пути его еще сложно оценить. Ставки страхования грузов и кораблей, которые идут по северному пути, выше из-за больших рисков (хотя в последнее время ставки страхования судов, следующих через Суэцкий канал, тоже выросли из-за угрозы пиратства). Цену увеличивает и использование ледокола для прокладки пути. Даже если судно прокладывает путь самостоятельно без ледокола, то его необходимо модернизировать и укрепить, что также требует затрат, а иногда может снизить допустимое количество гру-

за, принимаемого на борту²². Наконец, для следования по северному маршруту требуются опытные в навигации среди льдов экипажи. Для потенциальных пользователей существует также ряд других неясных вопросов, скажем, возможность появления в этом районе айсбергов как следствие потепления климата. Поэтому для многих потенциальных пользователей северный маршрут в настоящее время выглядит хотя и привлекательным, но довольно рискованным. Впрочем, наряду с этими есть и более оптимистичные оценки выгоды северного пути, но при условии значительного улучшения всей инфраструктуры, что в решающей мере зависит от России.

За последние два года количество судов, проходящих по Севморпути за навигационный период, увеличилось десятикратно. В сезоне 2012 г. по Севморпути прошло 46 судов — против 34 в 2011 г. и всего 4 в 2010 г. Общий объем грузоперевозок по трассам Севморпути составил в 2012 г. 1 261 545 т, что на 53% больше, чем в 2011 г., когда по маршруту было перевезено 820 789 т. По сведениям Росатомфлота, на восток по Севморпути прошло 25 судов, стартовавших из Мурманска, Архангельска или из Байдарацкой Губы. 21 судно прошло на запад. Основную массу грузов составили нефтепродукты. В 2012 г. 26 судов перевезли 894 079 т дизельного и авиационного топлива, газового конденсата, сжиженного природного газа и других ГСМ. 18 танкеров проследовали с запада на восток, 8 — в противоположном направлении.

Ряд китайских ученых публично призывают руководство страны более активно готовиться к новым возможностям, которые дает "тающая" Арктика. Ли Жэньфу из Морского университета в Дальяне полагает: "Кто бы ни контролировал арктические морские пути, он будет контролировать всю мировую экономику"²³. Он подчеркнул, что китайские исследования арктического мореплавания не проводятся в необходимой степени, и в результате этого возможности Китая высказываться относительно этого вопроса ограничены. Кроме того, он отмечал огромное военное значение Арктики. В одной из немногих публикаций официальных лиц Китая офицер НОАК Хань Сюдун предположил, что возможность использования силы в Арктике не может быть исключена из-за сложности споров о территориальном размежевании в регионе²⁴. Чэнь Сюлун из Китайского института международных исследований считает, что полномасштабное открытие СМП подтолкнет развитие Северо-Востока Китая и его прибрежной зоны, а также кооперацию стран Восточной Азии²⁵. Он же высказывался за разработку для Китая долгосрочной стратегии развития арктического мореплавания. Го Пэйцин из Морского университета Китая высказал мнение, что любая страна, не ведущая исследования Арктики, будет исключена из управления этим регионом и будет вынуждена занять пассивную позицию. Он считает, что придерживаться нейтральной позиции в арктических вопросах не в интересах Китая, и призвал страну проводить более активную арктическую политику²⁶. Оценивая перспективы СМП, Го Пэйцин предположил, что его эксплуатация изменит мировую торговлю и может создать "циркумполярный суперэкономический пояс" из стран Азии, Северной Америки и Северной Европы²⁷.

На сегодня у Китая нет официальной арктической стратегии, о чем не раз говорили китайские чиновники. Китай занял очень осторожную позицию, всячески отрицая наличие у него каких-либо агрессивных амбиций по отношению к Арктике. Некоторые ученые открыто заявляют, что у Китая нет интереса ни к месторождениям углеводородов, ни к новым транспортным путям Арктики. Китайское правительство, в свою очередь, объясняет растущий интерес и свое присутствие в Арктике необходимостью проведения исследований климатических изменений региона. Как оказалось, воздушные потоки в Арктике являются главной причиной чрезвычайных погодных условий в Китае, а значит, влияют и на экономическое и социальное развитие страны²⁸. В то же время Пекин заявляет о необходимости сохранения Арктики для всего человечества, о праве всех стран на пользование ресурсами этого региона, призывает арктические страны сохранять баланс между своими интересами и интересами всего мирового сообщества²⁹. Что каса-

ется споров между арктическими странами о территориальном размежевании в регионе, то Китай никогда не высказывался по этим вопросам, но всегда подчеркивал, что споры должны решаться мирным путем согласно существующему законодательству и в процессе диалога, но не конфронтации.

Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы Китай придерживался более активной позиции, которая бы защитила интересы страны на Севере. Такие мнения публиковались в ведущих китайских научных журналах и на интернет-сайтах государственных новостных агентств, таких как Синьхуа и Sina.com. Чтобы быть опубликованными в таких источниках, статьи должны пройти многоуровневый редакторский отбор, поэтому очень маловероятно, что подобные мнения могли быть опубликованы без предварительного одобрения "сверху"³⁰.

На наш взгляд, публикация таких мнений может свидетельствовать о желании Пекина стать более активным игроком в Арктике, а увеличивающееся количество подобных статей может быть подготовкой общественного мнения к такому развитию событий. Обычно первая стадия формирования политической позиции в Китае включает в себя период публичных обсуждений конкретного вопроса. После этого Пекин приступает к обсуждению за закрытыми дверями, окончив таким образом публичные обсуждения. После периода внутренних дискуссий объявляется официальная позиция страны по конкретному вопросу³¹. Учитывая, что КНР еще не озвучила открыто свою позицию относительно Арктики, а обсуждение стратегии страны в Арктике еще продолжается, можно сделать вывод, что китайские лидеры находятся на начальной стадии формирования официальной позиции относительно северного региона.

Некоторые китайские ученые призывают правительство «ухватиться за историческую возможность», признать политическую, экономическую и военную ценность Арктики и пересмотреть свои стратегические планы в регионе. Китайские же политики придерживаются осторожного подхода. В Пекине хорошо понимают, что растущее значение Китая на мировой арене и статус крупной державы вызывают опасения у других стран. В то же время Китай, стремясь получить доступ к региону, налаживает взаимодействие с государствами Арктического региона в многостороннем и двустороннем форматах. Высокопоставленные китайские чиновники совершали официальные визиты в Исландию, Данию, развивая экономическое сотрудничество и предлагая свою финансовую поддержку. Известно сотрудничество Китая с Норвегией и Канадой — стороны постоянно проводят официальные диалоги, где обсуждают развитие региона. Нарастает взаимодействие КНР и с Россией, особенно в связи с приглашением «Роснефтью» китайских компаний для освоения месторождений углеводородов на российском континентальном шельфе.

Арктическое взаимодействие заинтересованных государств возрастает. Стоит отметить, что все арктические вопросы обсуждаются в "духе сотрудничества", а проблемы разрешаются мирным путем. Зачастую можно видеть алармистские прогнозы развития ситуации в регионе, предполагающие военное противоборство, но нет оснований считать, что кто-либо из арктических стран не хочет мирного развития региона. Территории, примыкающие с разных концов к СМП, находятся в «одной лодке». В их интересах формирование стабильной, предсказуемой, общепризнанной системы управления в регионе. Многие страны могут получить существенную выгоду от более короткого морского коммерческого пути и от разработки запасов углеводородов Арктики, а потому согласованная «арктическая стратегия» в их интересах³².

Многие специалисты сходятся во мнении, что Китай приобретет гораздо больше от кооперации с арктическими странами, чем от односторонних попыток распространить свое влияние в регионе. Поэтому можно ожидать, что Пекин продолжит активизацию своей политики в Арктике, но будет делать это постепенно, заручаясь согласием других государств на его присутствие в регионе.

1. *Jacobson L.* China prepares for an ice-free Arctic // SIPRI insights on peace and security. 2010. № 2. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=402.
2. *Spears J.* China and the Arctic: the awakening snow dragon // China Brief / Jamestown Foundation. 2009. Т. 9, № 6.
3. Arctic region // Xinhua. 13.06.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-07/13/content_4826007.htm; «Синьвань бэйцзин: чжунгожэнь юй бэйцзи» [Справка: Китайцы и Арктика] // Xinhua. 11.07.2008. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-07/11/content_853_0258.htm.
4. China will build a new polar expedition icebreaker and plans to put it in use in 2013 // Xinhua. 19.11.2009. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2009-11/19/content_12495351.htm.
5. *Brady A.-M.* Polar Stakes: China's Polar Activities as Benchmark for Intentions // China Brief. 2012. Том 12, № 14. С. 12.
6. *Jacobson L.* Op. cit.
7. *Alexeeva O., Lasserre F.* China and the Arctic // Arctic Yearbook 2012. Akureyri, Iceland. URL: <http://www.arcticyearbook.com/>
8. *Smith M., Giles K.* Russia and the Arctic: "The last Dash North" // Advanced Research and Assessment Group. Russia Series 07/26 / Defense Academy of the United Kingdom, 2007. С. 1.
9. *Offerdal K.* High North Energy: Myths and Realities // Security Prospects in the High North: Geostrategic Thaw or Freeze? Rome, Italy: NATO Defense College. 2009. May. С. 152–153.
10. *Lasserre F.* China and the Arctic: Threat of Cooperation Potential for Canada. Toronto: Canada International Council. С. 7. URL: <http://www.opencanada.org/wp-content/uploads/2011/05/China-and-the-Arctic-Frederic-Lasserre.pdf>.
11. China Mining Association. Canada in energy deals with China. 02.09.2012. URL: <http://www.chinamining.org/News/2012-02-09/1328751130d54145.html>; *Mroczkowski I.* China's Arctic 10 Century?. Project 2049 AsiaEye Blog. 02.10.2012. URL: <http://blog.project2049.net/2012/02/chinas-arctic-century.html>.
12. *Argitis Theophilos* and *Mayeda Andrew.* Harper's Courting of China Wins Praise from Canada Companies // Bloomberg Businessweek. 2012. 12 Febr. URL: <http://www.businessweek.com/news/2012-02-12/harper-s-courting-of-china-wins-praise-from-canada-companies.html>.
13. *Jacobson L.* Op. cit.; Norway Welcomes China to the Arctic // The Barents Observer. 2010. 31 Aug. URL: <http://barentsobserver.com/en/sections/arctic/norway-welcomes-china-arctic>.
14. *Mahan A.* Thayer. The influence of sea power upon history, 1660–1783 // Project Gutenberg eBook. 2004. 26 Nov. С. 29. (Впервые опублик. в 1890 г.),
15. *Mahan A.* Th. The influence of sea power upon history, 1660–1783 // Project Gutenberg eBook. 2004. 26 Nov. С. 28. (Впервые опублик. в 1890 г.),
16. Strategic goals and recommendations for the EU's maritime transport policy until 2018 // European Commission. COM (2009), 21.02.2009. 21 Febr. 4.
17. *Blunden M.* Geopolitics and the Northern Sea Route // International Affairs. 2012 V. 88, № 1. С. 115–129.
18. Группа компаний Совкомфлот и Китайская национальная нефтегазовая корпорация договорились о стратегическом партнерстве // Совкомфлот: Пресс-релиз. URL: <http://www.sovcomflot.ru/npage.aspx?did=76042>.
19. World Economic Outlook: tensions from a two speed recovery // IMF. Washington DC. 2011. 04. Ч. 1.
20. *Spears J.* China and the Arctic: the awakening snow dragon // China Brief / Jamestown Foundation. 18.03.2009. 18 Mar. Ч. 1.
21. China's Arctic play // Diplomat. 2010. 10 Mar. URL: <http://thediplomat.com/2010/03/09/china%E2%80%99s-arctic-play/>
22. *Морозов Ю.* The Arctic: The Next "Hot Spot" of International Relations or a Region of Cooperation? // Carnegie Council for Ethics in International Affairs. 2011. URL: http://www.carnegiecouncil.org/publications/articles_papers_reports/0039.html.
23. Чжунго цаньюй бэйцзи хансянь гоцзи цзичжидэ чжанай цзи дуйцэ [Проблемы участия Китая в освоении Северного морского пути] // China navigation / Institute of Navigation China. 2009. 06. Т. 32. С. 98–102.
24. *Han X.* Бэйшоу гуань чжудэ бэйцзи чжуцюань чжичжэнь [Споры вокруг суверенитета Арктики] // Bingqi Zhishi Fangwu GuanCha Jia. 2008. Т. 253, № 9В. 09. С. 16–19.

25. Zhou Z. Бэйцзи тунхан иньфа "шэньхай" аньчань [Открытие арктического судоходства порождает борьбу за «глубокое» море] // Liaoning Ribao. 2009. 15 окт.
26. Jacobson L. Op. cit. P. 7.; Norway Welcomes China to the Arctic // The Barents Observer. 2010. 31 Aug. URL: <http://barentsobserver.com/en/sections/arctic/norway-welcomes-china-arctic>.
27. Malte H. The Future of the Northern Sea Route: A «Golden Waterway» or a Niche Trade Route // The Arctic Institute Center for Circumpolar Security Studies. 2011. 3 Oct. URL: <http://www.thearcticinstitute.org/2011/10/part-5-future-of-northern-sea-route.html>.
28. Wright D.C. The Dragon Eyes the Top of the World. Washington, DC: U.S. // Naval War College China Maritime Studies Institute. 2011. 08. P. 28–30.
29. Jacobson L. Op. cit.
30. Alexeeva O. Lasserre F. Op. cit.
31. Kivlehan M. Doctrinal Change in the People's Liberation Army: Institutions, Processes, and Influences. Александрия (США). 2003. 08. P. 57–76.
32. Jacobson L. Op. cit. С. 13.

Экономика

Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР*

© 2014

В. Портяков

Корректировка модели экономического роста в КНР наряду с главным, общегосударственным имеет и локально-региональное измерение. Это позволяет отслеживать и анализировать ход, особенности и результативность корректировок, вносимых в модель экономического роста, не только на центральном уровне, в масштабах народного хозяйства в целом, но и в конкретных регионах. Существенный интерес в данном контексте представляет опыт экономического развития Шэньчжэня в последние годы. В 2011–2013 гг. оно проходило в непростых условиях. Особенно болезненно в этот период сказалось ухудшение мировой конъюнктуры и повышение стоимости рабочей силы в самом Китае. В то же время сложившаяся ситуация подтолкнула власти города к поиску дополнительных внутренних, «эндогенных» факторов экономического роста.

В результате экономическое развитие Шэньчжэня и практически реализованная здесь в 2011–2013 гг. модель экономического роста обнаруживают как сходство с аналогичными общекитайскими процессами и тенденциями, так и очевидное своеобразие. В статье прослежены основные тенденции развития промышленности и сферы услуг в Шэньчжэне в последние годы.

Ключевые слова: Китай, Шэньчжэнь, модель экономического роста, современные отрасли промышленности, сфера услуг, основные тенденции развития.

Декларированная руководством страны и в той или иной степени проводимая на практике корректировка модели экономического роста в КНР имеет наряду с главным, общегосударственным, и локально-региональное измерение. Это позволяет отслеживать и анализировать ход, особенности и результативность корректировок, вносимых в модель экономического роста, не только на центральном уровне, в масштабах народного хозяйства в целом, но и, при наличии достаточного количества данных, в тех или иных конкретных регионах. Подобный анализ дает возможность выявить экспериментальную опережающую отработку на местах отдельных новаций в темпах и структуре экономиче-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

*Подготовлено при содействии РГНФ, проект 14-07-00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае»

ского роста, которые в дальнейшем могут быть распространены на значительную часть всего Китая. В то же время можно предположить и вероятное выявление в практическом опыте регионов таких элементов, которые могут оказать обратное поправочное воздействие на общие подходы к модификации модели экономического роста в КНР.

В данном контексте существенный интерес представляет опыт экономического развития в последние годы Шэньчжэня. Во-первых, в течение трех десятилетий специальная экономическая зона Шэньчжэня (1 июля 2010 г. расширена до масштабов всего города) была одной из ведущих в стране экспериментальных площадок по обработке различных новаций во внешнеэкономических связях, административном управлении, на многих направлениях преобразований и реформ в экономической и социальной сферах. Во-вторых, экономика города имеет внушительные масштабы и весьма диверсифицирована структурно, что придает необходимый вес и репрезентативность идущему здесь новаторскому поиску в различных сферах. Важно и то обстоятельство, что Шэньчжэнь, находясь на 4-м месте среди городов КНР по валовому региональному продукту (ВРП), занимает 1-е место по ВВП на душу населения — около 22 тыс. ам. долл., что закрепляет повсеместное восприятие шэньчжэньского опыта как опыта передового. В-третьих, в Шэньчжэне, которому на протяжении своей короткой по историческим меркам жизни пришлось несколько раз существенно менять свои ведущие экономические функции, задачу корректировки сложившейся модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на инвестиции и экспорт поставили в практическую плоскость уже в середине прошлого десятилетия. В частности, принципиальное значение имел вывод о важности стимулирующей роли в увеличении ВРП Шэньчжэня иных, помимо инвестиций, потребления и экспорта, факторов роста, что ориентировало город на диверсификацию источников роста, прежде всего за счет увеличения доли научно-технического прогресса и постепенного снижения уровня инвестиционных, спросовых и экспортных рисков¹.

Современные ориентиры экономического роста в Шэньчжэне были во многом заданы пятилетним планом его социально-экономического развития на 2011–2015 гг., утвержденным 2-й сессией Собрания народных представителей города 5-го созыва (15–19 января 2011 г.). Намечалось увеличить ВРП Шэньчжэня до 1,5 трлн юаней (в 2010 г. — 958 млрд юаней) при среднегодовом приросте порядка 10%, довести среднедушевой ВРП до 20 тыс. долл. (в 2010 г. — 14,6 тыс. долл.), а долю фактора научно-технического прогресса в экономическом росте — до 60% к концу пятилетия. При этом долю новейших отраслей в ВРП (биотехнологии, интернет-экономика и т.п.) предполагалось повысить до 20%, а долю сферы услуг — до 60%².

Развитие экономики Шэньчжэня в 2011–2013 гг. проходило в непростых условиях. Особенно болезненно сказалось ухудшение в эти годы мировой хозяйственной конъюнктуры, предопределившее некоторое сужение внешнего рынка, а также усилившееся давление на экспорт и увеличение операционных расходов производителей и экспортеров продукции. Наряду с повышением в тот же период уровня инфляции и стоимости рабочей силы в самом Китае это вызвало падение рентабельности перерабатывающей промышленности в Шэньчжэне в целом³. Дополнительным осложняющим фактором явилось завершение переходного периода выравнивания ставки подоходного налога с предприятий в специальных зонах и в стране в целом, означавшее лишение части компаний, находящихся в городе, прежних налоговых льгот⁴.

В то же время сложившаяся ситуация подтолкнула власти города к поиску дополнительных внутренних, «эндогенных» («нэйшэи») факторов экономического роста⁵.

В результате экономическое развитие Шэньчжэня и практически реализованная здесь в 2011–2013 гг. модель экономического роста обнаруживают как сходство с аналогичными общекитайскими процессами и тенденциями, так и очевидное своеобразие (табл. 1).

Таблица 1.

Основные показатели экономического развития Шэньчжэня в 2011–2013 гг.

Наименование	Ед. изм.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Валовой региональный продукт	млрд юаней	1150,21	1295,01	1450,02
Прирост	%	10,0	10,0	10,5
Добавленная стоимость в промышленности	млрд юаней	—	509,1	569,5
Прирост	%	12,6	7,3	9,6
Инвестиции в основные фонды	млрд юаней	213,6	231,4	250,1
Прирост	%	10,1	12,3	14,0
Розничный товарооборот	млрд юаней	352,09	400,88	443,36
Прирост	%	17,8	16,5	10,6
Внешнеторговый товарооборот	млрд долл.	414,10	466,78	537,36
Прирост	%	19,4	12,7	15,1
Экспорт	млрд долл.	245,53	271,37	305,72
Прирост	%	20,2	10,5	12,7
Импорт	млрд долл.	168,57	195,41	231,64
Прирост	%	18,2	15,9	18,5

Источники: Шэньчжэнь цзинцзи фачжэнь баогао: [Доклад о развитии экономики Шэньчжэня (2012)] Пекин, 2012. С. 2–5; URL: <http://www.szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>; <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>

В отличие от ситуации в стране в целом, где прирост ВВП в последние три года последовательно снижался (соответственно 9,3, 7,8 и 7,7%), прирост ВРП Шэньчжэня не падал и сохранился на уровне 10% и выше. Темпы прироста инвестиций в общественные основные фонды в Шэньчжэне имели в анализируемый период повышательную тенденцию, однако динамика здесь остается существенно ниже общегосударственной: в 2011–2013 гг. прирост инвестиций по КНР в целом составил соответственно 23,6, 20,3 и 19,6%⁶. По темпам прироста общественного розничного товарооборота Шэньчжэнь следовал общекитайской тенденции, будучи близок к ней и по параметрам — по Китаю в целом они составили 17,1% в 2011 г., 14,3% в 2012 и 13,1% в 2013 г.

Особое значение для экономической жизнедеятельности Шэньчжэня имеет внешняя торговля, по годовому объему которой он лидирует среди городов Китая. Так, 2012 г. доля Шэньчжэня в общекитайском объеме внешней торговли товарами составила 12,9%, в т.ч. в экспорте 13,8% и 11,9% в импорте⁷ — при его доле в ВВП страны в 2013 г. 2,55%. Можно отметить более стабильную динамику роста внешнеторгового товарооборота Шэньчжэня в последние годы по сравнению с общекитайскими показателями: прирост по годам составил соответственно 19,4%, 12,7 и 15,1% в Шэньчжэне и 22,5%, 6,2 и 7,6% в КНР.

В то же время складывается ощущение, что относительное значение роли прямых иностранных инвестиций и наличия крупной группы предприятий с участием иностранного капитала, которые ранее были ведущими факторами экономического благополучия Шэньчжэня, в последние годы несколько снижается. Хотя Шэньчжэнь, привлечший солидный объем прямых иностранных инвестиций (на конец 2011 г. фактически использовано 54,5 млрд долл.), продолжает выступать реципиентом зарубежных средств, по их годовому объему (4,6 млрд долл. в 2011 г.) он отступил уже примерно на 10-е место среди китайских городов⁸. Кроме того, в условиях усилившегося давления мирохозяйственной конъюнктуры появляются случаи, когда экономические показатели работы предприятий и компаний с участием иностранного капитала оказываются хуже, чем у предприятий с отечественным капиталом. Так, в 2011 г. добавленная стоимость на предприятиях с участием иностранного капитала (включая Гонконг и Макао) выросла всего

на 3,3% по сравнению с предыдущим годом, тогда как в целом по промышленности ее рост составил 12,6%⁹.

Вынужденный, как отмечалось выше, искать дополнительные эндогенные факторы роста, Шэньчжэнь ведет такой поиск весьма активно и сразу по нескольким направлениям.

Важное значение придается снижению удельных затрат энергии и других первичных ресурсов на выработку единицы продукции. Так, в 2013 г. затраты первичной энергии на производство 10 тыс. юаней ВРП составили 0,432 тонны условного топлива — на 4,3% меньше, чем в 2012 г., расходы электроэнергии — 558,4 кВт-час — на 7,14% ниже уровня 2012 г.¹⁰ Снижаются и удельные затраты воды.

Достаточно успешное освоение энерго- и ресурсосберегающих технологий тесно связано прямой и обратной взаимозависимостью с опережающим развитием в Шэньчжэне сегмента научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Доля затрат на НИОКР в ВРП города с 3,5% в 2010 г. выросла до 3,81% в 2012 г.¹¹ (в КНР в целом по итогам 2013 г. она достигла 2,09%).

Структура экономики Шэньчжэня заметно отличается от структуры экономики КНР в целом.

В Китае в 2013 г. производство валового внутреннего продукта в разбивке по подразделениям общественного производства распределилось в пропорции 10,0% (I подразделение): 43,9% (II подразделение): 46,1% (III подразделение)¹². В Шэньчжэне первое подразделение общественного производства сколько-нибудь заметную роль в последние годы практически утратило: в 2010 г. на его долю еще приходилось 0,1% ВРП города, а в 2013 г. созданная здесь добавленная стоимость в 525 млн. юаней составила лишь 0,036% ВРП и перестала учитываться в обобщенной статистике. Доля второго подразделения с 47,2% в 2010 г. опустилась до 43,4% ВРП в 2013 г., а доля сферы услуг (третье подразделение) в тот же период выросла с 52,7% до 56,6% ВРП¹³.

Тем не менее *промышленность*, составляющая основную часть второго подразделения общественного производства, остается ключевой сферой жизнедеятельности Шэньчжэня, определяющей общий вектор его развития и главные тренды корректировки локальной модели экономического роста. Анализ особенностей развития промышленности в Шэньчжэне и изменений в ее структуре в последние годы несколько затруднен недостаточно четким разграничением в общей информации и в статистических данных трех типов производства — ведущих производств, новых стратегических отраслей и высокотехнологичной продукции. Подчас тот или иной вид продукции учитывается в трех группах одновременно, так что элиминировать из статданных разного рода «накладки» (overlapping), повторный счет и т.п. удается далеко не всегда. Это, однако, не препятствует выявлению объективной комплексной картины современной промышленности Шэньчжэня. Иерархия ее ведущих отраслей показана в табл. 2.

Безусловным лидером остается производство разнообразной электроники и средств связи, где в 2010–2011 гг. ежегодный прирост добавленной стоимости вышел на уровень 20%. В 2013 г. ее объем вырос на 12,8% к 2012 г. и достиг 316 млрд юаней¹⁴. Вторую позицию занимает машиностроение, а третью — добыча нефти на прилегающих участках морского шельфа. Примечательной особенностью последних лет стал рост доли промышленной продукции Шэньчжэня, реализуемой на внутреннем рынке — с 43,8% в 2010 г. до 46,6% в 2011 г.¹⁵

Вместе с тем приоритет в последние годы отдается опережающему развитию шести *новых стратегических отраслей*. В 2013 г. их вклад в ВРП Шэньчжэня составил 34,5%, а суммарная добавленная стоимость достигла 500 млрд юаней. В число этих отраслей входят биотехнологии (добавленная стоимость 22,8 млрд юаней), интернет-экономика (59 млрд), новые источники энергии (33,6 млрд), новые материалы (31 млрд), информационная техника нового поколения (218 млрд юаней) и так называемое инновационное культурное производство (135,7 млрд юаней)¹⁶.

Таблица 2.

Ведущие отрасли промышленности в Шэньчжэне по годовому объему добавленной стоимости

Наименование	2009 г.		2011 г.	
	млрд юаней	доля, %	млрд юаней	доля, %
Электроника и средства связи	172,12	50,18	282,08	54,0
Машиностроение	55,61	16,21	82,59	15,8
Добыча нефти	27,72	8,08	42,03	8,0
Электроснабжение	20,1	5,86	28,11	5,4
Пластмассы	9,69	2,83	11,60	2,2
Текстиль	7,14	2,08	12,01	2,3
Полиграфия и упаковка	6,72	1,96		
Изделия из золота и драгоценных металлов	6,06	1,72	8,32	1,6
Изделия из минералов, кроме металлосодержащих	3,67	1,07	5,39	1,0
Медикаменты	3,65	1,06	4,91	0,9
Химические продукты			4,72	0,9
Десять отраслей	312,50	91,1	481,77	92,1

Источники: Шэньчжэнь цзинцзи фачжань баогао 2010: [Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2010] Пекин. 2010. С. 21; Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 29–30.

«Инновационное культурное производство» развивается в Шэньчжэне уже более десяти лет. По ряду направлений город является общекитайским лидером. Так, здесь действуют более 200 компаний промышленного проектирования и дизайна, составляющих по количеству 49% общекитайского показателя и занимающих 60% внутреннего рынка в своей отрасли.

На конец 2010 г. в Шэньчжэне имелось 2467 полиграфических предприятий. Город стал общегосударственным центром производства высококачественной печатной продукции¹⁷. Весомое место в структуре «инновационного культурного производства» занимают доходы от многочисленных тематических парков.

Одним из очевидных преимуществ Шэньчжэня является акцент на развитие высокотехнологичных производств, стоимостной объем продукции которых за первое десятилетие XXI в. вырос более чем в 10 раз — со 106,4 млрд юаней в 2000 г. до почти 1200 млрд юаней в 2011 г. Важно отметить, что высокотехнологичный сектор города в целом сумел сохранить позитивную динамику даже на пике мирового экономического кризиса в 2009 г., существенно нарастив ее в посткризисные годы (табл. 3).

Развитие и экспорт высокотехнологичной продукции в городе в значительной мере опирается на научно-технические разработки самого Шэньчжэня. По разным оценкам, доля самостоятельно разработанной продукции составляет от 40 до 60% ее общего объема. Важно отметить, что освоение и продвижение продукции высоких технологий поощряется государством. Так, с 2008 г. вновь созданные в Шэньчжэне (и других специальных экономических зонах) предприятия по производству новой и высокотехнологичной продукции были освобождены от уплаты подоходного налога в течение первых двух лет работы. На последующие три года для них установлена льготная ставка в размере половины от унифицированного 25-процентного подоходного налога¹⁸.

Таблица 3.

Производство высокотехнологичной продукции в Шэньчжэне

Наименование	2009 г.		2011 г.	
	Объем, млрд юаней	Прирост, %	Объем, млрд юаней	Прирост, %
Высокотехнологичная продукция, всего	850,78	3,6	1187,56	16,7
Электроника и коммуникационное оборудование	753,8	2,0	1045,11	16,6
Новые материалы и оборудование для производства новых видов энергии	44,63	12,6	65,09	17,5
Комбинированные опто-электро-механические изделия	38,65	18,4	57,46	17,1
Биотехнологическая и медицинская продукция	8,0	35,1	11,99	18,5
Продукция для защиты окружающей среды	5,69	42,4	7,91	17,9
Экспорт высокотехнологичной продукции, млрд долл.	85,05	-5,5	124,8	14,8

Источники: Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2010. С. 22–23; Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 31–32, 34.

Можно констатировать, что в Шэньчжэне сформировался классический образцовый кластер инновационного развития, когда заимствованные и достойно финансируемые собственные научно-технические новшества получают возможность быть в сжатые сроки освоенными и запущенными в массовое производство благодаря мощной многоотраслевой высокотехнологичной промышленности. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что центральные и местные власти помогают некоторым новым видам продукции завоевывать рыночную нишу. Так, при покупке электромобилей фирмы BYD («Бияди») стоимостью 360 тыс. юаней дотацию в размере 60 тыс. юаней дает государство, а еще 60 тыс. юаней — правительство Шэньчжэня. Это обеспечило ежегодное удвоение производства электромобилей в Шэньчжэне в период 2009–2012 гг. В результате он стал одним из лидеров среди городов страны по развитию низкоуглеродной экономики¹⁹.

Передовой по общеитайским, а отчасти и по международным критериям характер экономики Шэньчжэня особенно наглядно отражается в высокой доле в ней сферы услуг. Важно отметить, что сфера услуг здесь сформировалась не как некий самостоятельный феномен, а как производное от развития современной перерабатывающей промышленности и внешнеэкономического комплекса города, призванное содействовать их дальнейшему росту.

В настоящее время в Шэньчжэне выделяют четыре крупных подвида сферы услуг производственного характера²⁰.

Это, во-первых, комплексная система современных финансовых услуг открытого типа, представленная банками, биржей ценных бумаг, страховыми компаниями. Банк развития Шэньчжэня имеет отделения в провинциальных центрах по всей стране. Шэньчжэньская биржа ценных бумаг специализируется на торговле акциями и является одной из двух таких бирж в КНР (наряду с Шанхайской, еще одна биржа есть в Особом административном районе Китая Сянгане, т.е. Гонконге). В рамках Шэньчжэньской биржи созданы отделения по торговле акциями инновационных предприятий и акциями малых и средних

предприятий. В середине 2013 г. объем торговли акциями инновационных предприятий составлял примерно 1/4 от общего объема сделок с акциями на Шэньчжэньской бирже²¹.

Во-вторых, разветвленная современная система логистики, охватывающая морской порт и аэропорт (с конца 2013 г. в Шэньчжэне действует новый аэропорт), три беспошлинные таможенные зоны (Футянь, Шатоуцзяо, Яньтянь), две зоны экспортной переработки, одну беспошлинную портовую зону, более 60 беспошлинных складов и складов таможенного экспортного контроля²². Шэньчжэньский морской порт занимает 4-е место в мире по перевалке контейнерных грузов (в 2013 г. — 23 млн. стандартных контейнеров).

В-третьих, система современного информационного обслуживания, базирующаяся на Интернете и современных электронных средствах связи.

В-четвертых, система реализации научно-технических достижений. С 1999 г. в Шэньчжэне проводится международная ярмарка изделий новых и высоких технологий.

В целом современные виды услуг дают более 2/3 доходов от реализации услуг в Шэньчжэне (в 2012 г. 68%²³).

* * *

Анализ особенностей функционирования экономики Шэньчжэня в последние 4–5 лет показывает, что модификация модели экономического роста в общегосударственном масштабе находит отражение на региональном уровне, прежде всего, в подвижках в структуре промышленного производства и сферы услуг. В то же время повышение роли потребления как фактора экономического роста дается в Шэньчжэне, как, впрочем, и в Китае в целом, весьма непросто. Сказывается в первую очередь то обстоятельство, что население города в значительной части представлено выходцами из других регионов страны, сплошь и рядом отправляющими на родину солидную часть заработка. Кроме того, определенная доля потребительского спроса шэньчжэньцев реализуется в соседнем Гонконге.

Если говорить о вероятном обратном воздействии шэньчжэньской практики на модификацию общей модели экономического роста в стране, то здесь заслуживает внимания достаточно удачный опыт города по перепрофилированию на выпуск более современных видов продукции многих средних и малых предприятий, исторически занимавшихся поручительской переработкой давальческого сырья и изготовлением изделий по образцам заказчика, а в стратегическом плане — опыт освоения в Шэньчжэне в сжатые сроки новых и экологически дружественных технологий. В Шэньчжэне намерены и впредь в полной мере выявлять и развивать все имеющиеся у города сравнительные преимущества.

Применяемые в Шэньчжэне подходы к подъему современных отраслей промышленности и сферы услуг заслуживают особого внимания российского экспертного сообщества и правительственных ведомств, поскольку «шэньчжэньская модель» представляет собой классический образец успешного несырьевого развития, потребность в котором в современной России ныне ощущается острее, чем когда-либо ранее.

1. По расчетам работающего в Шэньчжэне эксперта по экономическому управлению Синь Хуа, в первой половине 1990-х годов совокупный вклад инвестиций, потребления и экспорта был весьма значителен с максимумом в 1992 г. В 2001–2004 гг. он стабилизировался в диапазоне 40–50%. — *Синь Хуа*. Цзыюань пинхэн, чэнцзайли юй чанье шэнцзи — Дуй Шэньчжэнь юй Чжу саньцзяо вэйлай фачжань ши яньцзю: [Ресурсный баланс, несущие опоры и облагораживание структуры производства — Исследование тенденций будущего развития Шэньчжэня и дельты реки Чжуцзян]. Пекин, 2010. С. 53–54.
2. URL: <http://sz.people.com.cn/GB/13746988.html>.
3. См.: Шэньчжэнь цзинцзи фачжань баогао: [Доклад об экономическом развитии Шэньчжэня — 2012]. Пекин, 2012. Предисловие. С. 1.
4. С 1 января 2008 г. в Китае была введена унифицированная ставка подоходного налога для всех предприятий в 25%. Для предприятий СЭЗ Шэньчжэнь, плативших ранее подоходный налог по

- льготной ставке 15%, на последующие 5 лет предусматривалось ежегодное повышение на 2–3 пункта: до 18% в 2008 г., 20 в 2009 г., 22 в 2010 г., 24 в 2011 г. и 25% с 2012 г. Льготы для предприятий с высокой экспортной квотой (70% и выше) и производящих высокотехнологичную продукцию сохранились. — *Синь Хуа*. Указ. соч. С. 87.
5. Доклад об экономическом развитии Шэньчжэня — 2012. Предисловие. С. 1.
 6. Чжунго тунци чжайяо — 2012: [Краткая статистика Китая — 2012]. Пекин, 2012. С. 50; Чжунго тунци чжайяо — 2013: [Краткая статистика Китая — 2012]. Пекин, 2012. С. 50; URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>.
 7. URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c262846-20540431.html>.
 8. Доклад о развитии экономики Шэньчжэня — 2012. С. 35, 13.
 9. Там же. С. 3.
 10. URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>.
 11. URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>.
 12. Расчет по данным: URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/10120/c202846-20431058.html>.
 13. Доклад о развитии экономики Шэньчжэня — 2012. С. 12.
 14. URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>.
 15. Доклад о развитии экономики Шэньчжэня — 2012. С. 31.
 16. URL: <http://sz.people.com.cn/n/2014/0211/c202846-20540431.html>.
 17. Доклад о развитии экономики Шэньчжэня 2012. С. 78–81. По-своему показательно, что именно в Шэньчжэне издается широко известный гонконгский иллюстрированный журнал «Фэнхуан» («Феникс»).
 18. *Синь Хуа*. Указ. соч. С. 87.
 19. Жэньминь жибао. 01.04.2013.
 20. *Синь Хуа*. Указ. соч. С. 85.
 21. Так, 22 июля 2013 г. объем торгов акциями инновационных предприятий составил 25,84 млрд юаней, а общий объем торгов акциями в Шэньчжэне — 96,55 млрд юаней (порядка 15 млрд долл.). URL: <http://sz.people.com.cn/n/2013/0722/c202846-191249441.html>.
 22. Доклад о развитии экономики Шэньчжэня — 2012. С. 129.
 23. URL: <http://szrd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016.html>.

«Сямэньская модель»: об опыте формирования системы социального жилья в Китае

© 2014

Вэй Лиань

В ходе подготовки к внедрению в КНР системы социального жилья успешным признан эксперимент, осуществленный в приморском городе Сямэне, где был разработан и протестирован соответствующий проект. Статья, подготовленная при поддержке Молодежного фонда гуманитарных и общественных наук при Министерстве образования КНР (12YJC630223) и проекта «895» Сямэньского университета, посвящена истории и наиболее характерным особенностям «сямэньской модели».

Ключевые слова: Китай, Сямэнь, социальное жилье.

Крупный островной город на юго-востоке Китая со статусом особой экономической зоны, Сямэнь первым в стране встал на путь инновационного решения практических и теоретических проблем создания китайской модели социального жилья, что в других городах КНР оставалось, в сущности, «на бумаге». За основу в Сямэне решили использовать опыт Гонконга.

Вступившие в силу с 1 июня 2009 г., «Правила управления социальным жильем в г. Сямэне» явились первым в стране актом местного законодательства по данной проблематике.

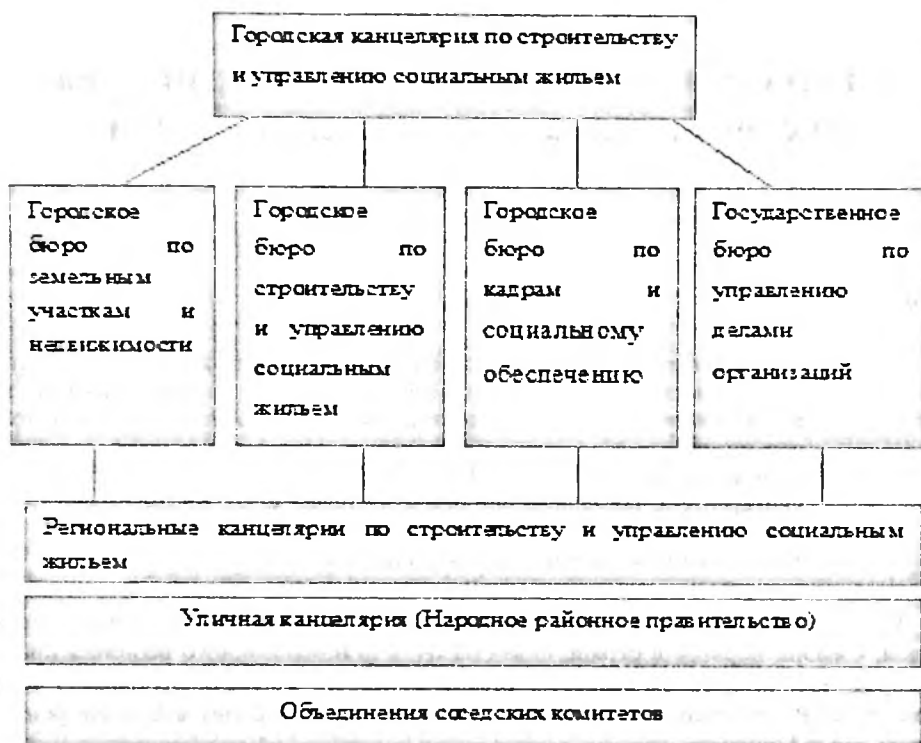
Ведущая роль государства. В Сямэне было законодательно установлено, что основная ответственность за капиталовложения, за разработку, формирование и внедрение системы социального жилья лежит на городском правительстве, в деятельности которого разрешение связанных с этим проблем стало первостепенным делом.

Во-первых, здесь поставили задачу формирования организационных структур, в которых координирующие функции принадлежат городскому правительству. Учрежденная им Канцелярия по строительству и распределению социального жилья функционирует на принципах «единое строительство», «единое распределение», «единое управление», «единое функционирование». Этой канцелярии вверена вся деятельность по руководству и координации работой в данной сфере.

Во-вторых, осуществляется взаимодействие функциональных учреждений.

В проверке соискателей социального жилья задействованы ведомства по гражданской администрации, по земле и недвижимости, по строительству, по общественной безопасности, по налогам, кадрам (см. схему № 1).

Схема 1 Иерархическая структура управления социальным жильем в г. Сямэнь

Источник: Интернет-ресурс социального жилья г. Сямэнь

Структурой планирования социального жилья предусматривалось, что план его строительства и распределения утверждается в соответствии с общими целями и потребностями города.

Концептуальные установки. Исходя из задач и потребностей по обеспечению горожан доступным жильем, в Сямэне была намечена программа строительства и распределения соответствующего жилого фонда. В 2007 г. сямэньский Проектно-конструкторский институт завершил порученную ему городским правительством работу над проектом «Плана на 2007–2010 гг. по развитию социального жилья с целью решения в Сямэне жилищных проблем у семей с низким и средним доходами».

Разработка системы. «Сямэньской моделью» предусматривалось претворить в жизнь курс на постепенное разрешение жилищных проблем у семей с низкими и средними доходами, у госслужащих, у одаренных кадров предприятий и учреждений, а также у рабочих, мигрировавших в город из сельской местности. При том учитывалась необходимость определить рациональные для Сямэня сроки застройки при разумном использовании земли, четком определении строительных стандартов и комплексной инфраструктуры; стандартизации отделочных работ и пр. Были установлены формы общественной аренды, порядок квартплаты и методика ее расчета, система управления арендными платежами.

Механизм обеспечения социального жилья основывался на законодательных актах, обеспечивающих открытость, справедливость и беспристрастность.

Критерии семей с низким и средним доходами. Право граждан на социальное жилье устанавливались сямэньским правительством, исходя из показателей уровня жизни, предоставляемых статистическими органами КНР. В соответствии со среднегодовым доходом на члена семьи городское население поделено на пять групп (см. таблицу 1)¹.

Таблица 1

Градации доходов горожан Китая (на члена семьи)

Низкий доход	Ниже 20% от среднего городского
Средний доход низшего уровня	20–40% от среднего городского
Средний доход среднего уровня	40–60% от среднего городского
Средний доход высокого уровня	60–80% от среднего городского
Высокий доход	Более 80% от среднего городского

Сямэньское правительство предполагает охватить обеспечение социальным жильем вплоть до уровня семей с подушевым доходом, составляющим 40–50% от среднего общегородского.

Имущественные критерии. К семейному имуществу принято, главным образом, относить недвижимость, автомашины, ценные бумаги (включая акции), вклады (включая денежные и заемные средства).

В денежном выражении классификация годовых доходов у семей с низким и средним уровнем была в Сямэне в 2006 г. такова:

- для семьи из трех чел. — 50 тыс юаней;
- при четырех-пяти чел. — 60 тыс юаней;
- при более, чем пяти чел. — 70 тыс юаней.

Нормы обеспечения жилой площадью. Нормативы обеспечения социальным жильем утверждаются городскими правительствами в зависимости от местных условий. Они относительно высоки в Ханчжоу и Шэньчжэне (по 16 кв.м.) и в провинции Чжэцзян (15 кв.м.). Норма в провинции Фуцзянь — 12 кв.м. Такая же была первоначально и в Сямэне. Но к настоящему времени — в соответствии с его изменившимися объективными условиями сямэньская норма возросла до 16 кв.м.

Дифференциация нормативов. Начиная с 2005 г., когда Сямэнь приступал к формированию системы обеспечения социальным жильем, проблемы семей с различным уровнем доходов решаются дифференцированно:

- семьи с самым мизерным уровнем жизни обеспечивались льготным жильем;
- семьям, обладавшим некоторыми средствами, предоставлялась возможность купить жилье с доступной стоимостью;
- семьи, в материальном отношении обеспеченные, получали коммерческое жилье;
- поощрительные льготы предусматривались для талантливых кадров, недавно приглашенных на службу;
- с 2011 г. вступили в силу меры по обеспечению коммерческим жильем по фиксированной льготной цене семей со средним доходом;
- ныне в сферу социального обеспечения в Сямэне включены жилищные проблемы приезжих и мигрантов из сельской местности;
- на стадии разработки — меры по обеспечению социальным жильем управленческого и технического персонала некоторых предприятий, а также квалифицированных рабочих, которые внесли вклад в строительство Сямэня.

Принципы выбора места под застройку². Реализация программы социального жилья в Сямэне от начала до конца пронизана заботой о человеке. Для социального жилья подбираются наиболее удобные участки земли, в том числе, в элитных районах

города. Принимается во внимание и экология (уровень шума, загрязненность выхлопными газами...)

Рассчетливый выбор местоположения есть ключевой вопрос строительства социального жилья. В Сямэне считают: оптимальная планировка территорий, где размещается социальное жилье, позволит семьям с низким достатком органично влиться в общество, избежать чувства изолированности, предотвратить образование трущоб. Учитывается и потребность в развитой транспортной инфраструктуре. Ведь малоимущим гражданам не по карману приобретение личного автомобиля, и основное средство передвижения для них — общественный транспорт.

Для микрорайонов с преобладанием социального жилья характерна, как правило, высокая плотность населения, из чего проистекает необходимость заблаговременно позаботиться о наличии школ, лечебно-профилактических учреждений, торговых учреждений, предприятий бытового обслуживания. При том требуется бдительность экономии средств, принимать во внимание цену земельных участков под застройку.

Планирование будущих проектов. Строительство социального жилья, а также жилья для сдачи в общественную аренду — одна из важных задач 12-й пятилетки. Планирование будущих проектов Сямэня включает перемещение строительства из центра острова вовне. Освоение «внешних» территорий несколько запаздывает, задача дня: сформировать интегрированную структуру с включением внешних территорий.

Земля под застройку. Площадки под строительство социального жилья включаются в Сямэне в годовой план распределения земель, за приоритетное выделение которых несет юридическую ответственность соответствующий департамент. Осуществляется строгий надзор за использованием этих участков по назначению.

Функционирование капиталовложений. Средства на строительство социального жилья поступают в полном объеме от муниципалитета, их основные источники: государственный бюджет, чистые поступления от продажи земли, доходы от роста стоимости вложений в жилищный резервный фонд.

Здоровая законодательная база. С июня 2009 г., когда в Сямэне вышел упоминавшийся в начале данной статьи первый в Китае муниципальный закон о социальном жилье, здесь к настоящему времени уже опубликовано около тридцати сопутствующих документов. Благодаря этому постепенно сложилась базовая правовая система по социальному жилью, соответствующая реалиям китайской политики в этой сфере.

Совершенствование порядка информирования. Своевременность информации, касающейся социального жилья, играет ключевую роль в «сямэньской модели». Ведь от этого в немалой степени зависит справедливость подбора кандидатур на соискание социального жилья. К тому же данная информационная система располагает базой данных о наличии жилья и спросе на него, о сделках по купле-продаже жилья, облегчая решение жилищных проблем городского населения.

Механизм распределения социального жилья. Система распределения жилья сформирована так, чтобы неукоснительно претворялась в жизнь свойственная ей концепция социальной справедливости, изначально упреждались явления коррупции и иных злоупотреблений. При распределении жилья в Сямэне применяется принцип «живой» электронной очереди, выстраиваемой соответственно дате подачи заявления соискателем. Семья, отвечающая условиям предоставления социального жилья, получает после подачи комплекта требуемых документов уникальный «код ожидания». Достоинства такого порядка: в равенстве соискателей, в справедливости, в предотвращении возможности махинаций.

При этом, однако, порядок «живой» электронной очереди предполагается дополнить льготами по срокам для лиц следующих категорий: престарелых, лиц без супруга (супруги), отставных военных, мигрантов.

Механизм выхода из системы социального жилья. Существует два варианта исключения из «живой» электронной очереди: добровольный и принудительный.

Добровольным выходом предполагается, что соискатель по собственному желанию подает соответствующее заявление. Принудительный выход означает, что компетентное ведомство лишает того или иного гражданина прав пользования социальным жильем. Такое может случиться в случаях нарушения правил использования данного жилья.

Правительство Сямэня установило различные правила, включая "Порядок сбора арендной платы", "Систему проверки претендентов на социальное жилье" и пр. Постепенно в рамках «сямэньской модели» формируется и совершенствуется рациональный механизм управления социальным жильем, который вызывает растущий интерес во многих городах Китая.

-
1. Сеть социального жилья в г. Сямэне. «План развития». URL: <http://www.xmjs.gov.cn/bzzfw/fzgh/#45852>.
 2. Материалы по социальному жилью в г. Сямэне. "План развития". URL: <http://www.xmjs.gov.cn/bzzfw/fzgh/#6-2>

Китайско-индийские противоречия по проблемам азиатской интеграции

© 2014

В. Балакин

Проблема выбора модели азиатской интеграции сегодня стоит как никогда остро. Особое место в региональном интеграционном соперничестве имеет геостратегическое влияние, которое Китай и Индия нарастили за последние 30 лет. Их престижу способствует наличие ядерной мощи. Их уязвимые места: оба государства представляют собой мультиэтнические общества с постоянными конфликтными ситуациями, урегулирование которых требует осторожности.

Ключевые слова: Китай, Индия, азиатская интеграция, региональное соперничество, интеграционная модель.

В XV в. Китай господствовал над всеми восточными морями, Индия же играла ключевую роль в торговле между Востоком и Западом. К началу XVI в. на обе страны приходилось в совокупности более 50% мирового производства, на Европу — лишь 20%. К 1820 г. Китай и Индия еще сохраняли свое экономическое влияние на стратегическом уровне, однако затем произошло резкое снижение их экономических потенциалов, в результате чего к 1950 г. приходилось уже только 9% мирового производства. За последние 30 лет оба государства сумели стабилизировать устойчивый экономический рост, добиться геостратегического влияния, что сулит им восстановление к 2030 г. прошлого превосходства¹.

Китай и Индия обладают огромными человеческими ресурсами, адекватными промышленными и технологическими базами и, что очень важно для регионального лидерства, крупными вооруженными силами. Кроме того, обе державы обладают ядерной мощью, а также продвинутыми особенно, у Китая программами освоения околоземного космического пространства. У них налицо значительный исторический опыт жесткого соперничества за лидерство на азиатском континенте, достаточно вспомнить китайско-индийскую войну 1962 г. и вооруженные столкновения на границе в 1967 и 1987 гг.²

В настоящее время экспертное сообщество внимательно исследует возможности становления к 2030 г. баланса сил между Китаем и Индией. Оценки выстраиваются на основе конкретных действий китайского и индийского правительств, а также правительств других держав, способных влиять на китайско-индийское соперничество. Глобальная многополюсная система возникла именно с того момента, когда Китай и Индия стали планомерно наращивать свою совокупную комплексную мощь, преследуя при этом и региональные интеграционные цели. Во многом данная тенденция носит объективный характер, поскольку мировой экономический рост последовательно перемещается из зоны Атлантики к Тихому океану³: азиатский континент превращается в арсену их

усиливающегося соперничества, подогреваемого неопределенностью американского выбора в отношении формирующейся азиатской интеграционной модели.

Окончательный американский выбор явно запаздывает по объективным причинам, связанным в первую очередь с неопределенностью перспектив роста китайской и индийской экономик в последующее десятилетие, а также неясностью будущего развития политической и военной стратегий обоих государств. Однако, уже сейчас очевидно, что продекларированные этими державами основополагающие стратегические планы неизбежно подталкивают их к более жесткому соперничеству как в региональном, так и в глобальном масштабах за энергетические и другие сырьевые ресурсы, остро необходимые обеим странам для дальнейшего экономического развития. Уже имеющиеся и предстоящие достижения глобальной технологической революции объективно заставят Китай и Индию бросить имеющиеся силы и средства на инвестирование в приоритетные отрасли знаний (информатику, биотехнологии, нанотехнологии, в разработку композиционных материалов). Кто быстрее добьется лучших результатов, тот неизбежно приобретет существенные геополитические и военные преимущества. События двух десятилетий, впрочем, свидетельствуют, что технологических преимуществ для достижения национальных целей оказывается недостаточно: определяющую роль все-таки играют военно-политические альянсы, представляющие в своей основе не что иное, как сложные интеграционные образования, подчас даже не закрепленные формально в каких-либо официальных юридических документах⁴. При анализе природы китайско-индийского соперничества, заметно, что оно на протяжении веков имело своей основой целью формирование подконтрольных интеграционных альянсов, прежде всего, в Юго-Восточной Азии.

По мнению многих экспертов, китайско-индийское соперничество на сегодня проявляется в постоянном контроле за совокупной национальной мощью конкурента, в поддержании боеспособности национальных ядерных сил, в развитии военно-морской составляющей вооруженных сил, в стабильно высоком уровне боеспособности военно-воздушных и наземных сил⁵. Кроме того, внимательно изучается инфраструктурная компонента, содержанием которой является наличие военных баз в приграничной зоне, а также на территории союзных государств, включая создание эффективных условий переброски войск (в том числе за пределы своих границ).

Экстраполируя на 2030 г. долгосрочные тенденции отношений Китая и Индии, можно предположить, что балансы их национальных интересов будут взаимно противостоять. Китай и Индия основывают свои стратегии развития, исходя из субъективно понимаемых целей и методов их достижения, основанных на масштабных инвестициях в оборонные потенциалы. Примечательно, что обе державы включают в свой военный потенциал внешнюю интеграционную составляющую, ориентируясь, прежде всего, на политические позиции, уже приобретенные в различных странах Азии.

Китай и Индия внимательно отслеживают все изменения в азиатской политике США, справедливо полагая, что американские национальные интересы на азиатском континенте всегда будут противоречить национальным интересам всех основных игроков в данном регионе, играя роль своеобразного барометра. Объективная реальность геополитической ситуации в Азии сегодня — именно американский фактор, через призму которого каждое азиатское государство выстраивает будущие параметры своего развития⁶.

Китай и Индия в полной мере учитывают американский фактор при разработке национальной региональной интеграционной модели. При этом существует значительная асимметрия в восприятии китайским и индийским руководством геополитических планов США в отношении Азии. Если Китай скрупулезно отслеживает любые шаги американского правительства на азиатском направлении, рассматривая их исключительно с точки зрения угрозы национальным интересам КНР, то Индия в отношениях с США занимает до некоторой степени созерцательную позицию, видимо, отдавая себе отчет в том,

что вряд ли сможет существенно помешать реализации американских стратегических планов на азиатском континенте. Индийские власти прежде всего ориентируются на сдерживание китайской активности в военной сфере, а потому видят в Вашингтоне своего возможного объективного союзника в противодействии КНР. В свою очередь Китай должен решать значительно более сложную задачу, направленную на сохранение своих стратегических позиций в Азии, в том числе за счет внесения серьезного диссонанса в индийско-американские взаимоотношения⁷.

Однако перспективы индийско-американского союза против КНР при более детальном рассмотрении выглядят скорее всего тактической уловкой со стороны Дели. По большому счету, ни Китаю, ни Индии не нужен в Азии стратегический партнер, который сам претендует на исключительное доминирование. Китайско-индийское соперничество в данной связи вполне может со временем превратиться в раздел сфер влияния. Для Китая в обозримой перспективе приоритетным, видимо, будет создание военно-морского преимущества в зоне восточных морей, где он неизбежно натолкнется на жесткое американское противодействие⁸. Не избежать того же и Индии, чьим аналогичным приоритетом останется военно-морское доминирование в Индийском океане.

Принципиальные различия в политическом устройстве Китая и Индии определяют разработку принципиально разных интеграционных моделей для азиатского континента. Но при всех различиях и противоречиях Китай и Индия практически согласны друг с другом в главном: им не нужно вовлечение кого-то третьего в их соперничество. Китай имеет существенное конкурентное преимущество, выражающееся в уже устоявшейся системе воздействия на политические процессы в сопредельных странах через хорошо структурированные ячейки хуацяо — китайской зарубежной диаспоры, особенно в Восточной Азии⁹. У Индии налицо настойчивое стремление сделать своими основными опорными точками немногочисленные азиатские государства, которые имеют проблемы в отношениях с КНР.

Интересно проследить эволюцию становления китайской интеграционной модели для Азии, которая последовательно изменяется от четвертого поколения китайских руководителей к нынешнему, пятому, а в перспективе может получить неожиданное продолжение в рамках внешней политики будущего, шестого поколения руководства КНР, которому предстоит решать принципиально иные задачи за горизонтом 2022 г. Председатель КПК и КНР Ху Цзиньтао и его команда сделали ставку на стабилизацию отношений с Индией и попытались смягчить конкуренцию с индийскими соперниками, вынудив их принять китайскую интеграционную модель в Азии, используя, в частности, стремление индийского правительства стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. Для Индии членство в ШОС является весьма важным фактором, сулит ей консолидировать общество за счет успешной внешнеполитической активности. Для Индии азиатская интеграция представляется вполне естественной и понятной с учетом того опыта, который накоплен ее центральным правительством в ходе внутреннего объединения весьма разнородных этнических, религиозных и политических групп. В этом принципиальное различие между китайской и индийской моделями азиатской интеграции, и существо данного различия проистекает из китайской унитарной и индийской федеративной системы государственности¹⁰.

Взаимоотношения Пекина и Дели в рамках ШОС представляют достаточно наглядную картину двух точек зрения на интеграционные процессы в Азии. В ряде китайских и индийских документов сформулированы долгосрочные цели и задачи, решая которые страны намереваются добиться нужных им геополитических результатов на азиатском континенте. Опубликованная 31 марта 2011 г. «Белая книга по обороне КНР» указывает, например, четыре таких цели:

– обеспечение национального суверенитета Китая в Азии как гарантии соблюдения национальных интересов развития страны;

– поддержание внутренней и внешней стабильности КНР как условие азиатской безопасности;

– ускоренная модернизация китайских вооруженных сил как предпосылка для обеспечения азиатской стабильности;

– принятие Китаем на себя повышенных международных обязательств по сохранению мира в Азии.

Что касается стратегических целей Индии на азиатском континенте, то они выглядят более детализированными (в документе индийского правительства под названием «Азия в 2020 году: будущий стратегический баланс и возможные альянсы»):

– безусловная реализация мер по повышению устойчивого экономического роста в Индии;

– полная энергетическая безопасность страны;

– максимальное снижение террористической угрозы в Азии за счет выстраивания ровных отношений сотрудничества с соседними мусульманскими государствами;

– разработка предложений по трансазиатским инфраструктурным проектам;

– достижение реального военного баланса сил с Китаем;

– использование статуса ядерной державы для достижения высоких репутационных целей в Азии;

– вхождение в тройку великих азиатских держав¹¹.

Весьма важным представляется уяснить, как Китай и Индия воспринимают ныне друг друга.

На сегодня можно наблюдать два основных формата китайско-индийского соперничества — ШОС и БРИКС. Первый явно представляет собой вариант противоречий в рамках развивающихся азиатских интеграционных процессов, тогда как второй выводит конкуренцию между Китаем и Индией на глобальный уровень. Многие эксперты обращают внимание на сходства и различия стратегических концепций, традиционно сложившихся в китайской и индийской культурах. В Китае, как и в Индии, правительства предпочитают добиваться внешнеполитических целей, не прибегая к вооруженной силе, явно отдавая себе отчет в том, что любой региональный конфликт, особенно с соседями, может иметь в случае поражения катастрофические последствия для внутривнутриполитического положения в собственной стране. Однако китайская и индийская культуры выработали адекватных стратегических решений кардинально различаются, когда речь заходит о решении проблем, выходящих за рамки региональных: Китай всегда стремится найти вариант решения, ориентированный на «долгосрочную осаду крепости и окружение ее со всех сторон», в то время как Индия, напротив, стремится «окружать крепость», привлекая к этому максимально возможное число ближних и дальних союзников, суля им «щедро поделиться добычей после захвата крепости»¹².

Современные китайско-индийские противоречия по вопросу о модели азиатской интеграции уходят корнями в глубокую древность. Чтобы в них разобраться, необходимо, прежде всего, признать, что эти противоречия носят цивилизационный характер. Конфуцианство предопределило практически все важнейшие сферы жизни Китая, в том числе влияние на внешние связи страны и искусство дипломатии. Культура международных отношений в Индии также покоится на не подлежащих сомнению принципах, уходящих своими корнями не столько в философию, сколько в религиозные учения о космическом происхождении индийской цивилизации.

В любом вопросе, тем более в тех, что затрагивают систему будущего миропорядка в Азии, Китай и Индия объективно не могут уступить друг другу первенство регионального лидерства¹³.

И в Пекине, и в Дели начинают ощущать, что только наращиванием военной мощи вряд ли получится выстроить интеграционные альянсы на азиатском континенте. Безудержный экономический рост также вряд ли повлечет формирование устойчивого

регионального сообщества из столь разных по общему уровню развития государств. Существуют вполне определенные пределы возможностей каждой страны, до которых она может увеличивать капиталовложения в собственное развитие, а за этими пределами начинает вызревать проблема поиска внешних источников, за обращение к которым всегда приходится платить утратой части национального суверенитета. Для некоторых азиатских государств сегодня вопрос поиска адекватной интеграционной модели влечет за собой непростую дилемму — либо войти в жесткие союзнические отношения с набирающим комплексную государственную мощь Китаем, либо попытаться избежать «крепких объятий» Пекина и присоединиться к «мягкому» альянсу, предлагаемому Индией, которую в обозримой перспективе, вероятно, будет поддерживать, исходя из геополитических соображений, Запад вместе с Японией. Выбор достаточно трудный, он вряд ли будет до конца осозанным, поскольку его придется делать в совершенно новых условиях, когда в каждом конкретном случае может не оказаться альтернатив¹⁴.

Следует признать, что до настоящего времени в Азии пока еще не выработано универсальной интеграционной модели. Глобальный баланс сил изменяется очень быстро, во многом подталкиваемый устойчиво прогрессирующей рецессией и последовательными попытками Китая стать лидирующей мировой державой. Для Индии вариант переориентации региональных устремлений США в Азии означал бы непростой выбор между двумя принципиальными решениями: войти в тесный военно-политический союз с Вашингтоном (по примеру Японии) или найти вариант равноправного сотрудничества с КНР, создавая общую интеграционную систему на азиатском континенте и используя для этого возможности ШОС, предварительно добившись присоединения к ней в качестве полноправного члена¹⁵. Китайско-индийский стратегический альянс сегодня имеет объективные предпосылки оказаться успешным, поскольку на фоне экономических трудностей Запада Китай и Индия демонстрируют устойчивые темпы роста на уровне 9% и 7% соответственно.

При этом крупномасштабные инфраструктурные проекты Пекина, как и снижение экспортной зависимости Дели, направленность индийской экономики на ускоренное развитие внутреннего рынка способны привести обе страны к формированию согласованной модели азиатской интеграции, постепенно распространяющейся на глобальный уровень через механизмы БРИКС.

Пока что трудно ожидать от Китая и Индии быстрого отказа от стремления сформировать свою собственную независимую интеграционную модель для Азии. И дело здесь не только в том, что каждая страна уже вложила достаточно много сил и средств в разработку национальной стратегии. По оценкам экспертов, главным камнем преткновения на пути развития китайско-индийских интеграционных связей будут оставаться фундаментальные противоречия в Юго-Восточной Азии¹⁶. АСЕАН сегодня явно тяготеет к экономическому сотрудничеству с КНР, уже подписав с Китаем соглашение о зоне свободной торговли, которое вступило в реальную силу 1 января 2010 г. В сложившихся условиях Индия пытается сделать ответный ход, объявив о своем намерении присоединиться к таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана.

В связи с этим, как нам представляется, нельзя исключать вариант обострения новых китайско-индийских противоречий на азиатском континенте, способных существенно затормозить формирование единого экономического пространства в Азии.

1. *Ryan M. India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Power // The School of Advanced International Studies / John Hopkins University. Washington DC. 2012. Oct. P. 3.*

2. *Preeg E.* India and China: An Advanced Technology Race // Center for Strategic and International Studies. Washington DC. 2009. P. 8.
3. *Roche J.* Choosing Analytic Measures // The Journal of Strategic Studies. 2012. № 2, June P. 195.
4. *Frankel F.* The China-India Relationship: What the United States Need to Know. New York: Columbia Univ. Press, 2004. P. 75.
5. *Tellis A.* China and India in Asia. New York: Columbia Univ. Press, 2010. P. 138.
6. *Rao Nirupama.* Key Priorities for India's Foreign Policy // IISS. London, 2011. 27 June. P. 19.
7. *Johnson K.* Strategic Culture of China and India: A Perspective for the United States. Carlisle: Strategic Studies Institute. 2009. P. 4.
8. *Scobell A.* Cult of Defence and Great Power Dreams: The Influence of Strategic Culture in China's Relationship with India. London: Strategic Studies Institute, 2012. November. P. 332.
9. *Zang Tiejun.* Zhongguo zhanlüe de wenhua [Культура китайской стратегии] // Bijiao zhanlüe zazhi. Shanghai, 2012. P. 87–88.
10. *Кодзима Томоюси.* Хигаси Адзиа кёдотай [Восточноазиатское сообщество] // Адзиа кэнкю. 2011. Vol. 51, №.2, Апрель. С. 16.
11. *Урата Сюдзиро.* Гуробару кинью кики но дзики ни окэру хогосэйсаку [Протекционизм в период глобального финансового кризиса] // Гуробару Адзиа. Vol. 4, No. 3. 2009. С.76–81.
12. *Харада Ясуо.* Тюгоку то Индия: Нихон но канона сэнтаку [Китай и Индия: возможный выбор Японии]. Токио: Мэйдзи дайгаку сьуппансё, 2012. С. 82.
13. *Li Baozhong.* Chonguo-Indu zai de duihua [Китайско-индийский диалог]. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 2012. P. 125.
14. A Transformed World / National Intelligence Council. Washington DC., 2012. Nov. P. 41.
15. *Townshed A.* Sino-Indian Mistrust in Asia. Sydney: The Lowy Institute. 2012. P. 24.
16. *Weitz R.* Meeting the Asian Challenge // Journal of Strategic Studies. Washington DC. 2012. No. 3. P. 20.

Государство и общество

Изменение политики «одна семья — один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты

О. Почагина

В статье анализируется комплекс политических, экономических и социальных причин, обусловивших необходимость корректировки в Китае курса «одна семья — один ребенок». Изменение политики планирования семьи имеет своей целью улучшение половой и возрастной структуры населения, реализует рекомендации демографов, социологов, отвечает ожиданиям населения, способствует росту внутреннего потребления, улучшению имиджа страны на международной арене.

Ключевые слова: Китай, семья, население, ограничение рождаемости, старение, половой дисбаланс.

Политика планирования семьи в Китае

С 70-х годов XX в. Китай добился значительных успехов в реализации политики планирования семьи. По мнению китайских демографов и экспертов ООН, руководству КНР удалось осуществить сбалансированное развитие самой многонаселенной страны мира, снизить темпы прироста населения, предотвратив увеличение его численности на 400 млн человек, улучшить качество населения, значительно повысить уровень жизни граждан, ослабить проблему дефицита ресурсов, снизить степень демографического давления на окружающую среду, что, в конечном итоге, создало благоприятные условия для быстрого экономического роста в пореформенные десятилетия.

В КНР в сжатые исторические сроки — менее чем за 40 лет, — в результате эффективного контроля над рождаемостью произошел ускоренный демографический переход от традиционной модели воспроизводства населения с высокой рождаемостью и смертностью к современной модели, характеризующейся низкой рождаемостью и смертностью, низким приростом населения, трансформацией возрастной структуры населения в пользу старших возрастных групп и постепенным сокращением доли трудоспособного населения.

В течение последних лет среди научного экспертного сообщества и в средствах массовой информации Китая, велись многочисленные бурные дискуссии относительно необходимости и целесообразности пересмотра политики «одна семья — один ребенок», а также возможных последствий для развития страны отмены жесткого регулирования рождаемости. Особую озабоченность высказывали экономисты и демографы.

Следует отметить, что политика «одна семья — один ребенок», выдвинутая ЦК КПК в сентябре 1980 г., проводится в КНР в значительной мере дифференцированно, поскольку конкретные условия планирования семьи определяются на провинциальном уровне в соответствии с местной экономической и демографической ситуацией. Супружеские пары, соответствующие критериям, определенным местными властями, вправе иметь двух детей. Так, еще в 1987 г. 11 уездных городов и районов КНР стали пилотными территориями, где семьям было разрешено иметь второго ребенка¹. Крестьянские семьи в случае, если их первенцы — девочки, или испытывающие трудности из-за нехватки рабочих рук, могут ходатайствовать в установленном порядке о получении права на рождение второго ребенка с соблюдением определенного интервала после рождения первенца. В городах супруги, являющиеся единственными детьми в семьях своих родителей, тоже могут иметь двух детей. В районах проживания национальных меньшинств при планировании семьи придерживаются особых установок, которые зависят от численности титульной национальности, наличия местных ресурсов, состояния экономики, культурных традиций и народных обычаев. Семьи могут иметь двух детей, а в отдельных районах, например, в Тибетском автономном районе — трех, орочоны, живущие в провинции Хэйлуцзян — трех, четырех². Для малочисленных нацменьшинств ограничения в сфере рождаемости не устанавливаются.

Ожидания, что в Китае в очередной раз может быть смягчена демографическая политика, появились в конце 2012 г. Исследовательский центр по вопросам развития при Госсовете КНР обнародовал проект доклада, в котором обосновывался отказ от дальнейшего проведения политики «одна семья — один ребенок» и давались рекомендации по ее корректировке в соответствии с изменившейся демографической ситуацией — в Китае в 2012 г. впервые за последние десятилетия было зафиксировано сокращение трудоспособного населения.

На 1-й сессии ВСНП 12-го созыва в марте 2013 г. в докладе о работе правительства традиционно подчеркивалась необходимость проведения политики ограничения рождаемости, однако появилась новая формулировка — «демографическая политика будет постепенно совершенствоваться в соответствии с тенденцией изменения общей численности и структуры населения страны». Была отмечена необходимость «решать проблемы его (населения) количества, качества, структуры и размещения в интересах долгосрочно и равномерного демографического развития»³.

3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва, состоявшийся 9–12 ноября 2013 г., принял «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», согласно которому Китай будет продолжать придерживаться основ национальной политики в сфере планирования рождаемости, разрешив супругам, один из которых является единственным ребенком в семье своих родителей, иметь двух детей.

Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) поддержал либерализацию демографической политики. Госсовет КНР в декабре 2013 г. предложил провинциальным собраниям народных представителей (СНП) внести изменения в местные нормативные акты, регулирующие рождаемость, опираясь на анализ местной демографической ситуации и прогнозы ее развития после корректировки. С конца 2013 г. СНП начали законодательную работу по данному вопросу.

5–13 марта 2014 г. состоялась 2-я сессия ВСНП 12-го созыва, на которой был утвержден государственный бюджет и принят план социально-экономического развития КНР на 2014 г. Расходы на здравоохранение и планирование семьи в 2014 г. вырастут на 15,1%, а на социальное обеспечение и занятость — на 9,8%. Изменения в демографической политике страны изложены в Докладе о выполнении плана экономического и социального развития за 2013 г. и проекте плана на 2014 г. в следующей редакции: «Стимулировать реализацию политики, позволяющей супругам, один из которых единственный ребенок в семье, иметь двоих детей, расширять возможности предоставления демогра-

фических услуг и услуг в области планового деторождения. Надлежащим образом реализовать основные положения государственных программ развития по проблемам женщин и детей и развития детей в бедных районах». Естественный прирост населения планируется удерживать в пределах 6,5‰⁴.

Государственный совет КНР рассчитывает, что после принятия этого законопроекта на провинциальном уровне произойдут позитивные изменения в планировании семьи. Ожидается, что демографическая политика будет реализовываться местными властями посредством просветительской работы, пропаганды среди населения современных взглядов на брак, семью и рождение детей, а также активизации борьбы с нарушениями действующего в КНР с 2006 г. запрета на определение пола будущего ребенка, взыскания социальных компенсаций за нарушение установок политики ограничения рождаемости. Кроме того, планируется усилить требования к работе органов, ответственных за планирование семьи на местах.

На заседании Политбюро ЦК КПК 24 февраля 2014 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, заявил, что успехи Китая в 2013 г. превзошли ожидания, несмотря на то количество трудностей, с которыми стране пришлось столкнуться. Развитие Китая все еще сталкивается со сложными ситуациями, «чреватыми одновременно и возможностями, и препятствиями». Си Цзиньпин видит основные задачи КПК в достижении прогресса при сохранении стабильности и поступательном повышении уровня жизни населения. Старение населения, подъем жизненных стандартов, стремление властей не допускать увеличения разрыва в уровнях жизни различных социальных групп города и деревни, а также забота об активизации внутреннего потребления закономерно ведут к росту обязательств государства.

Необходимость продолжения политики ограничения рождаемости в КНР связана как с бюджетными расходами, так и с ограниченными природными ресурсами, ухудшающейся экологической обстановкой, задачей дальнейшего повышения уровня жизни населения, однако потребность в корректировке политики «одна семья — один ребенок» стала очевидна. Предложенный руководством КНР курс на смягчение этой политики обусловлен в значительной степени экономическими, социальными и политическими причинами.

Планирование государством семьи на протяжении 40 лет явилось одним из основных факторов формирования диспропорций в возрастной и половой структуре населения (51,3% мужчин и 48,7% женщин, численность мужчин на 35 млн превышает численность женщин; 14,8% населения старше 60 лет), сокращения группы населения трудоспособного возраста (15–59 лет), сокращения средних размеров китайской семьи до 3,1 человека (2010 г.), значительных изменений структуры и функций этого социального института. Перечисленные последствия породили комплекс взаимосвязанных социальных проблем, являющихся серьезными вызовами социальной стабильности и безопасности Китая.

Сокращение трудоспособного населения и проблема обеспечения стареющего населения

В 2012 г. Государственное статистическое управление Китая объявило о первом за «значительный промежуток времени» абсолютном уменьшении доли трудоспособного населения в возрасте 15–59 лет на 3,45 млн человек — до 937 млн. В 2013 г. эта группа населения сократилась еще на 2,44 млн до 919,54 млн, составив 67,6% общей численности населения страны, что на 1,6% меньше, чем в 2012 г. Снижение превратилось в тенденцию, которая не могла не вызывать беспокойства властей. Согласно прогнозам Исследовательского центра по вопросам развития при Госсовете КНР, к концу этого десятилетия численности указанной демографической группы уменьшится на 29 млн, что может негативным образом сказаться на развитии и конкурентоспособности китайской экономики⁵.

Помимо этой тревожной тенденции, наблюдается и постоянный рост группы населения старше 60 лет. В 2013 г. доля этой группы составляла 14,9% от общей численности населения (202,4 млн человек), а старше 65 лет — 9,7%. В настоящее время в Китае 36 млн стариков нуждаются в лечении и специальном стационарном и нестационарном уходе. Стремительно стареющее общество ожидает от государства создания сферы специализированных услуг, ориентированных на специфические потребности этой возрастной группы, разработку и внедрение новых технологий социальной поддержки. Старение влияет на уровень жизни пожилых людей, что ведет к увеличению доли малообеспеченных слоев и негативно сказывается на внутреннем потреблении. Резкое снижение уровня жизни после 60 лет связано с падением доходов, обусловленным пенсионным статусом. В 2013 г. в Китае из 202 млн пожилых людей пенсии на регулярной основе получали, по официальным данным, около 135 млн. Таким образом, 67 млн стариков пока могут положиться исключительно на себя, своих детей и родственников.

Доля старших возрастных групп в Китае, по прогнозам, может вырасти к 2030 г. до 17,4% и к 2050 г. до 29,3%, а доля молодых — уменьшиться к 2030 г. до 10,8% и в 2050 г. до 9,1%. Это означает, что в структуре населения значительно вырастет количество неработающих граждан, содержание которых потребует значительного увеличения бюджетных расходов на социальное обеспечение.

Государство уже сейчас начинает предпринимать меры, упреждающие и регулирующие этот процесс. Так, в июле 2013 г. вступили в силу поправки к закону КНР «О защите прав и интересов пожилых людей», обязывающие взрослых детей, живущих отдельно, заботиться о духовных нуждах своих родителей, регулярно посещать и опекать их, а также поддерживать материально. Более того, работодатели теперь обязаны предоставлять своим работникам в случае необходимости отпуск по уходу за пожилыми родственниками.

В нынешних условиях каждый единственный ребенок в китайской семье все еще вынужден поддерживать своих родителей и две пары бабушек и дедушек по отцовской и материнской линиям, что объективно является непомерным бременем для индивида, выстраивающего собственные жизненную и брачную стратегии в непростых экономических условиях. Законодательное закрепление обязательств взрослых детей перед родителями свидетельствует об актуальности проблем материального обеспечения и морально-психологической поддержки престарелых граждан. Материалы о неуважительном и жестоком обращении с пожилыми родственниками, о брошенных на произвол судьбы стариках постоянно обсуждаются китайскими СМИ.

Государство намерено обеспечивать пожилым людям базовый прожиточный минимум за счет системы базового пенсионного страхования, а также корректировать уровень социального обеспечения, предоставляемого пожилым людям, исходя из уровня экономического развития, роста средней заработной платы рабочих и служащих и роста потребительских цен. Особое внимание будет уделяться пожилым семьям, соблюдавшим правила планирования рождаемости, а также семьям, потерявшим своего единственного ребенка. В недалеком будущем в КНР будет насчитываться около 10 млн семей, потерявших единственных детей, сейчас их более миллиона⁶.

Планируется развернуть долгосрочную программу по обеспечению пожилых людей патронажным уходом, стимулировать жилищное строительство с учетом их потребностей в целях создания безопасных и удобных условий для жизни. По состоянию на конец 2012 г. в КНР насчитывалось в общей сложности 12 тыс. квартальных центров по комплексному обслуживанию пожилых людей, 44 тыс. учреждений по уходу за пожилыми с 4,17 млн койко-местами. В 2013–2015 гг. количество койко-мест в китайских домах престарелых должно увеличиться еще на 3,4 млн⁷. Для реализации этих планов социальные организации могут получить дополнительные налоговые льготы и государственные субсидии, а иностранные инвесторы — благоприятные условия инвестирования, что очень важно⁸.

Власти, смягчая политику ограничения рождаемости, рассматривают второго ребенка как актив, который в будущем обеспечит не только устойчивость пенсионной системы, но и социальную стабильность. Ставка на семью как основу решения проблем старших возрастных групп, надежды КПК на возрождение традиционной семейной этики не дали и принципе не могут дать ожидаемых руководством результатов. Институт семьи, его структура и функции, морально-нравственные стандарты китайского общества, ранее опиравшиеся на конфуцианский культ почитания предков и старших, за годы реформ претерпели серьезные изменения. В условиях политики ограничения рождаемости традиционная форма семьи, столкнувшись с вызовами урбанизации и модернизации, утрачивает свои позиции. Существенно изменились взгляды на семью и брак — новые поколения откладывают вступление в брак, сориентированы на однодетную семью, более того, ежегодно увеличивается количество людей, которые выбирают безбрачие, распространяются сожительство без заключения брака, сознательный отказ от рождения детей и др. Налицо трансформация семейной морали, размывание межпоколенной семейной сплоченности и солидарности, расширение индивидуальной свободы и усиление внесемейных ценностных ориентаций молодых поколений, рожденных в 80-е годы XX в. и позже, сфокусированность на личных достижениях, что закономерно снижает ценность семьи и потребность в детях.

Говоря о решении проблемы старения населения в Китае, необходимо подчеркнуть, что значительная часть исследований и дискуссий по этому вопросу сосредоточена на материальных аспектах, с которыми сталкиваются пожилые люди — уровень и справедливость пенсий, стоимость и доступность медицинских и патронажных услуг, финансовая поддержка, которая должна быть предоставлена им государством и взрослыми детьми. Гораздо меньше внимания уделяется невысокому качеству их жизни, проблеме эмоциональной и социальной помощи, с которыми сталкиваются представители старших возрастных групп. Дело в том, что структура и функции семьи кардинальным образом изменились в течение жизни двух поколений, слабеет и трансформируется традиция уважения пожилых людей, сокращается общение, ежегодно растет количество так называемых «пустых гнезд». Согласно результатам исследования, которое велось в 2000–2010 гг., доля одиноких стариков, живущих в семьях типа «пустое гнездо» (парой или в одиночестве) в городах выросла с 42% до 54%, а в сельских районах с 37,9% до 45,6%⁹. Из-за урбанизации, миграции, модернизации и политики планирования семьи китайское общество сегодня сталкивается с теми же задачами, которые в Европе решаются уже полвека.

Проблему качественной и благополучной жизни старших возрастных групп необходимо решать комплексно. Традиционную для Китая семейную систему ухода за престарелыми со временем должна заменить социальная система страхования по старости, дополненная семейным уходом и услугами, оказываемыми по месту жительства и осуществляемыми на благотворительной и коммерческой основе. Создание именно такой новационной модели и в интересах населения, и в интересах государства, поскольку она отвечает запросам пожилых людей и способствует сохранению социальной стабильности и созданию действительно гармоничного общества.

Большинство органов местного самоуправления в Китае еще до конца не осознали, что уход за пожилыми людьми превращается в серьезную проблему, требующую особого внимания и значительного финансирования. Социальная помощь обходится дорого, поэтому целевое финансирование имеет большое значение для разработки программ профессиональной подготовки персонала, занятого в сфере социального ухода, стимулирования развития НПО и общественных организаций и ассигнований на жилье для пожилых людей. Китайское руководство может решать эти проблемы путем выделения средств на конкретные проекты, формирования системы патронажного ухода за престарелыми, способствовать развитию НПО, благотворительных и общественных организаций, которые успешно функционируют в данной сфере в других странах. В 2013 г. в КНР

началось движение в этом направлении — были приняты законы «О благотворительности» и «О социальной помощи».

К 2020 г. Китай планирует создать единую, справедливую и регулируемую пенсионно-страховую систему. В начале 2014 г. Госсовет КНР обнародовал решение об интеграции сельских и городских пенсий с целью унификации различных вариантов пенсионных систем в стране. Единой пенсионной системой будут охвачены все граждане КНР старше 16 лет. На минимальные пенсионные выплаты смогут рассчитывать даже те, кто никогда не работал; в настоящее время необходим 15-летний трудовой стаж. Будут учтены и интересы трудовых мигрантов. Особенно важно, что новая система в перспективе облегчит финансовое бремя взрослых детей по уходу за престарелыми родителями, поскольку по измененным правилам пенсию станут получать многие сельские жители, которые раньше не могли на нее рассчитывать¹⁰.

В условиях снижения темпов экономического развития обеспечение стареющего населения, создание этой социальной группе достойных условий жизни — задача чрезвычайно сложная, требующая значительного бюджетного финансирования и постоянного жесткого контроля со стороны государства. Нагрузки на трудоспособное население и на государственную систему пенсионного и социального страхования будут неизбежно возрастать как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Семейно-брачные стратегии, дисбаланс полов и норма сбережения

В Докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва (5–13 марта 2014 г.) о выполнении плана экономического и социального развития за 2013 г. и проекте плана на 2014 г. увеличение внутреннего потребления как одной из движущих сил поступательного развития экономики и дальнейшее повышение уровня жизни населения определены в качестве важнейшего направления работы правительства.

В этом контексте предпринятую корректировку политики ограничения рождаемости можно рассматривать как один из компонентов механизма государственного регулирования соотношения «сбережение—потребление». Потребление домашних хозяйств в КНР составляет лишь одну треть от ВВП по сравнению с двумя третями в экономиках других стран. Доля сбережений в 2000-х гг. в доходах китайских семей удвоилась по сравнению с предыдущим десятилетием — с 16% до 30%¹¹. Высокая норма накоплений в китайских семьях, с одной стороны, обусловлена: 1) традиционной бережливостью китайцев, наученных веками лишениями; 2) стремлением молодых семей откладывать деньги на рождение и воспитание, а позже на обучение и свадьбу единственного ребенка; 3) привычкой семей старшей возрастной группы сберегать деньги на тот период, когда потребуется патронажный уход и значительно возрастут расходы на медицинские услуги и лекарства, а с другой, является жизненной необходимостью в условиях дисбаланса полов в пользу мужчин и ограниченности государственной пенсионной системы.

Индивидуальные сбережения составляют до 1/3 семейных бюджетов. Семьи, воспитывающие единственных сыновей, в последние годы стали сберегать средства в гораздо больших объемах, чем раньше. Они справедливо полагают, что деньги помогут повысить конкурентоспособность их потомков на рынке труда, посредством хорошего образования и на брачном рынке посредством высокого материального статуса (квартира, машина, высокооплачиваемая работа), а значит, впоследствии их «вложения» повлияют на возможность выросших сыновей материально помогать своим постаревшим родителям.

Таким образом, семьи делают сознательный выбор между потреблением сегодня, ограничивая его, и увеличением потребления на конкретные цели в будущем, создавая своего рода стабилизационный семейный фонд, который на данном этапе и хочет действовать государство. Частичная либерализация политики ограничения рождаемости должна сыграть свою роль в ориентации китайской экономики на внутреннее потребление.

ние, стимулируя рост рынков жилья, медицинских и образовательных услуг, производство детских товаров, развитие свадебной индустрии. Одновременный рост доходов населения также будет способствовать увеличению потребления. В докладе Государственного комитета КНР по развитию и реформе о выполнении плана экономического и социального развития за 2013 г. отмечено, что рост доходов населения в 2013 г. повлек за собой рост розничных продаж на 13,4%, а потребительская инфляция составила лишь 2,6%, что ниже прогнозов¹².

Расширение внутреннего потребления при параллельном снижении уровня имущественной дифференциации может стать амортизатором растущего в Китае социального недовольства, поскольку существует взаимосвязь между низким уровнем потребления и значительным разрывом в доходах между городскими и сельскими жителями, а также между политической элитой и другими социальными группами населения.

Шаг к воплощению «китайской мечты» и построению гармоничного общества

Совершенствование демографической политики наряду с борьбой с коррупцией, защитой окружающей среды, урбанизацией, улучшением стиля работы, экономической реформой является, по замыслу китайского руководства пятого поколения, одним из шагов к воплощению «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации и построению гармоничного общества.

«Китайская мечта» — это, в конце концов, мечта народа, для реализации которой необходимо прочно опираться на народ, она должна непрерывно нести счастье народу... Мы должны обеспечить народ правами на равное участие и развитие, защитить социальное равноправие и справедливость, продолжать добиваться новых сдвигов в деле обеспечения образования для учеников, доходов для трудящихся, медицинского обслуживания для больных, ухода для престарелых и жилья для населения», — заявил председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с речью на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва¹³.

Российские и западные СМИ, комментируя итоги 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, особо отметили решения, затрагивающие права человека в Китае: смягчение политики ограничения рождаемости и изменения в уголовно-исполнительной системе — ликвидация «лагерей трудового перевоспитания», ограничение применения смертной казни, а также постепенное снятие ограничений на внутреннюю миграцию и реформа системы регистрации. Таким образом, имеет место частичный или полный отказ от ряда непопулярных как в Китае, так и за его пределами практик.

Политика ограничения рождаемости (нарушение репродуктивных прав женщин и свобода выбора при приеме решения о рождении ребенка, принудительные аборты, стерилизация как мероприятия в рамках политики «одна семья — один ребенок»), трудовые лагеря, система регистрации, смертная казнь являлись в течение многих лет объектами постоянной жесткой критики китайского руководства со стороны Запада и международных правозащитных организаций. Пересмотр позиций по этим вопросам призван продемонстрировать большую открытость и совершенствование подходов китайского руководства пятого поколения к правам человека в Китае.

Согласно п. 223 Пекинской платформы действий 4-й Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по положению женщин (1995 г.) и другим, признаваемым КНР, международным документам по правам человека, одним из основных репродуктивных прав человека является право на свободу репродуктивного выбора. Оно подразумевает возможность всех супружеских пар и отдельных лиц исключительно по собственному волеизъявлению, без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами¹⁴.

Однако необходимо помнить о том, что и в системе конфуцианских ценностей, и в идеологии социализма с китайской спецификой интересы общества и государства всегда стоят выше прав отдельной личности, а население, призвано уделять приоритетное внимание таким ценностям как семья, родина, работа, коллективные нужды. Государство, в свою очередь, обязано стоять на страже интересов народа.

Демографическая политика рассматривается КПК как ключ к быстрому росту благосостояния и повышению уровня жизни населения. Реализуется курс на последовательное совершенствование политики планирования семьи в целях «содействия долгосрочному и сбалансированному развитию населения». Такая установка полностью соответствует Конституции КНР и интересам большинства. «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем, чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития» (ст. 25).

Либерализации в сфере прав человека

Наряду с быстрым развитием экономики Китай уделяет внимание развитию прав человека, которые должны, согласно позиции властей, включать показатели уровня жизни, состояния здоровья и экономического процветания. В своих выступлениях во время зарубежных визитов и встреч с западными политиками Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что уважение и защита прав человека стали важными принципами управления страной, а положение в области обеспечения базовых свобод и прав граждан в последние годы значительно улучшилось. Безусловно, в Китае существует еще множество проблем в этой области, однако КНР признает их наличие и готова принимать любую критику и предложения, которые действительно, а не на словах, будут способствовать развитию прав человека.

Китайское руководство не может игнорировать формирования в обществе группы населения, для которой важны права личности, в первую очередь, в сфере личной и семейной жизни, включая право принятия решения о количестве детей в семье и отказ от выплат из семейного бюджета значительной социальной компенсации за несоблюдение ограничений при планировании семьи¹⁵. Эта группа условно может быть определена как средний класс. Она отличается быстро растущими социальными ожиданиями и требованиями, включая уважение своих прав, в том числе и репродуктивных. Когда люди достигают определенного уровня благосостояния, они начинают задумываться о своих правах, у бедных такой возможности нет, поскольку они ежедневно решают проблему выживания.

Политика открытости и превращение Китая во вторую по величине экономику мира определенно способствуют либерализации в сфере прав человека. Руководство, решая назревшие социальные проблемы, начинает поэтапно и постепенно снимать старые политические запреты, делать ставку на формирующийся средний класс и его ожидания и жизненные интересы. Именно образованные люди со средним уровнем доходов являются основными потребителями. Уже в конце 2011 г. на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики была поставлена задача «увеличения доли жителей со средним уровнем доходов». В соответствии с комбинированными стандартами доходов, количество людей со средним достатком в Китае в то время составляло 240 млн человек, т.е. примерно 23% населения стран, а в 2000 г. к этой категории относились лишь 4% семей¹⁶.

Аналитики международной консалтинговой компании McKinsey полагают, что к 2022 г. зарплаты 76% городских семей в Китае выйдут на уровень среднего класса, 35% от общего объема потребления в Китае придется на поколения, родившиеся в 1980-е гг. и позже. Сфера услуг и потребительский рынок будут сориентированы в основном на их индивидуальные и семейные запросы. Подчеркнем, что именно в их семьях, в соответствии с новыми демографическими установками, должны появиться вторые дети¹⁷.

Дисбаланс полов: проблемы и попытки их решения

Корректировка политики «одна семья — один ребенок» проводится с некоторым запозданием, это признают и китайские эксперты. За последние 30 лет в КНР в половой структуре населения сформировался значительный дисбаланс в пользу мужчин. По данным на конец 2013 г. численность мужчин почти на 34 млн превышала численность женщин — 697,28 млн и 663,44 млн соответственно¹⁸.

Диспропорция в соотношении полов формирует и подпитывает негативные социальные явления — способствует росту рынка сексуальных услуг, торговле женщинами и детьми, росту гомосексуального сообщества, распространению СПИДа. Этот демографический перекокс наносит серьезный ущерб психологическому здоровью молодых мужчин, обрекает их на поиск невест в сопредельных государствах, порождает неуверенность, стрессы и суицидные настроения, рост преступлений на сексуальной почве. В китайском обществе сформировалась значительная по численности группа бессемейных молодых мужчин, которые по объективным причинам имеют ограниченные возможности удовлетворения своих сексуальных потребностей, а также не могут удовлетворить базовые потребности личности в любви и принадлежности, как правило, утоляемые в семье. Повышение уровня жизни обостряет потребность в любви, привязанности, принадлежности, резче ощущается одиночество и отверженность. Невозможность удовлетворить потребность в любви и принадлежности к семье, как правило, приводит к дезадаптации, агрессивности и непредсказуемости социального поведения. Все перечисленные тенденции создают условия для социальной дестабилизации и представляют определенную угрозу социальной безопасности. Следует отметить, что руководство КПК осознает остроту перечисленных социальных проблем и весь спектр связанных с ними рисков, предпринимает шаги по их постоянному мониторингу и решению.

В феврале 2014 г. в Китае началась очередная общенациональная кампания по борьбе с проституцией, осуществляемая при поддержке средств массовой информации, в том числе Центрального китайского телевидения (ССТV). Согласно постановлению Министерства общественной безопасности КНР, по всей стране проводятся рейды, направленные на выявление преступлений, связанных с организацией публичных домов, подпольных казино и наркопритонов. Так, по сообщению Министерства общественной безопасности провинции Гуандун, правоохранные органы обезвредили 62 преступные группировки, задействованные в организации проституции, и арестовали 865 подозреваемых¹⁹. Кроме того, активная борьба с проституцией и порнографией должна, по мнению властей, способствовать возрождению моральных ценностей китайского народа.

Торговля детьми, несмотря на все предпринимаемые правоохранными органами КНР усилия, к сожалению, имеет тенденцию к росту. Ежегодно, по данным газеты «South China Morning Post», в Китае пропадает около 200 тыс. детей, как правило, это новорожденные или дети до двух лет, чаще мальчики, именно они пользуются особым спросом у покупателей. В конце 2013 г. в 27 провинциях КНР полицией была проведена совместная операция и ликвидированы четыре крупные группировки торговцев детьми через интернет посредством сайтов по усыновлению и даже онлайн магазинов. Арестовано 1094 человека, освобождены 382 ребенка, находившихся у преступников²⁰.

Китайское правительство в 2012 г. приняло «Программу действий Китая по сдерживанию и профилактике СПИДа в период 12-й пятилетки», в которой определены меры по предотвращению быстрых темпов распространения ВИЧ-инфекции, снижению смертности от СПИДа, ликвидации дискриминации в отношении людей, инфицированных СПИДом, и повышению качества их жизни. Согласно программе, к концу 2015 г. общее число ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом планируется сдерживать на уровне 1,2 млн человек²¹.

Ожидаемые результаты смягчения политики ограничения рождаемости

Предпринятая корректировка демографических установок не вызовет резкого всплеска, а сохранит рождаемость в Китае на стабильном уровне, считают китайские эксперты. Для обеспечения сбалансированного социально-экономического развития численность населения Китая необходимо поддерживать на уровне 1,5 млрд человек, а коэффициент рождаемости на уровне 1,8. В последнее десятилетие коэффициент колебался между 1,5 и 1,6, что и позволяет властям проявлять определенную гибкость в политике ограничения рождаемости (для сохранения стабильной численности населения СКР должен находиться на уровне 2,1)²². Тем не менее, смягчение политики «одна семья — один ребенок» увеличит ежегодный прирост населения, по прогнозам китайских демографов, на 1–2 млн человек. В 2013 г. в Китае родилось 16,4 млн детей, прирост населения составил 6,68 млн человек.²³

Это мнение китайских экспертов имеет, как нам кажется, веские основания. Новые демографические установки коснутся примерно 15–20 млн китайских семей²⁴. Часть супружеских пар, желавших иметь второго ребенка, уже его имеет, заплатив социальную компенсацию или выехав рожать за рубеж. Многие из потенциальных родителей не решатся на этот шаг из-за отсутствия финансовых возможностей. Родить и вырастить одного ребенка стоит в среднем более 500 тыс. юаней (80 тыс. долл. США), а в Шанхае и Пекине более 2 млн юаней. Китайский интернет-портал Sina провел опрос пользователей практически сразу же после окончания 3-го пленума: 37% пар, которым по новым правилам разрешено иметь второго ребенка, заявили, что не готовы к его появлению по экономическим причинам. Так, например, обычная шанхайская семья ежемесячно тратит на оплату пребывания ребенка в детском саду 3 тыс. юаней (480 \$), на дошкольное образование — занятия английским языком, живописью или музыкой — 2 тыс. юаней. Расходы на воспитание детей составляют около 50% от общего дохода семьи. В 2013 г. среднедушевые доходы городского населения Китая составили 26955 юаней (4350 долл. США), сельского — 8896 юаней (1400 долл. США)²⁵.

Кроме того, необходимо отметить и другие факторы, которые имеют сдерживающее влияние на рост населения КНР даже в условиях смягчения политики планирования семьи.

За последние 40 лет, особенно в пореформенные годы, произошли необратимые изменения в менталитете и ценностных ориентациях новых поколений китайцев. Сформирована иная посттрадиционная модель семьи и семейных отношений с установкой на поздний брак и однодетность. Значительное количество молодых семейных пар делает сознательный выбор в пользу бездетности. Такие семьи китайские социологи называют специальным термином «DINK» — «двойной доход без детей», что отражает жизненную позицию супругов. Мотивации такого выбора связаны как с нежеланием нести ответственность, эгоцентризмом и гедонистическими ценностями поколения «маленьких императоров», так и с экономическими соображениями.

В КНР насчитывается около 180 млн одиноких мужчин и женщин. Каждая пятая китайка в возрасте 25–29 лет незамужем и не планирует вступление в брак и рождение детей²⁶. ЛГБТ-сообщество (гей-сообщество) в КНР насчитывает около 30 млн гомосексуалистов. Распространение гей-культуры обусловлено половой диспропорцией в структуре населения в пользу мужчин. Политика ограничения рождаемости способствовала культивированию традиционного приоритета потомка мужского пола, что сказалось на широком распространении практики избирательных абортов. В 2012 г. соотношение между новорожденными мальчиками и девочками составляло 117,7:100, в 2013 г. — 117,6:100. У 20 млн мужчин брачного возраст нет возможности создать семью из-за от-

сутствия женщин. По данным Китайской академии общественных наук, к 2020 г. в Китае будет уже около 40 млн «лишних» мужчин²⁷.

По разным данным, от 10% до 15% китайцев репродуктивного возраста страдают бесплодием²⁸, они не могут иметь детей по причине позднего вступления в брак, многократных аборт, злоупотребления лекарственными контрацептивными препаратами и неблагоприятных экологических условий, влияющих на качество половых клеток. В структуре населения имеется значительная группа с ограниченными репродуктивными возможностями — в Китае ежегодно рождается около 900 тыс. детей с врожденными дефектами²⁹.

На репродуктивные установки молодежи негативно влияет и дестабилизация института брака. С 2000 по 2012 гг. ежегодный рост разводов составил 7,5%, в то время как темпы роста количества заключаемых браков составили лишь 3,6%³⁰. Самый высокий коэффициент разводов фиксируется среди возрастной группы от 22 до 35 лет, наиболее перспективной с точки зрения репродукции.

Несмотря на смягчение политики планирования семьи в КНР усиливается контроль за реализацией основ национальной политики в сфере ограничения рождаемости с учетом конкретной демографической ситуации на местном уровне, с целью предотвращения неконтролируемого роста населения.

В результате появления в китайских семьях вторых детей численность трудоспособного населения страны стабилизируется, а затем в среднесрочной перспективе и увеличится. По мнению профессора Института экономики труда при Пекинском университете экономики Тун Юйфэня, под влиянием смягчения установок ограничения рождаемости общая численность трудоспособного населения увеличится на 28 млн, а к 2050 г. масштаб сокращения рабочей силы снизится на 3% по сравнению с ситуацией, если бы демографическая политика не была скорректирована.

Кроме того, в ходе 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва было принято решение об «изучении вопроса и постепенном увеличении пенсионного возраста». По мнению китайских экспертов, комплексный анализ факторов социально-экономического развития, в первую очередь спроса и предложения рабочей силы, а также темпов старения общества, постепенное увеличение пенсионного возраста будет, с одной стороны, способствовать стабилизации численности трудоспособного населения, а с другой, не окажет негативно-го влияния на ситуацию с трудоустройством³¹.

В результате совершенствования политики планирования семьи ожидается замедление темпов старения и улучшение возрастной структуры населения. Профессор Нанькайского университета Юань Синь отметил, что уже к 2030 г. по прогнозам специалистов, доля людей старше 60 лет снизится с 24,1% до 23,8%.³²

Выводы

На фоне нарастающих негативных тенденций в структуре населения Китая смягчение политики «одна семья — один ребенок» научно обоснованно, более чем своевременно и жизненно необходимо. В результате реализации новых установок в планировании семьи в среднесрочной и долгосрочной перспективе стабилизируется численность работоспособного населения, замедлятся темпы старения, улучшится возрастная и половая структура населения Китая.

Некоторое запаздывание в поэтапной корректировке политики ограничения и планирования рождаемости привело к ситуации, когда вероятность выравнивания демографических перекосов в краткосрочной перспективе кажется весьма сомнительной. Однако китайские эксперты полагают, что значение проведенной корректировки демографического курса для «долгосрочного, сбалансированного развития населения в Китае» можно будет оценить уже в ближайшие 15 лет.

Анализ статей расходов бюджета КНР на 2014 г. свидетельствует о том, что руководство страны пытается удовлетворить растущие ожидания населения в сфере социальных услуг, здравоохранения и планирования семьи.

Корректировка политики планирования семьи сыграет положительную роль в ориентации китайской экономики на внутреннее потребление, создаст объективные основания для снижения традиционно высокой в ней нормы сбережений и активизации внутреннего спроса, стимулирует рост рынков товаров и услуг. Все это окажет позитивное влияние на китайскую экономику, придаст в долгосрочной перспективе новый импульс ее росту.

Прирост населения и рождаемость в КНР, вероятнее всего, сохранятся на стабильном уровне из-за незначительного количества семей, попавших в категорию, которой разрешено иметь двух детей. Кроме того, сдерживающие влияние будут оказывать экономический фактор, бесплодие, половой дисбаланс и усиление контроля над рождаемостью на местах. Малодетность является закономерным результатом индустриализации и урбанизации китайского общества и тесно связана с изменением жизненной концепции, повышением уровня жизни и образования населения КНР.

Стратегия углубления реформ и «10 политических установок», имеющих прямое отношение к качеству жизни китайцев, совершенствование демографической политики демонстрируют способность и решимость власти решать накопившиеся за время реформ социальные проблемы, способствуют на данном этапе росту политического капитала нового руководства КНР, отвечают ожиданиям общества, реализуют рекомендации демографов и социологов, улучшают имидж страны на международной арене, демонстрируя тенденцию к гуманизации, либерализации и учету прав личности.

Китайский опыт планирования семьи и решения проблемы старения населения, его социального обеспечения и медицинского обслуживания является важным вкладом в развитие демографической ситуации в мире, представляет практический интерес для руководства как многонаселенных развивающихся государств, так и для России, где проблема повышения качества жизни пожилых людей не утрачивает своей актуальности.

Социально-экономическое развитие такой многонаселенной страны как КНР может порождать новые труднопрогнозируемые на данном этапе проблемы и противоречия, именно поэтому демографическая ситуация и связанные с ней острые социальные проблемы, успехи и неудачи китайского руководства в их решении требуют постоянного мониторинга и научного анализа.

1. Политика планирования семьи в Китае за последние 40 лет. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8459995.html>.
2. Новая жизнь нацменьшинств в Китае. URL: <http://russian.cri.cn/841/2010/03/17/1s329840.htm>.
3. Китай готов продолжать проводить нынешнюю государственную политику планового деторождения. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8157880.html>.
4. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2013 год и проекте плана на 2014 год. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8566549.html>.
5. Xinhua Insight: Combining population and economic policy to push development. URL: <http://english.people.com.cn/90785/8166280.html>.
6. Мнение демографа: в Китае будет насчитываться около 10 млн. семей, потерявших единственных детей. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8427399.html>.
7. В Китае работают 44 тыс. учреждений по уходу за пожилыми с 4,17 млн койко-местами. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8311072.html>.
8. Последнее заседание ПК ВСНП в конце 2012 г. Закон КНР «О защите прав пожилых людей». URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/december_2012_law_amendments/
9. Aging China's Empty Nests. URL: <http://www.eeo.com.cn/ens/2013/0221/240187.shtml>.

10. В Китае к 2020 г. пенсионная система покроет все население. URL: <http://www.cntv.ru/2014/02/26/VIDE1393414561464219.shtml>.
11. Дефицит женщин «довел» Китай до профицита текущего счета. URL: <http://www.finmarket.ru/economics/article/3284754>.
12. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2013 год и проекте плана на 2014 год. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8566518.html>.
13. Си Цзиньпин: для осуществления «китайской мечты» необходимо прочно опираться на народ. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8171029.html>.
14. Пекинская декларация и Платформа действий. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf>.
15. Согласно существующим нормам, штраф за рождение второго ребенка определяется местными властями и составляет от четырех до десяти средних для этого региона годовых доходов.
16. Многочисленный средний класс Китая — миф или реальность? URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7686095.html>.
17. В Китае стремительно растет средний класс — McKinsey. URL: http://russian.news.cn/economic/2014-03/22/c_133206440.htm.
18. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201402/t20140224_515103.html.
19. Власти китайского города Дунгуань продолжают борьбу с проституцией. URL: <http://china24news.com/other/1182-vlasti-kitajskogo-goroda-dunguan-prodolzhayut-borbu-s-prostitutsiej>.
20. В Китае произведен арест свыше тысячи торговцев детьми. URL: <http://china24news.com/other/1109-v-kitae-proizveden-arest-svyshe-tysyachi-torgovtsev-detmi>.
21. Китай будет сдерживать число ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом на уровне 1,2 млн человек к концу 2015 года. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-03/01/content_24775067.htm.
22. Китай ослабляет политику рождаемости. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8458210.html>.
23. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201402/t20140224_515103.html.
24. В Китае по материалам Всекитайской переписи 2010 г. насчитывалось более 401,5 млн семей. Dang Xiaofei. China Has Avoided Rampant Population Growth. URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/report/2014-02/17/content_596791.htm.
25. Рост среднедушевых доходов городского населения Китая в 2013 году составил 7 процентов. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8517338.html>.
26. Брак в Китае: жилищный вопрос превыше всего. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8015890.html>.
27. *McLaughlin K.E.* China and the worst-ever, man-made gender gap. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/regions/asia-pacific/china/110615/china-and-the-worst-ever-man-made-gender-gap>.
28. Китай: 10–15 процентов супругов в репродуктивном возрасте не могут иметь детей из-за бесплодия. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8558437.html>.
29. В Китае ежегодно рождаются 900 тыс детей с врожденными пороками. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7947547.html>.
30. Исследование взглядов китайских мужчин и женщин по вопросам любви и брака: диспропорции в отношении брачного возраста. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-12/27/content_27526850.htm.
31. Китай постепенно будет увеличивать пенсионный возраст. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8481923.html>.
32. Какую пользу принесло смягчение политики ограничения рождаемости в Китае? URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-11/19/content_30641322.htm.

История

Интервью с И.В. Ковалевым: две трактовки фактов истории

© 2014

С. Гончаров

В статье видного российского дипломата и ученого опровергаются искажения исторической правды, появившиеся в недавнем прошлом на страницах китайских научных изданий в связи с оценками интервью представителя Политбюро ЦК ВКП(б) в Китае И.В. Ковалева, опубликованного в ПДВ в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Мао Цзэдун Гао Ган, Ши Чжэ, Маньчжурия, КНР, СССР.

В 1991 г. я опубликовал в журнале «Проблемы Дальнего Востока» интервью с И.В. Ковалевым, одним из выдающихся советских деятелей сталинской эпохи, первым министром путей сообщения СССР во время Великой отечественной войны и представителем Политбюро ЦК ВКП(б) при Политбюро ЦК КПК (фактически — личным представителем И.В. Сталина при Мао Цзэдуне) в 1949—1950-х гг. Вскоре в Китае вышла статья, в которой опровергались или ставились под сомнение многие факты и события, о которых говорилось в этом интервью. Еще один материал с еще более жесткими опровержениями был обнародован в КНР в 2012 г. Выражаю признательности редакции журнала за возможность ответить критикам спустя 20 лет после первоначальной публикации, когда появились материалы, позволяющие более точно воссоздать некоторые важнейшие события, происходившие в отношениях между СССР и Китаем в 1948–1950 гг.

В качестве заведующего сектором ИДВ АН СССР зимой 1990 — летом 1991 гг. мне посчастливилось неоднократно встречаться с И.В. Ковалевым. Сведения, полученные в результате этих встреч, были опубликованы в «Проблемах Дальнего Востока» в конце 1991 г.¹

В марте 1992 г. я перешел из ИДВ на работу в МИД России. В июле 1993 г. вместе с семьей мы прибыли в Пекин, где до августа 1997 г. я работал советником, а затем старшим советником российского посольства. В начале октября 1993 г. госпожа Ли Хайвэнь организовала для меня и А.И. Денисова (тогда — советника Посольства РФ в КНР, в настоящее время — Посла РФ в Китае) встречу с Ши Чжэ (1905–1998) — личным переводчиком Мао Цзэдуна, который в 1950-е гг. работал с И.В. Ковалевым.

Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай) и Университета международных отношений (Пекин). E-mail: goncharovsn@gmail.com.

Г-жа Ли Хайвэнь является видным историком, долгое время проработала в архивно-исторических подразделениях ЦК КПК, имеет доступ к закрытым документам самого высокого уровня. Ши Чжэ в конце 1940-х — начале 1950-х гг. переводил все переговоры Мао Цзэдуна со Сталиным, другими высшими руководителями СССР. Он являлся, пожалуй, единственным человеком, способным подтвердить или опровергнуть верность сведений, сообщаемых И.В. Ковалевым. В то время, когда архивы еще не были открыты, книги Ши Чжэ были едва ли не главным источником сведений о событиях того периода.

В феврале 2013 г. в Пекине во время нашей встречи с Ли Хайвэнь, спустя почти 20 лет после беседы с Ши Чжэ, она передала мне сделанную ею запись той беседы. Позволю привести здесь перевод части этого документа:

«Книга «Рядом с великанами истории — воспоминания Ши Чжэ»² оказалась крупным успехом. <...> Однако я должна сказать, что воспоминания нужно использовать осторожно. Например, согласно воспоминаниям Ши Чжэ, Лю Шаоци отправился из Пекина в Москву 2 июля 1949 г., но в «Хронологической биографии Лю Шаоци» на основе новых данных установлено, что он отправился в путь 21 июня³. Кроме того, в шестом номере журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 1991 г. были опубликованы отредактированные Гончаровым воспоминания руководителя группы советских специалистов в Китае Ковалева. Там говорится, что Гао Ган поставил лично перед Сталиным вопрос о том, что нужно сделать китайский Северо-Восток 17-й союзной республикой Советского Союза. 14 февраля 1992 г. издание «Ситуация в Восточной Европе и Центральной Азии», публикуемое Институтом по изучению СССР и Восточной Европы Академии общественных наук КНР, опубликовало выдержки из этого интервью. После того как Гун Юйчжи⁴ прочел этот материал, он позвонил мне 6 марта 1992 г. и сказал, что, по его мнению, слова Ковалева сравнительно точны (запись телефонного разговора с Гун Юйчжи). 9 марта 1992 г. я посетила Ши Чжэ в его квартире, расспросила об этой ситуации, и он однозначно опроверг высказывания Ковалева. Поскольку я читала телеграммы, которые Лю Шаоци отправлял в ЦК КПК находясь в Советском Союзе, а там не говорилось о данном инциденте с Гао Ганом, я поверила словам Ши Чжэ, написала статью «Неточности в воспоминаниях Ковалева — запись беседы с Ши Чжэ», а также попросила Ши Чжэ прочесть и проверить ее.

Летом 1992 г.⁵ Гончарова перевели в Пекин на работу в российское Посольство, назначили советником по политическим вопросам⁶. 24 сентября 1993 г. директор Исследовательского института компании СИТЭС Пи Шэнхао⁷ поспособствовал тому, чтобы я вместе с Чжан Си, который являлся членом рабочей группы по написанию биографии Пэн Дэхуая и специалистом по истории «войны сопротивления Америке и помощи Корее», встретила с Гончаровым и экономическим советником посольства Денисовым⁸. После этого 5 октября 1993 г. мы все вместе навестили Ши Чжэ. Мы снова задали Ши Чжэ вопросы и обсудили эту проблему (о присоединении Маньчжурии к СССР. — С.Г.). Ши Чжэ тут же все категорически опроверг, заявил, что Гао Ган такого не говорил. Когда вышли, то Гончаров сказал: «Если говорить о Ковалеве и Ши Чжэ, то эти два старца не слишком ладили друг с другом»⁹.

Моя (т.е. Ли Хайвэнь. — С.Г.) статья «Неточности в воспоминаниях Ковалева — запись беседы с Ши Чжэ» 15 февраля 1993 г. была опубликована в первом номере журнала «Справочные материалы для изучения источников по отечественной истории». После этого она была перепечатана в журнале «Личности» и в американском журнале «Historian». В качестве приложения она вошла в опубликованные в Японии воспоминания Ши Чжэ. Влияние, которое оказала данная публикация, было сравнительно значительным...».

Содержание беседы изложено в этих заметках Ли Хайвэнь достаточно точно.

Хотел бы отметить, что в упомянутой критической статье Ли Хайвэнь, посвященной разбору интервью И.В. Ковалева, приводится следующее высказывание Ши Чжэ: «Ковалев не принимал никакого участия в переговорах между Лю Шаоци и Сталиным, поэтому он не знает, как прошли эти переговоры»¹⁰.

Как следует из публикации Ли Хайвэнь, Ши Чжэ также категорически опроверг сообщение И.В. Ковалева о том, что во время встречи со Сталиным летом 1949 г. Лю Шаоци официально снял выдвинутое Мао Цзэдуном предложение о том, чтобы СССР помог НОАК подводным флотом и авиацией с целью разгрома гоминьдановских сил на Тайване¹¹.

После появления этой публикации Ли Хайвэнь я в силу недостатка времени и источников не мог дать серьезный ответ по существу на утверждения Ши Чжэ о недостоверности высказываний И.В. Ковалева, которые были обнародованы при моем участии. Я сознавал и свою ответственность перед американскими соавторами, поскольку в книге, изданной Стэнфордским университетом в 1993 г. уже после публикации статьи Ли Хайвэнь, широко использовались сведения из интервью И.В. Ковалева, в том числе и те, которые прямо опровергал Ши Чжэ¹². Кроме того, статья в определенной степени подрывала доверие специалистов к интервью И.В. Ковалева как к историческому источнику.

В середине 2012 г. в популярном среди китайской интеллигенции журнале «Исторические хроники императоров Яня и Хуана — прародителей китайской нации» появилась статья г-жи Ли Цзе с критическим разбором интервью И.В. Ковалева¹³, написанная в откровенно враждебном тоне. В придачу к сюжетам о предложении Гао Гана сделать Северо-Восточный Китай 17-й республикой СССР и отказе Лю Шаоци от прямой советской военной помощи в «освобождении» Тайваня Ли Цзе также опровергает содержащиеся в интервью И.В. Ковалева сведения о недовольстве Мао Цзэдуна тем, что в Маньчжурии вывешивали только портреты Сталина, но не высшего китайского руководителя. Ли Цзе жестко критикует подготовленный И.В. Ковалевым в декабре 1949 г. и переданный Сталину доклад о политике китайского руководства, который она считает клеветническим.

Во время упомянутой встречи, состоявшейся в Пекине в феврале 2013 г., Ли Хайвэнь сообщила, что г-жа Ли Цзе является дочерью Гао Гана. Эмоциональность в ее «обличениях» в адрес И.В. Ковалева, возможно, была вызвана стремлением оправдать ее отца, который очень плотно сотрудничал с российским представителем и был позднее подвергнут репрессиям, которые довели его до самоубийства.

В самом начале 2013 г. в том же журнале «Янь Хуан чуньцю» была опубликована статья бывшего заместителя начальника исторического департамента Академии военных наук КНР Ли Вэйминя, в которой спокойно и обоснованно опровергались основные тезисы статьи Ли Цзе¹⁴. Именно после этого один из китайских друзей помог мне организовать встречу с Ли Хайвэнь и Ли Вэймином в начале февраля 2013 г., в ходе которой выявились факты, позволившие по-новому оценить достоверность сведений, содержащихся в интервью с И.В. Ковалевым.

В своей статье Ли Цзе несколько раз повторяет, что И.В. Ковалев был обыкновенным техническим специалистом, не допущенным к обсуждению политических вопросов, и потому просто не мог располагать сведениями относительно обмена мнениями между советскими и китайскими руководителями по наиболее важным и острым политическим проблемам. Посмотрим, каким же был реальный статус И.В. Ковалева, исходя из недавно обнародованных документов.

Согласно воспоминаниям И.В. Ковалева, после личной беседы с И.В. Сталиным он прибыл в Китай в начале июня 1948 г.¹⁵ В официальной переписке И.В. Ковалев впервые упоминается 6 ноября 1949 г. В качестве высокопоставленного специалиста-железнодорожника он был командирован в Маньчжурию с задачей содействовать восстановлению мостов на Китайской Восточной железной дороге и ее функционированию. Вплоть

до начала февраля 1949 г. в обязанности И.В. Ковалева действительно входило в основном руководство инженерно-хозяйственной деятельностью советских специалистов в Северо-Восточном Китае¹⁶.

Китайская сторона выразила полное удовлетворение проделанной под руководством И.В. Ковалева работой. Связь между Сталиным и Мао Цзэдуном обеспечивалась тогда через А.Я. Орлова (по-шифровке — Теребина), генерал-майора медицинской службы, хирурга и, очевидно, сотрудника советской военной разведки. А.Я. Орлов, прибывший в столицу китайских коммунистов г. Яньань в январе 1942 г., был обязан не только следить за здоровьем Мао Цзэдуна, но и обеспечивать его связь со Сталиным через специально доставленную из Москвы радиостанцию. А.Я. Орлов возвратился в Москву в середине 1949 г.¹⁷ В телеграфной переписке он именовался «связником ЦК ВКП(б) с ЦК КПК»¹⁸.

Учитывая стратегическую важность китайского направления в политике Москвы и стремительно возраставшие шансы на полную победу китайских коммунистов в войне против Чан Кайши, советское руководство стало задумываться о повышении уровня своего представителя при Мао Цзэдуне.

В декабре 1948 г. И.В. Ковалев возвратился в Москву и доложил о своей работе в Китае лично И.В. Сталину¹⁹. В конце января — начале февраля 1949 г. штаб-квартиру Мао Цзэдуна в местечке Сибайпо (пров. Хэбэй) секретно посетил А.И. Микоян — самый высокопоставленный из когда-либо до этого контактировавших с КПК представителей руководства СССР. В своем отчете о визите, представленном в Президиум ЦК КПСС 22 сентября 1960 г., А.И. Микоян, в частности, отметил, что «...со мной вместе был в Китае б. министр путей сообщения Ковалев, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК...»²⁰. И.В. Ковалев принял участие во всех встречах и беседах А.И. Микояна с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями²¹.

13 марта 1949 г. в Москву ушла первая шифровка, в которой должность И.В. Ковалева была обозначена как «представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК»²². Статус Ковалева, конечно же, был качественно более высоким, чем статус его предшественника А.Я. Орлова. Особенно возросло значение этого поста после переезда китайского руководства из Сибайпо в Бэйпин (Пекин) и начала активной деятельности китайских коммунистов по строительству основ собственной системы государственного управления²³. В апреле-июне 1949 г. именно через Ковалева осуществлялся обмен мнениями между Мао Цзэдуном и Сталиным по важнейшим вопросам политико-стратегического характера²⁴.

Генеральный консул СССР в Бэйпине С.Л. Тихвинский был официально аккредитован при гоминдановском правительстве, которое в ходе гражданской войны терпело одно поражение за другим от войск КПК, и не мог поддерживать контакты с высшими руководителями КПК. Ему приходилось ограничиваться написанием докладов министру иностранных дел А.Я. Вышинскому. В июне — августе 1949 г. состоялся секретный визит в Москву высокопоставленной китайской делегации во главе с Лю Шаоци. Он сыграл огромную роль в подготовке к основанию Китайской Народной Республики, а также в установлении и развитии ее отношений с СССР. И.В. Ковалев сопровождал делегацию в поездке. Утверждение Ши Чжэ, что советский представитель не принимал никакого участия в переговорах И.В. Сталина с данной делегацией и потому не мог иметь никакого представления о содержании бесед²⁵, полностью опровергается недавно обнародованными советскими источниками (записи секретарей Сталина о посетителях его кабинета, записи бесед Сталина с делегацией Лю Шаоци)²⁶. Если судить по китайским источникам, в период визита в Москву делегации Лю Шаоци И.В. Ковалев пользовался высочайшим авторитетом среди руководителей КНР. В адресованной Лю Шаоци, Гао Гану и Ван Цзясяну шифровке от 4 августа 1949 г. Мао Цзэдун назвал советского представителя «старшим братом Кэ», а так обращаются только к особо уважаемым и доверенным людям из

«ближнего круга»²⁷. В то время И.В. Ковалев играл роль и главного представителя Сталина при Мао, и руководителя группы советских специалистов в КНР.

Более сложным стало положение И.В. Ковалева после того, как 16 октября 1949 г. первый советский посол в Китае Н.В. Рошин вручил верительные грамоты Мао Цзэдуну²⁸. Естественно, что после этого именно посол замкнул на себя обсуждение с китайскими руководителями важнейших политических проблем двусторонних отношений²⁹.

Вместе с тем, и после начала работы Н.В. Рошина в Пекине Мао Цзэдун по-прежнему продолжал доводить важнейшую информацию (например, предложения о сроках поездки Председателя КНР в Москву) до Сталина через И.В. Ковалева³⁰. А.А. Ледовский отмечает, что в этой связи у И.В. Ковалева возникли проблемы: «После образования КНР И.В. Ковалев продолжал некоторое время возглавлять группу советских специалистов. Однако, имея прямую связь с Москвой, он по-прежнему считал себя личным представителем И.В. Сталина, не согласовывал свои действия с послом Н.В. Рошиным. Это побудило Рошина доложить об этом в Москву. Сталин направил в Китай комиссию для проверки деятельности И.В. Ковалева и советских специалистов, по итогам работы которой И.В. Ковалев был отозван из Китая»³¹. В другой своей работе А.М. Ледовский пишет о том, что комиссия для проверки деятельности И.В. Ковалева была направлена по просьбе «советских директивных органов» в связи с ведением последним расточительного, барского образа жизни на фоне вопиющей бедности китайского населения. Как указывает А.М. Ледовский, по итогам проверки И.В. Ковалев был заменен на И.В. Архипова³².

В данный момент я не располагаю дополнительными данными об итогах деятельности комиссии, о которых упоминает А.М. Ледовский. Могу только отметить, что И.В. Ковалев не был «отозван» из Китая. Он, исходя из личного распоряжения И.В. Сталина, не вернулся в Пекин после того, как отправился в Москву, сопровождая делегацию во главе с Мао Цзэдуном, причем источники называют в качестве причины не его трения с Н.В. Рошиным или слишком роскошный образ жизни³³.

На самом деле И.В. Ковалев был включен в группу лиц, сопровождавших высшего китайского руководителя в поездке в Москву, по личной просьбе Мао Цзэдуна³⁴. Стремясь доказать свою компетентность и нужность не только как руководителя группы специалистов, но и как политического представителя Сталина, он составил подробный доклад о ситуации в КНР, в значительной степени полагаясь на материалы, предоставленные Гао Ганом, у которого разгорался конфликт в борьбе за власть и влияние с Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем.

Во время пребывания китайской делегации в Москве Иван Владимирович дважды по указанию Сталина приезжал к Мао на дачу в Кунцево для проведения бесед³⁵.

Вместе с тем, нужно признать, что статус И.В. Ковалева во время визита Мао Цзэдуна в Москву явно снизился по сравнению с переговорами, которые вел здесь Лю Шаоци летом 1949 г. На сей раз состоялось три раунда переговоров между Мао Цзэдуном и Сталиным — 16 и 24 декабря 1949 г., а также 22 января 1950 г. Ковалев не принимал участия ни в одной из этих встреч. Вместе с тем, посол Н.В. Рошин принял участие в важнейшей встрече 22 января 1950 г., на которой детально обсуждалось содержание двусторонних советско-китайских документов готовившихся к подписанию.

Совершенно безосновательными являются утверждения некоторых китайских авторов о том, что И.В. Ковалев был всего лишь техническим специалистом, не имел доступа к переговорам по важнейшим политическим вопросам. Иван Владимирович был участником обмена мнениями между Сталиным и Мао по самым деликатным проблемам и потому сообщаемые им сведения обладают уникальной ценностью.

Прежде всего хотелось затронуть такой острый вопрос, как просьбы китайского руководства к советскому оказать военное содействие в разгроме гоминьдановских войск на Тайване.

Во время визита Лю Шаоци в Москву 4 июля 1949 г. И.В. Сталину был направлен подробный доклад о ситуации в КНР с просьбами о содействии в различных областях³⁶. В нем отмечалось, что «Формоза» (т.е. Тайвань) может быть освобождена от гоминьдановцев в течение 1950 г. или раньше. В этом документе не содержалось просьб о советском военном содействии.

Такая просьба, судя по всему, впервые была сформулирована в телеграмме, которую Мао Цзэдун направил Лю Шаоци 25 июля 1949 г. для передачи Сталину³⁷.

Есть все основания полагать, что именно обеспечение советской поддержки разгрома сил Чан Кайши на Тайване было основной темой данной телеграммы. Мао Цзэдун предусматривает два варианта советского содействия «освобождению Тайваня». При «минимальном» варианте предполагалось, что Советский Союз будет содействовать «взятию Формозы» поставками авиационных и военно-морских вооружений, а также ускоренной подготовкой управляющих ими специалистов. Второй, «максимальный» вариант фактически предполагал прямое участие советских ВВС и ВМФ (под флагами НОАК) в боях с силами Чан Кайши за Тайвань. Крайне важно обратить внимание на то, что второй (безусловно предпочтительный для Мао Цзэдуна) вариант предполагалось задействовать в случае, если получит дальнейшее развитие антиимпериалистическое движение и если в Америке и Англии «вспыхнет экономический кризис». Мао Цзэдун также просил Сталина оценить возможность того, насколько такое прямое включение в конфликт способно «причинить вред взаимоотношениям между Америкой и СССР».

Полагаю, что мы можем попробовать понять глубинный смысл предложения Мао Цзэдуна, обратившись к содержанию интервью И.В. Ковалева.

Там, в частности, сообщалось, что в конце февраля — начале марта 1949 г. Ковалева посетил Лю Сяо — коммунист-подпольщик из Шанхая (в 1950-х гг. он стал послом КНР в Москве). Лю довел до советского представителя сверхсекретные американские планы по развязыванию «азиатского варианта» третьей мировой войны, в соответствии с которым, в частности, предполагалось нанесение массированных ядерных ударов по многочисленным целям в Маньчжурии, Приморье и Сибири. Сталин после длительных размышлений следующим образом ответил на данную информацию:

«Война невыгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы ее не боимся. Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет... Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей — объективных. Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестол страдал галлюцинациями. Мы готовы к отпору».

Далее И.В. Ковалев сообщил, что в беседе с Лю Шаоци, состоявшейся в июле 1949 г., Сталин заявил, что «Советский Союз сейчас достаточно силен, чтобы не бояться ядерного шантажа со стороны США»³⁸.

18 июля 1949 г. Лю Шаоци направил в Пекин подробный отчет о комментариях Сталина к докладу китайской делегации, которые были сделаны советским лидером во время заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 11 июля 1949 г. В этой телеграмме приводятся весьма любопытные сталинские оценки тогдашней ситуации в мире³⁹.

Оценивая международную обстановку, Сталин задавался вопросом "может или нет разразиться война?" Он утверждал, что с точки зрения экономических условий, с точки зрения подготовки США к войне (империализм еще не подготовился к войне), сейчас империализму невыгодно воевать с Советским Союзом. Если исходить из нормальных законов исторического развития, то в настоящее время не должно быть войны". Однако он не исключал такой возможности. На вопрос Лю Шаоци «Существует ли возможность компромиссного решения различных важных проблем, существующих в настоящее время между Советским Союзом, с одной стороны, и США, Англией — с другой».

Сталин сказал: «Это очень трудно. Некоторые второстепенные вопросы можно решить, но важные вопросы решить очень трудно. <...> В борьбе с реакционными группировками мы используем метод их изоляции, используем различные массовые организации и форумы, чтобы в различных государствах, в том числе и в США, вести борьбу, направленную на разоблачение и пропаганду. Это играет очень большую роль. В дальнейшем мы продолжим поступать таким образом.

В настоящее время США и их политика приводят к тому, что проблемы решить невозможно. <...> Если в США будет новое правительство и новая политика, то советско-американские отношения, возможно, улучшатся. <...> Если империализм захочет воевать, то будем воевать, они будут применять ядерное оружие и мы будем применять ядерное оружие."

Высказывания Сталина в данном авторитетном китайском источнике даже в деталях совпадают с их изложением в интервью Ковалева, которое было обнародовано за пять лет до публикации этих документов.

Все эти стратегические выводы Сталина вполне могли совершенно по-разному пониматься самим советским руководителем и Мао Цзэдуном. Сталин исходил из того, что в ситуации «разразившегося кризиса» и, осознавая готовность СССР к тому, чтобы «дать отпор», США не пойдут на неспровоцированное, полностью инициированное в Вашингтоне нападение на Советский Союз. В силу этого Сталин полагал важным принимать все необходимые меры, чтобы со своей стороны не спровоцировать Америку на агрессивные действия⁴⁰.

В свою очередь Мао Цзэдун мог расценивать высказывания Сталина как свидетельство того, что в это время СССР стал настолько силен, что США (в результате развития антиимпериалистического движения и «разразившегося кризиса») не осмелятся выступить против СССР даже в случае активных действий последнего, направленных на подрыв геополитических позиций Соединенных Штатов. Поэтому Москве не стоит опасаться ухудшения отношений с Вашингтоном. В силу этого Мао, очевидно, реально рассчитывал на то, что Сталин может оказать прямую поддержку «силовому решению тайваньского вопроса», пойдет на «максимальный вариант» содействия КНР.

Сталин, похоже, усмотрел в обращении Мао приглашение к тому, чтобы в интересах «взятия Формозы» спровоцировать «небольшой кризис» в отношениях с США. Не удивительно, что его ответ на обращение китайского лидера оказался сугубо негативным.

И.В. Ковалев вспоминает, что «китайская сторона» в это время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 г. Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны.

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Еще до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 г., когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу⁴¹.

Здесь, прежде всего, хотелось бы остановиться на хронологии событий. Судя по содержанию телеграммы от 25 июля 1949 г., Мао Цзэдун впервые напрямую ставит вопрос о советской военной поддержке по Тайваню, косвенно ссылаясь на позитивные для себя высказывания Сталина о международной обстановке, сделанные советским руководителем до приезда Лю Шаоци в Москву и во время переговоров с ним. Мао ни словом

не упоминает о якобы уже прозвучавшем негативном ответе Сталина во время встречи с Лю Шаоци 11 июля 1949 г.

Можно предположить, что после того, как Сталин ознакомился с телеграммой Мао Цзэдуна от 25 июля 1949 г., он обсудил с Лю Шаоци тайваньский вопрос 27 июля⁴² и дал отрицательный ответ на просьбу Мао Цзэдуна о прямом советском военном содействии.

Вскоре после этого руководству КНР представилась возможность на деле проверить свою способность отбивать приморские острова у войск Чан Кайши полностью собственными силами. 24–27 октября 1949 г. НОАК втянулась в тяжелые бои с гоминьдановцами на острове Цзиньмэнь, расположенном в 5,5 морских милях от берега в районе г. Сямэнь (пров. Фуцзянь). В итоге НОАК потерпела болезненное поражение, потеряв убитыми около 10 000 человек⁴³.

Мао Цзэдуну пришлось вновь обратиться к данному вопросу во время личной беседы со Сталиным 16 декабря 1949 г. Горький опыт боев за Цзиньмэнь показал, что без прямого советского военного содействия проведение десантной операции против Тайваня является крайне проблематичным. По моему глубокому убеждению, в полной мере понять смысл этого обмена мнениями можно только в случае учета содержания диалога между Сталиным и Лю Шаоци, состоявшегося в Москве в июле 1949 г.⁴⁴

Вполне логично, что Мао Цзэдун начал переговоры с зондажа вопроса о том, не произошло ли изменений в подходах Сталина к оценке перспектив мировой войны по сравнению с теми, которые были сформулированы в ходе переговоров с Лю Шаоци. Советский лидер в очередной раз подтвердил свою позицию, сводящуюся к тому, что по своей инициативе «империалисты» конфликт не начнут.

Далее Мао Цзэдун прозондировал возможность реализации «минимального» варианта советского содействия — предоставления военно-морских и военно-воздушных вооружений и подготовки персонала для них. Сталин однозначно подтвердил свое согласие.

Наконец, Мао перешел к вопросу о «максимальном» варианте — задействовании советских «добровольцев» на советской военной технике. Такой вариант был для него явно предпочтительным. Характерно, что, памятуя о негативном ответе, который был дан Сталиным во время переговоров с Лю Шаоци, Мао преподнес это не как свою собственную идею, но как «мнение некоторых генералов». Ответ Сталина вновь оказался негативным. Далее он ясно дал понять, что главная причина этого — необходимость избежать «провоцирования конфликта с Америкой и Англией».

Таким образом, обнародованные в последнее время источники позволяют подтвердить содержащиеся в интервью И.В. Ковалева сведения о том, что во время визита Лю Шаоци китайская сторона на самом деле обращалась к И.В. Сталину с просьбой об оказании прямого военного содействия для захвата Тайваня и получила отказ. Однако следует признать, что пока не представляется возможным однозначно подтвердить, что 27 июля 1949 г. в беседе со Сталиным Лю Шаоци «снял» китайские предложения по Тайваню.

В конце января 1950 г. в позиции Сталина по «тайваньскому вопросу» обозначились весьма существенные подвижки — теперь он стал опасаться, что Мао Цзэдун в результате изменения политики США сможет захватить Тайвань собственными силами, причем Соединенные Штаты не окажут режиму Чан Кайши прямой военной поддержки. Сталин обеспокоился тем, что вскоре могут быть нормализованы отношения между Пекином и Вашингтоном и Мао Цзэдун, таким образом, приобретет качественно больший «простор для маневра» в контактах с СССР. Подобные соображения, в конечном счете, привели к тому, что Сталин дал Ким Ир Сэну «добро» на вторжение в Южную Корею⁴⁵. Этот сюжет представляет самостоятельный интерес и не имеет прямого отношения к нашей истории.

Остановимся теперь на вопросе о предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й союзной республикой СССР (в качестве 16-й республики тогда в Советский Союз входила Карело-Финская ССР).

Как упоминалось ранее, по словам Ши Чжэ, Гао Ган был крайне недоволен тем, что Советский Союз после войны вывозил из Маньчжурии промышленное оборудование, хотел пожаловаться на это Сталину. Исходя из того, что Гао отстаивал китайские интересы даже по такому относительно второстепенному вопросу, Ши заключает, что Гао никак не мог выдвинуть перед Сталиным столь «антипатриотичное» предложение, как присоединение к СССР трех Северо-Восточных провинций Китая.

Здесь упоминается совершенно реальная и весьма болезненная проблема — вскоре после разгрома Квантунской армии СССР действительно начал в качестве военных трофеев вывозить из Маньчжурии все промышленное оборудование, которое могло прямо или косвенно использоваться для обеспечения нужд японской военной машины. Вывозу подлежал широкий круг предприятий, отнюдь не ограничивавшийся только оборонными заводами. Это вызвало сильнейшее недовольство китайской стороны, обвинявшей СССР в нарушении международного права и обязательств по двусторонним договорам⁴⁶.

Такое недовольство выражалось не только гоминдановскими властями, оно существовало и среди коммунистических союзников СССР. Последние не могли открыто критиковать «вождя всех времен и народов» и потому вынуждены были маскировать собственные взгляды ссылками на мнения неких «представителей демократических партий». В докладе, который Лю Шаоци направил Сталину 4 июля 1949 г., содержалась следующая критика в адрес подобных деятелей: «Относительно проблемы вывоза Советским Союзом машин и оборудования мы говорим, что они принадлежали японцам, что Советский Союз увез их в качестве военных трофеев для того, чтобы строить социализм, чтобы предотвратить их попадание в руки реакционеров, которые использовали бы их против китайского народа, что все это совершенно правильно»⁴⁷.

Одним из авторов этого доклада был Гао Ган. Вполне возможно, что он, как и другие руководители КНР, негативно относился к вывозу оборудования, но официально не мог себе позволить критиковать советское руководство.

С современной точки зрения, предложение Гао Гана о превращении Маньчжурии в 17-ю республику СССР представляется чудовищно непатриотичным. Мы, однако, не должны механически переносить нынешние воззрения на тогдашние времена.

Как вспоминает И.В. Ковалев, мотивируя это свое предложение, Гао Ган заявил, что «это обезопасило бы Маньчжурию от нападений со стороны американцев и превратило бы ее в еще более надежную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши»⁴⁸. В те времена сильнейшее влияние на умы коммунистов (в том числе китайских) оказывала идеология пролетарского интернационализма. Национальные границы в рамках такого подхода представлялись понятием второстепенным, и казалось вполне естественным опереться на поддержку «братьев по классу», пожертвовать национальным суверенитетом ради конечной победы над империалистами.

Еще более глобальный интернационалистский подход был, например, продемонстрирован Мао Цзэдуном, когда, выступая 17 мая 1958 г. на втором пленуме ЦК КПК 8-го созыва он, в частности, заявил, что при отсутствии опыта в ядерных войнах неизвестно, сколько будет погибших. «Лучше всего, чтобы в живых осталась половина, похуже будет, если останется треть» населения земного шара. «Зато в обмен на это полностью уничтожим капитализм, добьемся вечного мира»⁴⁹. Ради победы над капитализмом Мао готов пожертвовать значительной частью не только населения Китая, но и всего мира!

Конечно же, не стоит преувеличивать степени влияния на Мао идей пролетарского интернационализма. Во второй половине 1950-х годов китайские руководители стали чрезвычайно резко реагировать на попытки СССР навязывать Пекину определен-

ные обязательства со ссылками на солидарность внутри «социалистического лагеря». Тем не менее, игнорировать влияние на лидеров КНР идей интернационализма и мировой революции, особенно в конце 40-х годов прошлого века, конечно же нельзя.

В своем интервью И.В. Ковалев сообщает, что после предложения Гао Гана о превращении трех провинций Северо-Восточного Китая в 17-ю союзную республику СССР, «встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: «Товарищ Чжан Цзолинь!» Все присутствовавшие были буквально потрясены таким обращением, ибо Чжан Цзолинь был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев»⁵⁰.

Можно привести целый ряд свидетельств, прямо или косвенно доказывающих, что такой эпизод действительно имел место.

Прежде всего, заслуживает внимания следующий текст из книги А.М. Ледовско-го, посвященной Гао Гану: «В начале гражданской войны в Маньчжурии руководство КПК в целях мирного урегулирования предлагало гоминьдановскому правительству договориться о предоставлении Маньчжурии полной автономии или республики, связанной с Китаем на федеративных основаниях (так в тексте. — С.Г.) Гоминьдановским правительством это было отвергнуто. Впоследствии отказалось от нее и руководство КПК. Но среди местных коммунистов эта идея продолжала существовать. Сторонником ее был Гао Ган, хотя публично он с этой идеей не выступал. По свидетельству бывшего руководителя советскими специалистами в Маньчжурии тов. Ковалева, такая идея была высказана Гао Ганом И.В. Сталину. Он отверг ее, сказав то ли в шутку, то ли всерьез, что Гао Ган хочет стать вторым Чжан Цзолинем»⁵¹.

Ли Вэйминь в вышеупомянутой статье приводит отрывок из ранее нигде не опубликованного выступления генерала Чжан Минцюаня (в начале 1950-х годов служил на Северо-Востоке и имел прекрасные отношения с Гао Ганом) на состоявшемся 2 сентября 1959 г. в Центральном военном совете ЦК КПК собрании, посвященном критике Пэн Дэхуая. Генерал Чжан заявил тогда следующее:

«Есть еще и вопрос о связях с зарубежными странами: вскоре после освобождения Северо-Востока там действовал политический советник, которого звали Ковалев (советский заместитель министра железных дорог). Гао Ган излагал лично ему свои взгляды на китайскую компартию. Распространял очень много антипартийных суждений. Ковалев поэтому стал утверждать, что товарищи Лю Шаоци и Пэн Чжэнь не являются марксистами. Гао трижды ездил в Советский Союз, однажды ездил вместе с товарищем Лю Шаоци. После того, как возвратился, стал распространять многочисленные суждения, направленные против товарища Лю Шаоци. Говорил о том, как Сталин ценит его и как пренебрежительно относится к товарищу Лю Шаоци. Говорил, что Сталин сказал, будто он (т.е. Гао Ган. — С.Г.) является Чжан Цзолинем для Северо-Востока».

Получается, что в источнике, который был обнародован через 20 лет после публикации интервью И.В. Ковалева, содержится еще одно весьма важное косвенное подтверждение того, что эпизод с предложением Гао Гана о 17-й союзной республике действительно имел место.

Следует отметить, что для Сталина и для Гао Гана фигура знаменитого «милитариста» Чжан Цзолиня (1875–1928) могла выглядеть совершенно по-разному. С точки зрения советских интересов, он был однозначно негативным персонажем, поскольку постоянно пытался установить контроль над Китайской Восточной железной дорогой, «пригрел» в Харбине и других городах Северо-Востока многочисленных белых эмигрантов, которые осуществляли постоянные вылазки на границе с СССР. С точки зрения китайцев, Чжан Цзолинь многое сделал для развития Маньчжурии. Он действительно обладал в этом регионе всей полнотой власти — но никогда не ставил вопроса об отделении от Китая и создании самостоятельного государства. В начальный период своего господства

на Северо-Востоке Чжан Цзолинь действительно стремился опереться на японцев, но когда создал достаточно серьезные вооруженные силы, то стал противостоять им. Именно поэтому японские спецслужбы в 1928 г. подорвали поезд, на котором он ехал (существует, правда, и версия, что он был устранен спецслужбами СССР).

Потому для Гао Гана сравнение с Чжан Цзолинем, сделанное И.В. Сталиным, могло расцениваться как достаточно лестное, о чем не стыдно было рассказать друзьям и коллегам.

Однако самое убедительное свидетельство в пользу того, что Гао Ган действительно ставил вопрос о присоединении трех Северо-Восточных провинций Китая к СССР в качестве «17-й союзной республики», содержится в вышеупомянутой записи беседы, сделанной Ли Хайвэнь, которая цитируется в статье Ли Вэйминя и которую г-жа Ли передала мне во время встречи в феврале 2013 г. Там, в частности, сообщается следующее: «Однако же как раз после опубликования моей статьи Ши Чжэ во время беседы с одним из зарубежных гостей в моем присутствии признал, что Гао Ган говорил такие слова» (о 17-й союзной республике. — С.Г.). <...> Я не думала, что это дело будет впоследствии цитироваться столь многими людьми, что оно породит столь значительные последствия, поэтому не стала писать статью с исправлениями". Можно представить себе, как непросто было Ли Хайвэнь предоставить для опубликования материал, опровергающий один из опорных тезисов ее же статьи. Тем большего профессионального уважения заслуживает ее поступок, внесший серьезный вклад в установление исторической истины.

Из этого следует, что прав был китайский историк Гун Юйчжи, который еще в марте 1992 г. заявил в телефонном разговоре с Ли Хайвэнь о достоверности сведений, сообщаемых И.В. Ковалевым о «17-й республике».

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса об адресованном И.В. Сталину докладе И.В. Ковалева о положении в Китае.

В своем интервью И.В. Ковалев следующим образом описывает драматическую ситуацию, сложившуюся вокруг этого доклада: «Последний смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые замечания в адрес китайских руководителей. В феврале 1950 г., незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, в которых также были критические сообщения в адрес ЦК КПК. Это было бы еще полбеды, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему. Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А.И. Микоян. 25 июля 1967 г. в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин последующих гонений на Гао Гана. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предвещает участь Гао Гана»⁵².

Передача китайской стороне этого доклада делала невозможной продолжение работы Ковалева в КНР. Этот эпизод оказался губительным для всей последующей карьеры первого советского министра путей сообщения.

Ши Чжэ в своих воспоминаниях следующим образом описывает события, связанные с данным докладом: «Ковалев и советник посольства, переводчик с китайского языка Федоренко прибыли в Москву вместе с делегацией (возглавляемой Мао Цзэдун. — С.Г.), иногда они приезжали для того, чтобы увидеться с Председателем по каким-то делам. Однажды, когда они приехали на дачу, Председатель Мао в разговоре с Ко-

валевым заявил: «Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать, для чего я вообще сюда приехал? <...>».

<...> Неожиданно для нас после отъезда с дачи Ковалев написал пространное послание с клеветой на Китай. Как только Сталин получил это письмо, сразу же передал его нам. Он также сказал: «Это написал лично Ковалев, это отнюдь не наше поручение. Вы должны исходить из того, что он не занимается политикой, это всего лишь технический работник. Ему совершенно не следует внедряться в политику».

Позднее во время одной из бесед Мао Цзэдуна со Сталиным затронули вопрос о направлении специалистов. Председатель поинтересовался, не направят ли к нам Ковалева. Сталин моментально заявил: «Ковалев не специалист, не разбирается в созидательной деятельности, мы к вам направим зрелого и знающего специалиста»⁵³.

В дневниковой записи начальника личной охраны Мао Цзэдуна Ван Дунсина за 28 декабря 1949 г. также описан данный эпизод. «Во время беседы с Председателем Мао Сталин передал ему для ознакомления письмо, написанное Ковалевым — специалистом из системы железных дорог, которого Сталин командировал на Северо-Восток. <...> Сталин сказал: «Это письмо Ковалев написал самостоятельно, мы ему не поручали. Он не занимается политикой, всего лишь является техническим работником, ему не стоит вторгаться в политику»⁵⁴.

Китайские авторы указывают, что Ковалев написал свой критический доклад как бы «в отместку» за то, что его отругал Мао Цзэдун. Сталин от этого доклада отмежевался и передал его Мао с тем, чтобы укрепить взаимное доверие. Мао заподозрил, что материалы для документа были переданы кем-то из руководства КПК (явный намек на Гао Гана).

Ли Цзе в своей статье выражает полное согласие с версией, приведенной Ши Чжэ, и подчеркивает, что в докладе Ковалева ситуация в КНР и в компартии Китая была преподнесена в совершенно извращенном свете⁵⁵.

Доклад И.В. Ковалева, датированный 24 декабря 1949 г., действительно был выдержан в исключительно критических в отношении политики КПК тонах⁵⁶. В начале практически каждого из разделов документа И.В. Ковалев цитирует «советы», дававшиеся Сталиным китайским коммунистам по тем или иным вопросам, и затем доказывает, что последние не следуют этим советам. И.В. Ковалев особенно резко упрекает некоторых китайских руководителей за «пробуржуазные и проамериканские тенденции», причем самых жестких оценок за «неправильные действия» во внутренней политике удостоены Лю Шаоци и Бо Ибо, а во внешней политике — Чжоу Эньлай. Единственной однозначно положительной фигурой в докладе выставлен Гао Ган. В докладе отсутствовали какие бы то ни было критические замечания в адрес Мао Цзэдуна.

Судя по всему, Сталин отмежевался от одобрения или инициирования документа, но ни разу не сказал прямо Мао Цзэдуну, что он не согласен с тем, или иным тезисом, сформулированным И.В. Ковалевым.

Достаточно взвешенный и углубленный анализ ситуации вокруг доклада Ковалева приводится в упоминавшейся выше статье Ли Вэйминя:

- в докладе Ковалев проявил себя как истинный сталинист, оценивавший происходящее в Китае с крайне левацких позиций. Сталин, скорее всего, мог быть несогласен с частностями в этом документе, но в основном разделял высказанные советским представителем опасения и критические оценки;

- передавая доклад Мао Цзэдуну, Сталин стремился чужими руками предостеречь его от проведения «ошибочной политики»;

- внимательно изучив доклад, Мао Цзэдун в основном согласился с содержащимися в нем обвинениями в адрес Лю Шаоци, Бо Ибо и Чжоу Эньлая в «буржуазном уклоне» и «проамериканизме». Мао отнюдь не смутило то, что источником информации для Ковалева послужили секретные сведения, сообщенные Гао Ганом. В начале 1950-х

годов Мао Цзэдун многократно прямо поддерживал критику со стороны Гао Гана в адрес Лю Шаоци и Бо Ибо, выдержанную вполне в духе доклада Ковалева.

В вопросах политической борьбы Мао Цзэдун всегда был величайшим прагматиком, лишенным каких-либо сантиментов или предубеждений. Он всерьез прислушивался к самым резким и обидным критическим замечаниям иностранцев о ситуации в КПК и в случае, если считал их здравыми, использовал как руководство в выработке собственной линии в схватке за власть. Подобное, судя по всему, произошло и в апреле 1969 г., во время IX съезда КПК. Мао тогда всерьез воспринял критические утверждения советской пропаганды о формировании в КНР «военно-бюрократической диктатуры», пришел к выводу, что в связи с этим настало время ограничить всевластие военной группировки во главе с Линь Бяо⁵⁷.

Объективно доклад И.В. Ковалева сыграл в истории КНР негативную роль, став одним из множества факторов, закреплявших в этой стране «левацкие», «сталинистские» тенденции. В присущей ему манере Сталин хладнокровно пожертвовал автором доклада, с тем чтобы в прямой и жесткой форме, без дипломатических церемоний довести до Мао свои «политические пожелания».

В середине 1960-х годов критика Лю Шаоци как лидера «группы предателей, идущих по капиталистическому пути» (каппутистов) стала одной из идеологических доминант развязанной Мао Цзэдуном «культурной революции».

Вряд ли можно согласиться с мнением, что передача Сталиным Мао Цзэдуну доклада Ковалева предопределила трагическую судьбу последнего. В первой половине 1950-х годов отношение Мао Цзэдуна к Гао было вполне позитивным, что выражалось в назначении его на все более высокие партийные и государственные посты. Даже после развертывания официальной критики в адрес Гао Гана (явившейся результатом того, что Гао потерпел поражение в схватке с объединившейся против него группировкой во главе с Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем), Мао Цзэдун отнюдь не считал его конченным человеком, пытался обеспечить его перевод на руководящую работу на Северо-Востоке Китая. Его отношение к Гао Гану резко изменилось только 17 февраля 1954 г., когда он впервые попытался покончить жизнь самоубийством. Мао считал самоубийц людьми безвольными и бесполезными. После этого он приказал более не напоминать ему о переводе Гао Гана на Северо-Восток и передал его в полное распоряжение политических противников⁵⁸. Интересно, что спустя почти два десятилетия после гибели Гао Гана Мао испытывал к нему самые позитивные личные чувства⁵⁹.

О вывешивании портретов Сталина и Мао Цзэдуна на Северо-Востоке КНР. Как упоминалось в начале данной статьи, г-жа Ли Цзе в своем материале утверждает, что не могло быть ситуации, когда по распоряжению Гао Гана в Маньчжурии вывешивали только портреты Сталина, практически не вывешивая портреты Мао Цзэдуна.

Для восстановления истины придется привести две пространные цитаты — сначала из интервью Ковалева, а затем — из архивного документа того времени.

В интервью Ковалева говорится следующее: «В сентябре 1949 г. к Мао Цзэдуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала просить дозволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился, и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им, вобщем, понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминдановского Юга.

Вместе с тем, гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но все там как-то не по-китайски, а скорее, как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на Северо-Востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом в повестке дня стал «вопрос о портретах».

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду — во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения были во многих случаях совсем на него не похожи, он там был изображен с восточными, китайскими чертами лица — но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Еще в конце 1948 г. группа работников советского документального кино, посетивших перед этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно он так выражал свое недовольство Мао.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвертом зашел ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Эньлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа, в стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда был особенно огорчен позицией Чжоу, которого считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась «линия Гао Гана» и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов, решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось объясняться по этому поводу с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. По прошествии времени я стал лучше понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Он бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, потому что в тот момент считал более важным для себя хорошие отношения с Мао. Я с этой телеграммой пошел к Мао Цзэдуну, однако ту ее часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя оттуда поступил грозный запрос. Мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением...»⁶⁰.

Полагаю, что окончательную ясность в данный сюжет позволяет внести рассекреченный советский архивный документ, в котором говорится следующее:

«ВОПРОС О ВЫВЕШИВАНИИ В КИТАЕ ПОРТРЕТОВ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

11 октября 1949 г. т. Сталин сообщал Ковалеву:

В вопросе о вывешивании портретов Ленина и Сталина товарищ Гао Ган не прав, а Лю Шао-ци, Чжоу-Энь-лай (так в тексте. — С.Г.) и другие товарищи безусловно

правы. Это так элементарно, что я удивляюсь, как могли возникнуть разногласия по этому вопросу.

По вопросу о демократических партиях в Китае и необходимости считаться с их лидерами, товарищ Гао Ган также не прав, а товарищи Чжоу Энь-лай и Лю Шао-ци безусловно правы.

Разъясните все это Гао Гану, разъясните также Лю Шао-ци и другим товарищам. Вообще должен сказать, подчеркнул Сталин, что чем меньше будет портретов Ленина и Сталина в Китае, тем лучше.

Телеграмма Ковалева Сталину по указанному вопросу.

10 октября 1949 г. Ковалев писал:

Ко мне зашел Гао Ган и в беседе снова затронул вопрос о порядке вывешивания портретов. Он сказал, что имел беседу по этому вопросу с Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем, Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуном. О мотивах принятия решения о порядке вывешивания портретов Мао Цзэ-дун сказал следующее:

Сейчас не время широко вывешивать портреты Ленина и Сталина, так как повсеместное использование их вызовется реакционными элементами против нас. Придет время, заявил Мао Цзэдун, и тогда портреты Ленина и Сталина мы вывесим повсеместно.

Вчера, писал далее Ковалев Сталину, Мао Цзэдун подписал телеграмму, адресованную Бюро ЦК КПК по Маньчжурии, в которой говорится, что портреты Ленина и Сталина следует вывешивать во всех партийных учреждениях, местах расположения советских войск, в советских школах, в местах компактного проживания советских граждан, в пределах КЧЖД (полосы отчуждения), а также в помещениях общества советско-китайской дружбы.

Говоря о том, что побудило Мао Цзэ-дуна дать такое указание, Гао сказал, что буржуазный демократ и крупный капиталист Чэн Цзя-чэн (так в тексте, скорее всего имеется в виду Чэнь Цзягэн)⁶¹, член правительства КНР, в докладе о своей поездке в Маньчжурию, демагогично заявил ему, Мао Цзэдуну, что в Маньчжурии Мао Цзэдуна как вождя не признают, его портретов не вывешивают. Чэн Цзя-чэн, рассказывая об этом Мао Цзэ-дуну, заплакал.

По словам Гао Гана, с Мао Цзэдуном говорили по этому вопросу Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лай. Содержание этого разговора Гао Ган не знает. В результате была критика по адресу Гао Гана, хотя без упоминания его имени.

Гао Ган сказал, писал Ковалев, что со мной по этому вопросу собирается говорить Лю Шао-ци.

Ковалев сообщил в своем донесении Сталину, что он вслед за телеграммой передает Решение ЦК КПК о порядке вывешивания портретов, присланное ему из ЦК КПК, с просьбой разъяснить это решение советским товарищам⁶².

Полагаю, что из сопоставления этих двух текстов можно сделать следующие совершенно очевидные выводы:

– «история с вывешиванием портретов» в Маньчжурии действительно имела место и утверждения Ли Цзе, отрицающие достоверность сообщения о ней в интервью И.В. Ковалева, являются несостоятельными;

– в указаниях Сталина Ковалеву содержалось два пункта (о вывешивании портретов и об отношении к лидерам демократических партий). Теоретически можно предположить, что первоначально Ковалев (как он сообщает в интервью), дабы «прикрыть» Гао Ган довел до Мао только вопрос о демократических партиях, умолчал о «портретном вопросе». Если честно, то я плохо себе представляю, как советский представитель мог осмелиться не выполнить полностью указание Сталина;

– И.В. Ковалев в интервью, похоже, чрезмерно заостряет и драматизирует китайскую критику по данному вопросу в адрес Гао Гана. В материалах 1949 г. не упоминается ни заседание Политбюро, ни угрозы вывести Гао Гана из ЦК КПК. Выясняется, что в

процессе критики фамилия Гао Гана вообще не называлась. Возможно, что на И.В. Ковалева здесь косвенное влияние оказала советская пропаганда 60-х — начала 80-х годов, в которой Гао Гана пытались представить как одного из лидера «здоровых сил», которого «маоисты» погубили за близость к СССР;

— в интервью Иван Владимирович несколько завышает свою роль в вопросе о принятии решения о вывешивании портретов. Из материала 1949 г. следует, что такое решение отнюдь не было итогом его договоренности с Мао Цзэдуном, но было принято ЦК КПК самостоятельно.

О контактах Гао Гана с Советским Союзом. Ли Цзе в своей статье категорически опровергает сообщения о том, что Гао Ган передавал советским представителям закрытые сведения о ситуации в КНР и компартии Китая. Однако существует достаточно высказываний китайских лидеров относительно несанкционированных связей Гао Гана с СССР. В официальных документах такие обвинения в то время не обнародовались, дабы не бросить тень на «братские и дружественные» отношения, существовавшие тогда между Пекином и Москвой⁶³. В последнее время обнародовано немало бесед китайских представителей с советскими относительно «дела Гао Гана». Мао Цзэдун знал о том, что Гао Ган снабжал советскую сторону закрытыми материалами, по крайней мере, со времен своей поездки в Москву в декабре 1949 — январе 1950 гг. Похоже, Мао Цзэдуна все это не слишком волновало, пока информация Гао Гана затрагивала только позиции Лю Шаоци, Бо Ибо и других деятелей, которые и с точки зрения самого Мао нуждались в критике. Все моментально изменилось, как только Мао ощутил, что эта деятельность Гао Гана, возможно, угрожает его собственным позициям.

Полагаю, что приведенные выше факты позволяют сделать вывод об исторической достоверности опубликованного в 1991 г. интервью с И.В. Ковалевым.

1. Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным (интервью с личным представителем И.В. Сталина в Китае И.В. Ковалевым) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. См. также: Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет / Под общ. ред. акад. А.А. Кокошина, вступ. ст. акад. В.С. Мясникова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 283–309.
2. *Ши Чжэ*. Рядом с великанами истории: Воспоминания / ред. Ли Хайвэнь. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1991. 614 С.
3. Это заключение Ли Хайвэнь является неоспоримым. Однако для меня остается загадкой, как мог Ши Чжэ перепутать даты отъезда — ведь с днем отъезда делегации во главе с Лю Шаоци в Китай в его воспоминаниях связана целая история. Ши Чжэ рассказывает, что как только автомобиль, в котором он ехал вместе с Ковалевым, выехал из ворот Чжуннаньхуа, Ковалев сказал, что согласно российским поверьям все дни, на которые приходится первое число являются несчастливими. Вскоре после этого их машина попала в дорожное происшествие, что задержало их на несколько часов (*Ши Чжэ*. Рядом с великанами истории. С. 393).
4. Гун Юйчжи (1929–2007) — проректор Лартшколы ЦК КПК, первый руководитель Кабинета по изучению истории партии ЦК КПК, считается одним из наиболее авторитетных специалистов по истории китайской революции и истории компартии Китая.
5. Здесь допущена неточность: я приехал в эту командировку в июле 1993 г.
6. В штатном расписании российского Посольства в Пекине нет должности советника по политическим вопросам. Согласно утвержденному послом И.А. Рогачевым распределению обязанностей, за мной были закреплены такие сферы, как экономическое, военно-техническое и научно-техническое сотрудничество.
7. Пи Шэнхао говорил, что если в Советском Союзе опубликуют подлинные исторические документы по истории КНР, содержание которых может потенциально навредить интересам этой страны, то в Пекине всегда найдут способ доказать, что это — подделка, на которую не стоит обращать внимания.

8. Андрей Иванович Денисов курировал тогда в Посольстве вопросы двусторонних российско-китайских отношений и все вопросы, связанные с политической и экономической ситуацией в КНР.
9. Такая неприязнь проявлялась, в частности, в том, что Ши Чжэ в своих воспоминаниях приводит весьма нелестные слова Сталина о Ковалеве. (*Ши Чжэ. Указ. соч. С. 393*). В свою очередь И.В. Ковалев не доверял Ши Чжэ. (*Гончаров С.Н. Указ. соч. С. 294*).
10. *Ли Хайвэнь. Визиты в СССР Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, а также некоторые вопросы взаимоотношений между компартиями Китая и Советского Союза // Личности. 1993. С. 90.*
11. Там же.
12. *Goncharov S.N., Lewis J.W., Xue Litai. Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. Stanford: University Press, 1993.*
13. *Ли Цзе. Истории, которые сфальсифицировали Ковалев и Хань Суинь // Янь Хуан Чуньцю. 2012. № 7.*
14. *Ли Вэйминь. Альтернативная оценка доклада И.В. Ковалева и интервью с ним // Янь Хуан чуньцю. 2013. № 1.*
15. *Гончаров С.Н. Указ. соч. С. 284.*
16. См.: Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 88–89.
17. *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 48, 79.*
18. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 11.
19. *Гончаров С.Н. Указ. соч. С. 285; Хронологическая биография Ван Цзясяна (1906–1974 / сост. Сюй Цзэхао. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 2001. С. 364.*
20. Цит. по: *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая С. 58.*
21. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 66, 72, 78, 81.
22. Там же. С. 104.
23. См.: *Гончаров С.Н. Указ. соч. С. 285.*
24. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 107–109, 116–120, 120–121, 126–127. 128–131, 132–1346 136–138, 141–147, 148.
25. *Ли Хайвэнь. Указ. соч. С. 90.*
26. Записи секретарей Сталина, связанные с делегацией Лю Шаоци // Избранные архивные документы по истории СССР / гл. ред. Шэнь Чжихуа. Пекин: Изд-тво документации по обществ. наукам, 2000. Т. 20. С. 724, 729, 731; *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 85; Документы и материалы. Т. 5. С. 148, 163.*
27. Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1893–1976). Т. 2. С. 541; Хронологическая биография Ван Цзясяна (1898–1969). С. 374; Хронологическая биография Лю Шаоци. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1996. Т. 2. С. 220.
28. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 192–194.
29. Там же. С. 195–196.
30. См: Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1949–1976) / сост. Фэн Сяньчжи, Фэн Хуэй. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 2013. Т. 1. С. 41.
31. *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 81.*
32. *Ледовский А.М. Дело Гао Гана — Жао Шуши. М.: АН СССР. Ин-т Дальнего Востока, 1990. С. 65–66.*
33. Можно предположить, что у А.М.Ледовского вполне могли быть серьезные причины для личной неприязни к И.В. Ковалеву. В 1948–1949 гг. А.М. Ледовский являлся Генеральным консулом СССР в Шэньяне, а И.В. Ковалев в то время был личным представителем Сталина в данном регионе и не считал необходимым считаться с работавшим здесь официальным дипломатическим представителем.
34. Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1893–1976). Т. 1. С. 42.
35. Эти беседы проходили 22 дек. 1949 г. и 1 янв. 1950 г. (Там же. С. 62, 67–68).
36. *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 88–103; Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства, июль 1949 года — март 1950 года. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1998. Т. 1. С. 2.*
37. “Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 171–172; *Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 108.*
38. *Гончаров С.Н. Указ. соч. С. 288–289.*

39. Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства. Т. 1. С. 27–28.
40. Аналогичные оценки Сталиным стратегической ситуации в тот период см.: Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Феликса Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81–85.
41. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 289.
42. В книге Бо Ибо говорится: «27 (июля) Лю Шаоци, Гао (Ган) и Ван (Цзясян) обсудили военные планы со Сталиным, Булганиным и Василевским» (*Бо Ибо*. Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях. Пекин: Народ. изд-во, 1997. Т. 1. С. 38. В воспоминаниях Ши Чжэ (С. 410–415) нет ни слова о том, что 27 июля 1949 г. обсуждалась тайваньская проблема.
43. Народно-освободительная армия Китая в современную эпоху / Гл. ред. Чжан Айпин. Пекин: Китай в современную эпоху, 1994. Т. 1. С. 66–67.
44. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 229–232. См. также: Запись беседы товарища Сталина И.В. с председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзедуном 16 декабря 1949 г. // Китайско-советские отношения: собр. оригинальных документов из рос. архивов. Т. 7: с 20 окт. 1949 г. по 26 янв. 1950 г. (Документы сохранены Шэнь Чжихуа и Ли Даньхуэй) // Международ. центре по изучению истории холодной войны Восточно-китайского пед. ун-та. С. 01573—01577.
45. Вплоть до самого конца января 1950 г. Сталин последовательно отвергал просьбы Ким Ир Сена оказать содействие в организации нападения на Южную Корею. 30 января 1950 г. Сталин впервые отправил Ким Ир Сэну зашифрованную телеграмму, в которой «изъявлял готовность принять Ким Ир Сена и побеседовать с ним «по этому делу» // *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 261.
46. См. например.: *Сюе Сяньтянь*. История китайско-советских отношений в период Республики (1917–1949). Пекин: Изд-во истории партии. Т. 3. С. 74–82.
47. Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства. Т. 1. С. 16.
48. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 290.
49. Да здравствуют идеи Мао Цзедуна. Токио: Изд-во Комментариев на темы современности, 1974. С. 280. (Ксерокопия китайского издания 1969 г.).
50. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 290.
51. *Ледовский А.М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. С. 30.
52. См.: *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 293.
- 293 Аналогичная информация содержится в воспоминаниях Н.С. Хрущева и Бо Ибо, увидевших свет задолго до опубликования интервью И.В. Ковалева // Там же. С. 307–308.
53. *Ши Чжэ*. Рядом с великанами истории. С. 437–438.
54. Дневник Ван Дунсяна. Пекин: Изд-во «Современный Китай», 2010. С. 127–128.
55. *Ли Цзе*. Истории, которые сфальсифицировали Ковалев и Хань Суинь. С. 27.
56. Документы Мао Цзедуна, начиная с основания государства. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 1987. Т. 1. С. 131; Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 234–243; Китайско-советские отношения: собрание оригинальных докум. из рос. архивов. Т. 7. С. 01582–01589.
57. *Цю Хуэйцзо*. Воспоминания. Гонконг. Изд-во «Новый век», 2011. Т. 2. С. 654–656.
58. *Ли Вэйминь*. Указ. соч. С. 85.
59. Ли Чжисуй — личный врач Мао Цзедуна вспоминает, что Мао очень интересовался личной жизнью «маньчжурского царя» Гао Гана. (*Ли Чжисуй*. Воспоминания личного врача Мао Цзедуна. Тайбэй: Изд-во «Культура» газеты «Шибао», 1994. С. 141–142.
60. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 291–292.
61. Чэнь Цзягэн (Тань Кан Кее) (1874–1961) — крупнейший китайский бизнесмен, заработавший состояние в Юго-Восточной Азии. Энергично поддерживал компартию Китая, после 1949 г. занимал в КНР целый ряд руководящих постов.
62. Китайско-советские отношения: собрание оригинальных документов из российских архивов. Т. 6 (5 февр. 1948 г. — 16 окт. 1949 г.). С. 01477–01478.
63. *Ли Вэйминь*. Указ. соч. С. 84.

Роль стран Азии в развитии внешней торговли и экономического роста Японии в XVIII—XIX вв.

© 2014

О. Емельянова, Д. Щербаков

Авторы анализируют процессы становления Японии в качестве активного участника международной торговли, выявляют связи развития экспортно-импортной торговли Японии. Подчеркивается особое значение азиатского рынка, сыгравшего исключительную роль в становлении Японии как экспортера готовой продукции и развитии японской экономики в период с момента «открытия страны» и до начала XX в.

Ключевые слова: торговля, Япония, Азия, экспорт, импорт, рынок, торгово-производственные цепочки.

Существует ряд теорий, в которых среди факторов роста индустриальной экономики особое внимание уделяется развитию международной торговли. Одним из примеров является теория, предложенная американским экономистом С. Кузнецом, который утверждает, что начало индустриального экономического роста небольших стран (к которым исследователь относит и Японию) напрямую связано с уровнем активности страны на международном рынке, в то время как рост экономики крупных стран в меньшей степени зависит от этого фактора¹. В этой связи можно также отметить «гипотезу роста при ведущей роли экспорта» японского исследователя М. Синохара, который напрямую связывает рост экономики Японии с ростом объемов японского экспорта, обращая внимание на роль экспорта как двигателя экономического развития². При этом важная роль отводится ведущим экспортным товарам, которые становятся «локомотивом» всего экономического развития. В этой части теория М. Синохара близка точке зрения Х. Еннис и Д. Норты, разработавших «теорию ведущих экспортных товаров» на основе экономического развития Канады и Австралии³. Ученые связывают рост экономик изучаемых стран с расширением поставок в страны Старого Света⁴ таких сырьевых товаров, как меха, руда, овечья шерсть и пшеница, отмечая существенное по сравнению с общемировым уровнем увеличение объема экспорта в период с 1889 по 1900 гг.⁵, что было обусловлено повышением спроса на эти товары, а не с внутренней политикой стран, направленной на поддержку отечественных экспортеров.

Среди исследований экономической истории Японии встречаются и работы, в которых, в частности, решающая роль в экономическом развитии страны отводится увеличению внутреннего спроса и расширению внутреннего рынка. К ним в первую очередь относится исследование экономиста В. Локвуда, а также работа И. Окава и Х. Розовского⁶. При этом следует отметить, что даже эти экономисты, выделяя роль внутреннего

Емельянова Олеся Николаевна, старший преподаватель кафедры Цивилизационного развития востока Отделения востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: Oemelianova@hse.ru.

Щербаков Денис Аркадьевич, кандидат экономических наук, заместитель заведующего Отделением востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: dsherbakov@hse.ru.

спроса как основного фактора роста индустриальной экономики Японии, не отрицают существенной роли экспорта в экономическом развитии страны.

В данной статье авторы попытались проанализировать процесс становления Японии в качестве активного участника международной торговли, выявить причинно-следственные связи развития внешней торговли Японии, сделать акцент на особом значении азиатского рынка, сыгравшего исключительную роль в становлении Японии как экспортера готовой продукции. Опираясь на приведенные выше теории, авторы рассмотрели роль международной торговли как одного из факторов роста индустриальной экономики Японии с момента открытия страны и до начала XX в.

* * *

XIX в. характеризовался значительным расширением мировых экономических взаимосвязей. И хотя центральное место в международной торговле по-прежнему оставалось за Европой, мировой круговорот торговых связей усиливался, активно вовлекая не только США и Австралию, но и страны Азии. Данный процесс постепенно расширял географию международных отношений, а также распространял знания и технологии в новых масштабах мировой экономики.

Тем не менее, процессы распространения знаний и освоения странами-реципиентами новой информации происходили отнюдь неоднородно, захватывая экономическое развитие стран — участниц международных отношений с разной интенсивностью. Формирование системы международной торговли осуществлялось между странами с разным уровнем экономического и технологического развития.

Наиболее активные и быстрорастущие торговые связи установились между европейскими странами и Новым Светом. По этой причине большинство исследований посвящено именно этой проблематике как наиболее значимой в развитии международной торговли рассматриваемого периода. Однако, на наш взгляд, азиатская торговля в мировом масштабе тоже играла немаловажную роль.

Во-первых, активно велась внутриазиатская торговля, усиливавшая предпосылки развития внутрирегиональной страновой специализации. Росту объема экспорта стран Восточной Азии к середине XIX в. способствовал спрос со стороны Запада на сырье, в том числе на шелк-сырец со стороны США. Вначале основные объемы экспорта шелка-сырца в США приходились на Китай, однако в последней четверти XIX в. к активному экспорту этого товара подключилась и Япония. Другим важным направлением в этот период стал импорт капитала из стран Запада, включая средства производства, необходимые для строительства в странах Азии верфей, портов, железных дорог и фабрик, развития транспортной инфраструктуры, разработки месторождений полезных ископаемых, создания крупных хозяйств для выращивания сельскохозяйственных культур, в частности, сахарного тростника.

Для разработки месторождений полезных ископаемых и возделывания плантаций требовалось много рабочей силы. Концентрация трудовых ресурсов в районах, сильно удаленных от мест производства риса, специй, опиума и сухой рыбы, которые потреблялись местным населением в большом количестве, стимулировала развитие внутрирегиональной торговли в Азии. Японский исследователь С. Каору в отмечает, что «возможно, самый очевидный пример [влияния Запада] — это развивающее воздействие создания плантаций и разработки месторождений в Южной и Юго-Восточной Азии»⁷. Вся внутрирегиональная торговля, основной вектор которой был направлен из традиционных и новоорганизованных районов возделывания риса в районы, ориентированные на создание экспортной продукции для стран Запада, велась во многом силами азиатских торговцев, в основном из Индии и Китая. Такая же ситуация постепенно устанавливалась в районах производства шелка-сырца и чая, которые к концу XIX в. стали основными статьями экспорта Китая и Японии в страны Запада. Хозяйства, сконцентрировавшие

свое внимание на выращивании тутовых деревьев и чайных кустов, перестали обеспечивать себя рисом, закупаая этот продукт в регионах, специализирующихся на рисоводстве. Центрами азиатской торговли рисом стали порты Сингапура и Гонконга. С целью дальнейшего перераспределения этого продукта, в том числе и внутри азиатского региона, сюда приплывали корабли из Юго-Восточной Азии, включая Сиам, Бирму и французский Индокитай.

Если проследить путь продажи в Азии сахара, еще одного товара, потребление которого там постоянно увеличивалось, то следует обратить внимание на поставки сахара с Тайваня в Японию, а также из голландской Ост-Индии в Индию и Японию⁸. При этом необходимо отметить, что внутриазиатская торговля охватывала практически все страны Азии. Кроме того, система закрытых портов в Китае и Японии⁹, с одной стороны, защищала внутренние рынки от вмешательства европейских торговцев, с другой — увеличивала цепочку посредников, усложняя экономические отношения в регионе, но тем самым оказывая и развивающее влияние на экономики этих стран.

На основе торговых путей, сформированных внутрирегиональными поставками сырья, постепенно начинала развиваться и торговля готовыми товарами, формируя еще более сложные товарные цепочки. Это могли быть и традиционные товары ручного производства, товары с некоторой долей фабричного производства, постепенно также появлялись товары, полностью изготовленные мануфактурным способом.

В итоге сочетание большого внутрирегионального рынка и прочных торговых связей между его участниками стало базой для индустриализации Японии в конце XIX в.

Место Японии в мировой торговле в XVIII—XIX вв.

Отличительной особенностью Японии является тот факт, что эта страна после почти полной трехвековой изоляции от внешнего мира только во второй половине XIX в. вернулась к активному взаимодействию с азиатским регионом, позже многих других азиатских стран начала налаживать торгово-экономические связи со странами Запада, но уже ко второй четверти XX в., полностью перестроив структуру производства, обозначила свое место в мире как новая индустриальная держава. В XVI в. еще до введения законов о прекращении «свободных внешних сношений» с другими странами Япония в большей степени выступала в роли потребителя готовых товаров, импортируя шелковые ткани из Китая и Индии, а также керамическую утварь из Китая и Кореи. Кроме того, выращивая внутри страны только зерновые и пеньку, Япония закупала и ряд сырьевых товаров, в основном рис, хлопок и сахар¹⁰. Таким образом, до XVII в. Япония сильно зависела от поставок целого ряда иностранных товаров. Однако после принятия решения о начале проведения политики изоляции, ситуация в стране постепенно начала меняться в сторону сокращения импорта и его замещения внутренним производством импортируемых ранее товаров.

К середине XVIII в. Япония полностью перешла на самообеспечение всеми необходимыми товарами. М. Морисима в своей статье «Каким образом Япония добилась успеха» отмечает, что «изоляция страны была равносильна протекционистской торговой политике»¹¹. Период изоляции позволил сформироваться внутреннему производству и отточить умение копировать иностранные технологии. Этот навык оказался стратегически важен и в период индустриализации страны, позволив Японии во второй половине XIX в. в кратчайшие сроки перенять европейские технологии.

Перечень товаров, закупаемых через голландскую Вест-Индскую компанию и немногочисленных китайских торговцев, в XVIII в. сводился лишь к предметам роскоши, включая технологические новинки Запада в единичных экземплярах, а также литературе философского и научного характера¹². В начале XIX в. импорт Японии пополнился поставками европейского вооружения. К моменту открытия страны в третьей четверти

XIX в. обнаружилось, что товары, производимые для внутреннего рынка, и по цене, и по качеству были конкурентоспособны и на рынках стран Азии, что позволило Японии войти в сложившуюся к тому моменту систему мировой торговли. С середины XIX в., принципиально поменяв характер взаимодействия с внешним миром, Япония изменила ориентиры своего развития, сфокусировавшись на модели развития стран Запада, тем самым поменяв парадигму своего экономического развития.

Уже с самого начала взаимодействия Японии с западными державами уровень концентрации японского внутреннего рынка, в особенности в крупных городах страны, ничуть не уступал ведущим мировым державам. Формирование новых и усложнение существующих товарно-производственных цепочек способствовало развитию транспортной инфраструктуры, что в свою очередь привело к укреплению рыночных взаимосвязей между регионами.

Одним из индикаторов концентрации японского внутреннего рынка может служить факт существования крупных городских центров. Например, Токио к концу эпохи Токугава имел население численностью 1 млн человек, соответствуя по этому показателю Лондону. Осака и Киото насчитывали 300 тыс. и 200 тыс. человек соответственно, Нагоя и Канадзава — около 100 тыс. человек. В это же время в Англии, за исключением Лондона, «не было других городов, население которых превышало 100 тыс. жителей. Только 5 городов насчитывали более 50 тыс. человек»¹³.

Другим фактором, способствовавшим росту экономики Японии, можно назвать влияние рационализма конфуцианской философии, прочно укрепившегося в сознании японского общества в период изоляции страны. В отличие от Европы, где религия долгое время ограничивала потенциал развития научных знаний, в Японии научные знания Запада приживались легко, не вызывая противоречий в сознании японцев, что во многом можно объяснить «интеллектуальностью конфуцианства»¹⁴.

Япония, хотя и была закрытой страной на протяжении более двух столетий, сохраняла пусть и ограниченную, но регулярную связь с внешним миром через порт Нагасаки, в основном через голландских, китайских и индийских торговцев. Таким образом, правительство Японии не было полностью отрезано от событий, происходящих в странах Азии. Сложилась ситуация, при которой происходило потребление Японией только информации извне, а возможность распространения информации о событиях, происходящих внутри страны, исключалась¹⁵.

Таким образом, предпосылки к дальнейшему экономическому развитию Японии во многом были заложены в предшествующий открытию страны период, а изоляция может быть расценена как положительный фактор, создавший особые внутриэкономические условия для развития экономики в новых условиях после реставрации Мэйдзи.

Своеобразным Рубиконом, после которого начались существенные перемены, стало появление в 1853 г. американских кораблей в порту Симода. Оно явилось важным импульсом, ускорившим многие процессы экономического развития страны. Давление со стороны американского флота стало поворотным моментом в процессе открытия Японии для свободной международной торговли.

Открытие страны и смена парадигмы торговых отношений

К 1858 г. Япония подписала торговые договоры с США¹⁶, Голландией¹⁷, Россией¹⁸, Англией и Францией, по которым с 1859 г. открыла для торговли три порта: Канагава (нынешний порт Иокогама), Нагасаки и Хакодате. Подписанные соглашения включали в себя договоренности между странами о юридических правах официальных представителей, таможенных тарифах и правилах режима наибольшего благоприятствования¹⁹. Позже, в 1868 г. был открыт еще один крупный порт Кобэ. Эти решения стали важ-

ным шагом на пути к новой роли Японии в мировых экономических отношениях, повлекшим за собой последующую модернизацию страны.

Преследуя цель сохранения максимального государственного контроля над внешней торговлей, японское правительство сделало основным торговым центром Иокогаму — порт, расположенный в наибольшей близости к столице Японии (г. Эдо). Кроме того, правительство страны сохранило систему закрытых припортовых территорий для проведения внешнеторговых сделок и проживания иностранцев.

Ставки таможенных пошлин на ввозимые из США хлопчатобумажные и шерстяные изделия составляли 20%, из Англии — 5%. В связи с отказом в 1866 г. открыть порт в г. Симоносэки, правительство Японии приняло решение снизить до 5% ставки таможенных пошлин на большинство товаров, ввозимых из других стран. Таким образом, ставки ввозных таможенных пошлин Японии сравнялись с уровнем пошлин в Китае, установленных в 1858 г. соответствующими торговыми договорами с Россией, США, Англией и Францией²⁰.

В японской историографии сформировалась точка зрения, утверждающая, что открытие японских портов и хлынувшие вслед за ним в Японию товарные потоки подорвали местное ручное производство хлопчатобумажных тканей. В частности, такое мнение можно встретить в работах таких японских исследователей, как Т. Кодзима, Н. Такамура, Т. Накамура²¹. В статье Синкити Нагаока²² приведены данные, свидетельствующие, что импорт хлопчатобумажных изделий из Великобритании в период с 1860 по 1867 гг. составлял примерно половину всего стоимостного объема импорта Японии. Другими крупными статьями японского импорта в тот период являлись шерстяные изделия, цинк, олово, свинец и оружие.

С другой стороны, высокий спрос со стороны Запада на такие товары, как хлопок-сырец, составлявший более половины объема японского экспорта²³, чай и шелк-сырец резко сократил их предложение внутри страны, в результате чего произошло повышение цен на эти товары на внутреннем рынке. Английский консул в Хакодате Р. Оллок после разговора с главой района Канагава записал в дневнике: «Нет сомнений, что цены сильно поднялись не только на товарные статьи, на которые мы создали новый спрос, но все подорожало. Такое удорожание товаров должно негативно сказаться на японских потребителях»²⁴. Правительство Японии в последующий период наращивания производственных мощностей неоднократно пыталось использовать инструменты защиты внутреннего рынка для решения возникшей проблемы, однако все попытки были сведены на нет в связи с необходимостью соблюдения подписанных ранее торговых договоров.

Ситуация усложнялась еще и тем, что курс золота к серебру на внутреннем рынке Японии составлял 1 к 3²⁵, в то время как в странах Запада это соотношение составляло примерно 1 к 15. Заниженная по сравнению со странами Старого Света стоимость золота привела к его масштабному оттоку из Японии. Многие негоданты в торговле с Японией стали заниматься лишь спекулятивными операциями с золотом, так как это приносило не менее 100% прибыли и избавляло от рисков неожиданной смены конъюнктуры рынка²⁶.

В работе «История корпоративной собственности в Японии» К. Рандал и М. Накамура приводят сравнение периода резких социальноэкономических изменений и преобразований в Японии с «шоковой терапией» реформ 90-х гг. в постсоветских странах²⁷. В кратчайшие сроки правительство Японии ввело демократические и капиталистические принципы западной модели государственного устройства, провело фундаментальные реформы всех социально-экономических институтов. Произошла смена приоритетов Японии относительно ее участия в международной торговле. Принципиально новым стало даже не открытие портов для иностранных коммерсантов после предшествующего периода торговой изоляции страны, а смена государственной внешнеторговой стратегии страны.

Становление Японии в международной торговле во второй половине XIX в.

В первые два десятилетия после открытия портов для иностранной торговли внутриэкономическую ситуацию в Японии можно охарактеризовать как крайне сложную и нестабильную. Смена социально-экономической системы и отсутствие времени для плавной адаптации к принципиально новым экономическим реалиям привели к дисбалансу и в производственной, и в финансовой, и в торговой сферах. Формирование в Японии нового хаотично развивающегося капиталистического рынка привело к разрушению многих традиционных торгово-производственных цепочек.

Сложившаяся ситуация предопределила на первоначальном этапе более выгодное положение зарубежных участников торговли с Японией, так как для них складывающиеся правила ведения деловых отношений оказались более привычными и естественными. Возможности Японии по ведению международной торговли были ограничены по причине отсутствия флота и опыта торговли за рубежом, что позволило европейским, китайским и индийским негодантам в первые два-три десятилетия после открытия страны полностью контролировать экспортно-импортные операции Японии. Таким образом, после прекращения изоляции торговля Японии и со странами Запада, и со странами Азии полностью осуществлялась иностранными торговцами.

Однако, если сложившаяся ситуация в торговле с западными державами оставалась практически неизменной до периода послевоенного роста Японии, в торговле со странами Азии уже в течение второй половины XIX в. наблюдалось существенное усиление позиций японских негодантов. Этот факт долгое время оставался за пределами исследований европейских и российских специалистов, и именно поэтому азиатский вектор развития японской торговли со второй половины XIX в. представляет для авторов особый интерес.

Во-первых, на этом примере становится более очевидна трансформация японской экономической среды во второй половине XIX в. Если еще в середине XIX в. Япония не имела ресурсов для самостоятельного ведения международной торговли, то к началу XX в. японские торговцы успели заявить о своем полномасштабном присутствии на азиатском рынке, составив конкуренцию индийским и китайским торговцам. Во-вторых, самостоятельное участие Японии позволило осуществлять контроль в торговых операциях со странами Азии, а также расширить рынок сбыта своей продукции, что в свою очередь способствовало росту производственных мощностей внутри страны.

Энергичность китайских и индийских негодантов, их предприимчивость, а также обладание более точной информацией о конъюнктуре товарных рынков азиатских стран, по сравнению с европейскими торговцами, давали им особое преимущество. Китайские торговцы почти монополизировали торговлю японскими готовыми товарами на территории Восточной Азии. Поставки японского шелка в Индию были полностью под контролем индийских торговцев²⁸.

В журналах эпохи Мэйдзи, посвященных вопросам торговли, часто встречаются заметки, акцентирующие внимание на том, что японские торговцы испытывают сильную конкуренцию со стороны китайских негодантов, проживающих в Японии: «Китайские торговцы искусны в ведении торговых войн, они легко побеждают японских коммерсантов и не дают им дотянуться до китайского рынка напрямую»²⁹. В одной из работ японского исследователя Н. Каготани приводятся данные из «Таможенного доклада порта Кобэ», относящиеся к экспорту товаров из Кобэ в Азию. Анализ этих данных показал, что доля сделок с участием китайских торговцев составляет 63% стоимостного объема оборота порта³⁰. А в работе Т. Хамасита приводится мнение о том, что китайские коммерсанты составляли столь серьезную конкуренцию для японских торговцев в эпоху Мэйдзи

зи, что задача найти правильный «ответ» на «систему зарубежной торговли, центром которой является Китай», была ничуть не менее важной, чем задача догнать Запад³¹.

Однако китайские торговцы составляли конкуренцию не только японским, но и европейским. Ф. Кадзуко в своей работе «Kobe seen as Part of Shanghai trading network» на основании английских консульских отчетов о состоянии торговых дел Англии «Commercial Report on Huogo» делает заключение о том, что в 1874 г. торговля такими товарами, как рис, сахар, бобовые, лекарства, хлопок-сырец, красители для тканей, была монополизирована китайскими коммерсантами. Причем такая же ситуация сложилась в портах Нагасаки и Иокогама.

Единственной нишей на японском рынке для Англии оставались поставки готовой мануфактурной продукции: хлопчатобумажные и полушерстяные ткани и пряжа, вельвет, камлот. Однако уже в отчете 1875 г. есть запись о том, что «1/3 всего японского импорта хлопчатобумажной ткани была поставлена на японский рынок китайскими торговцами, закупившими ее на аукционах в Шанхае». А в отчете 1877 г. уже совсем четко сформулировано, «что японский рынок полностью оказался в руках китайских торговцев, с которыми другие иностранцы не могут конкурировать»³². Такое преимущество китайских торговцев объясняется тем, что «они могут приобретать товары в Шанхае в кредит. Они привозят их в Японию и продают, во многих случаях не заботясь, принесет им эта сделка потери или нет. Основная задача заключается в том, чтобы получить деньги для инвестиций в производство у себя в Китае, доход от которого покроет в дальнейшем любые издержки, полученные при предыдущих сделках»³³.

Однако с течением времени позиции японских торговцев стали усиливаться. Доля экспорта Японии, осуществляемого японскими торговцами, в общем стоимостном объеме экспорта страны неуклонно росла. В 1877 г. этот показатель составлял 3,6%, в 1887 г. — 12,5%, в 1893 г. — 15,2%, в 1897 г. — 27,2%, в 1900 г. — 36,8%. Наблюдалось и увеличение аналогичного показателя для японского импорта: 1877 г. — 1,5%, 1887 г. — 11,3%, 1893 г. — 18,9%, 1897 г. — 36,2%; 1900 г. — 39,2%.³⁴ В основном японские торговцы конкурировали не с европейскими, а с китайскими и индийскими, завоевывая азиатский рынок. Это в том числе подтверждается средними темпами роста объемов внешней торговли Японии со странами Азии в период с 1883 по 1913 гг., которые составляли 13,5% и были гораздо выше темпов роста объемов торговли азиатских стран со странами Запада — 3,75%³⁵.

Тем не менее, следует отметить, что до начала XX в. Япония почти 40 лет оставалась в большей степени экспортером сырья, а импорт составляли дешевые товары промышленного западного производства.

Большое значение для Японии имела внешняя торговля со странами Азии, доля которой в общем объеме ее внешней торговли постоянно росла. В 1883 г. стоимостной объем импорта товаров из Азии составлял 29% от общего импорта Японии, в общем объеме экспорта японских товаров на азиатские страны приходилось примерно 20%. В 1898 г. на страны Азии уже приходилась практически половина стоимостного объема внешней торговли Японии: 48,5% экспорта и 48% импорта. Во втором десятилетии XX в. объем внешней торговли с азиатскими странами впервые превысил объем торговли со странами Старого Света. Объем внешней торговли Японии с США в то время был незначительным. США небольшими партиями поставляли на японский рынок нефтехимическую продукцию, в первую очередь, керосин³⁶.

Наблюдался и постоянный рост доли японских товаров в торговых потоках внутриазиатского региона. Если в 1883 г. доля японских товаров составляла только 4% рынка региона, то к 1898 г. этот показатель составил 14%, в 1913 г. — 23%, а к 1928 г. доля японских товаров превысила 30%³⁷. На первоначальном этапе основу японского экспорта в страны Азии составляли рыба и морепродукты, однако уже к концу XIX в. в ассортимент товарных статей японского экспорта стала входить и готовая промышленная продукция.

В 1890 г. состоялась первая крупная поставка (31 тьюк) хлопчатобумажной пряжи в Китай, что существенно увеличило долю экспорта японской готовой продукции в страны Азии. Это событие стало важным шагом на пути диверсификации японского экспорта в зарубежные страны. С этого момента на протяжении 30 лет хлопчатобумажная пряжа была ведущим экспортным товаром машинного производства и поставлялась в первую очередь в страны Азии³⁸. С 1870-х гг. правительство Японии приступило к активному импорту новых производственных технологий и закупкам текстильного оборудования, что к 1885 г. позволило Японии приступить к современному производству тканей. Уже с начала 1880-х гг. Китай стал осуществлять крупные закупки японской хлопчатобумажной пряжи машинного производства. В 1890-х гг. японские компании смогли составить серьезную конкуренцию Индии — основному поставщику хлопчатобумажной пряжи на азиатский рынок. Рост объемов зарубежных поставок хлопчатобумажной пряжи, изготавливаемой из собственного сырья, стал причиной возникшего в конце XIX в. дефицита хлопка на внутреннем рынке страны. В течение нескольких лет Япония превратилась в крупного импортера хлопка-сырца из Индии³⁹.

Таким образом, в конце XIX в. Япония, увеличив производство пряжи и хлопчатобумажной ткани мануфактурного производства, стала поставлять их на рынки Азии в больших объемах, что обусловлено в основном следующими факторами. Во-первых, в результате экспорта хлопка-сырца на Запад страны Юго-Восточной Азии сократили свое собственное текстильное производство, вследствие чего на внутренних рынках этих стран наблюдался дефицит готовой текстильной продукции. Во-вторых, стандарт ширины полотна японского производства точно совпадал с требованиями азиатских стран, что было необходимо для изготовления традиционной одежды, в то время как европейское полотно было в 2 раза шире. С. Каору, анализируя приведенные выше два фактора конкурентоспособности японского текстиля на азиатском рынке, склоняется к выводу, что второй сыграл более существенную роль, поскольку японское производство было более гибким, адаптивным к различным требованиям местных рынков. В-третьих, стоимость тканей, поставляемых из Европы в Азию, была выше из-за затрат на их транспортировку.

Кроме того, многие европейские страны, используя собственное сырье, исконно производили шерстяные ткани. Однако шерсть не пользовалась большим спросом на азиатском рынке, в первую очередь, в жарких странах Южной и Юго-Восточной Азии⁴⁰. Поэтому основные поставки тканей, производимых странами Старого Света, в первую очередь Англией, стали осуществляться на рынки Европы и США.

Особенность японского хлопчатобумажного производства заключалась в том, что в отличие от западного крупномануфактурного оно осуществлялось на большом количестве мелких и средних предприятий, это способствовало выпуску широкого спектра товаров⁴¹.

Однако эта особенность оказывала и так называемый «сдерживающий эффект» на распространение в японском производстве механических и автоматизированных ткацких станков: ручные ткацкие станки окончательно уступили место современным западным технологиям только в 1920-х гг. В это же время окончательно сформировались и окрепли основные торговые дома Японии, такие как Мицуи Буссан, которые могли сократить издержки и снизить цены за счет больших объемов производства и продаж⁴².

Определенная роль в завоевании Японией азиатского рынка тканей принадлежит и торговым объединениям Японии. «Торговые ассоциации японцы стали создавать отчасти с целью преодолеть китайскую монополию на торговлю»⁴³. Эти объединения прикладывали немалые усилия для того, чтобы взять под свой контроль каналы внешней торговли, а также лоббировать свои интересы в японском правительстве.

В этой связи ярким примером может послужить деятельность созданной в 1882 г. Японской ассоциации хлопчатобумажных предприятий (Нихон босэки рэнго-кай). В период кризиса 1890 г.⁴⁴ ассоциация приняла решение продолжать активное освоение

рынка хлопчатобумажных изделий азиатских стран. Для достижения этой цели было заключено соглашение с Японской почтово-пассажирской компанией (Нихон юсэн кайся) сроком на 5 лет о том, что ассоциация обязуется независимо от конъюнктуры рынка ежегодно перевозить по меньшей мере 30 000 тюков хлопка, а Японская почтово-пассажирская компания — снизить стоимость перевозки до Шанхая с 5 до 3 иен за тонну. Это предприятие оказалось очень успешным, позволив Ассоциации пережить кризисный период и, более того, активно закрепиться на китайском рынке⁴⁵.

Становление японской внешней торговли происходило не только за счет благоприятной конъюнктуры рынков азиатских стран и деятельности ассоциаций японских торговцев, но и благодаря активному участию правительства страны, направленному на формирование и укрепление японских торговых домов и создание конкурентоспособной на международном рынке японской промышленной продукции.

Особый акцент был сделан на завоевании азиатского рынка. Организовав в странах Азии консульства, правительство Японии собирало подробную информацию о малейших изменениях конъюнктуры местных рынков: консулы внимательно изучали и анализировали вкусы и предпочтения потребителей, выявляли оптимальное соотношение качества и цены товара. Далее эти данные поступали в правительство Японии и бесплатно распространялись через торговые палаты и ассоциации производителей.

С 1895 г. Министерством торговли и сельского хозяйства Японии стали реализовываться различные программы поддержки японских производителей. Благодаря этим программам произошел значительный рост объемов экспорта хлопчатобумажной продукции — одежды, нижнего белья, носков, галантерейных товаров, а также зонтов и лекарств⁴⁶. Ассортимент экспортируемой продукции был весьма разнообразен и полностью соответствовал потребностям местных рынков. В частности, для индийского рынка специально производилось мужское нательное белье⁴⁷. Многие товары японского мануфактурного производства не имели европейских аналогов и позволили Японии успешно утвердиться на азиатском рынке.

Таким образом, выйдя в середине XIX в. на мировой рынок, Япония быстрыми темпами наращивала объемы внешней торговли, как со странами Запада, так и со странами Азии. Причем значение торговых отношений с азиатским рынком неуклонно возрастало, постепенно меняя не только количественные, но и качественные характеристики. К концу XIX в. Япония для стран Запада продолжала оставаться экспортером сырья (шелк и чай) и импортером средств производства. Однако структура внешней торговли Японии со странами Азии претерпела существенные изменения, в результате которых для Азии Япония стала играть качественно иную роль — как импортер сырья (хлопок, рис) и экспортер готовой хлопчатобумажной продукции.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на первоначальном этапе, проводя активное освоение зарубежных рынков, Японии своими силами не удалось осуществить поставки собственной продукции за рубеж, что было обусловлено недостаточной осведомленностью японских торговцев о конъюнктуре зарубежных рынков, правилах ведения международной торговли и отсутствием собственного торгового флота. Однако за несколько десятилетий японские торговцы сумели выйти на уровень индийских и китайских, не только составив им достойную конкуренцию, но и со временем обыграв их в торговых войнах в азиатском регионе.

В поиске новых возможностей освоения зарубежных рынков Япония, воспользовавшись расширением спроса со стороны азиатских стран на готовую продукцию и импортом европейских производственных технологий, к началу XX в. стала выступать в качестве поставщика не только сельскохозяйственной продукции, но и готовых товаров, выйдя на рынок с готовыми изделиями текстильного производства.

Важную роль в укреплении позиций Японии на азиатском рынке сыграло то, что приоритет выстраивания надежных долгосрочных контрактов в противовес погоне за сию-

минутной выгодой позволил сформироваться крупным торговым домам Японии, таким как «Мицуи», «Сумитомо», «Кононкэ». На основе написанных их основателями уставов торговые дома Японии смогли продолжить свое успешное развитие в новых условиях. Конфуцианская и самурайская морали заложили основы корпоративной этики, базировавшейся на принципах бескорыстного служения общему делу. Эта же система конфуцианских норм сформировала в японском обществе предпосылки для легкого восприятия материальной культуры других стран, позволила легко перенять основы современной научной европейской мысли и быстро перейти к этапу внедрения технологий.

Немаловажным фактором являлся относительно высокий уровень образованности японского общества к моменту открытия страны, который во многом не уступал европейскому. Широкое распространение навыков чтения, письма и счета также способствовало быстрому распространению достижений западной культуры.

Отдельно следует отметить роль государственной внешнеэкономической политики и деятельность ассоциаций японских торговцев. Несмотря на трудности переходного периода, японское правительство продолжало проводить реформы, направленные на становление новой институциональной системы, образцом для которой стало устройство капиталистических европейских государств. С одной стороны, через заимствование иностранных технологий и развитие внутреннего производства создавалось рыночное предложение; с другой стороны, через развитие инфраструктуры для осуществления морских перевозок, создание разветвленной сети по сбору информации об иностранных рынках правительство вносило свой значимый вклад в расширение рынка сбыта японских товаров. Финансовая и таможенная политика, торговая дипломатия способствовали становлению успешной деятельности Японии на мировом рынке, что в свою очередь способствовало укреплению основ современной экспортно-ориентированной модели японской экономики.

1. *Kuznets S. Modern economic growth: rate, structure and spread. Yale University Press, 1966. С. 279–281.*
2. *Синохара Миэхэй. Нихон кэйдзай но сэйтё то дзюнкан Экономический рост Японии и цикличность). Изд-во Собоунся, 1961. С. 367–369.*
3. *North D.C. Location theory and Regional economic growth // Journal of political economy. № 63, июнь. С. 247.*
4. Старый Свет — культурная ойкумена Земли, известная европейцам до открытия Америки Колумбом в 1492 г., которая в противопоставление была названа Новым Светом.
5. *Kuznets S. Modern economic growth: rate, structure and spread. Yale University Press, 1966. С. 288.*
6. *Lochwood W.W. The Economic Development of Japan: Growth and Structural Change, 1868–1938. Princeton University Press, 1954. С. 411, 493–494, 751. Окава И., Розовский Х. Нихон но кэйдзай сэйтё — 20 сэйки ни окэру сусэй касоку [Рост экономики Японии — усиление тенденции в 20 веке]. Тоё кэйдзай синпося, 1973. С. 204–205.*
7. *Kaoru Sugihara. The Economic development of modern Japan, 1868–1945: from the Meiji restoration to the Second World War, 2011 // Japan as an engine of the Asian international economy — 1880–1936. С. 37.*
8. *Kaoru Sugihara. The Asian International Economy // Japan as an engine of the Asian international economy, 1880–1936. С. 37; Patterns of Intra-Asian Trade. 1898–1913 // Osaka City Univ. Economic Review. 1980. No. 16.*
9. Система договоров с иностранными торговыми партнерами, появившаяся в Китае и заимствованная в XVII в. Японией не допускала иностранных коммерсантов на внутренний рынок этих стран и ограничивала их торговую деятельность территориями закрытых портов. В Китае система не столь сильно контролировалась властями, в то время как в Японии осуществлялся жесткий контроль за ее исполнением. В период изоляции Японии с начала XVII до середины XIX вв. торговля с иностранцами была ограничена единственным портом Дадзима (г. Нагасаки). После реставрации Мэйдзи Япония увеличила количество портов, сделав новым центром торговли порт Иокогама (ближайший к Токио). В рамках этой системы иностранные торговцы

- селились на территории порта, обычно ограниченной со всех сторон естественным и искусственно созданным водным пространством. Выезд за пределы порта был возможен только по специально полученным разрешениям, которые действовали фиксированный период времени. Контроль за исполнением таких требований жестко соблюдался благодаря заставам, расположенным по всем дорогам Японии.
10. *Kawakatsu Heita*. Kindai Sekai Shisutemu to Sakoku [Современная мировая система и изоляция Японии] // *Sobun*. 1985. № 259; 1987. № 280; *Nihon bunmei to kindai seiyō* [Японская цивилизация и Запад в эпоху индустриализации]. NHK books, 1995.
 11. Митио Морисима Надзэ Нихон ва сэйкоситака? — Сэнсингидзюцу то нихонтэки синдзэ [Почему Япония добилась успеха? — Передовые технологии и японский этнос]. Изд-во: TBS Britannica, 1984. С. 15; Пер. на англ.: Why has Japan succeeded? — *Western Technology and the Japanese Ethos*. Cambridge: Univ. Press, 1984. С. 59.
 12. *Om Prakash*. The Dutch East India Company and the economy of Bengal, 1630–1750. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1985. С. 73.
 13. *Маркс К.* Капитал. М.: Прогресс, 1965. С. 660–661.
 14. *Mitio Morishima*. Why has Japan succeeded? — *Western Technology and the Japanese Ethos*. Cambridge: Univ. Press, 1984. С. 61.
 15. Особенно строго японское правительство относилось к стратегической информации, такой, например, как карты Японии. Никто не имел права передавать эти знания иностранцам, в случае же обнаружения такого факта, проступок карался смертной казнью. Но здесь интересно отметить общий подход японцев к вопросу сохранности информации. Даже внутри японского общества строго соблюдается избирательность и аккуратность при передаче информации другим лицам.
 16. Договор между Японией и США подписан в 1854 г.
 17. Предварительное соглашение между Японией и Голландией было подписано в ноябре 1855 г. Торговый договор страны подписали в 1856 г.
 18. Договор между Японией и Россией был подписан в 1855 г. Обмен ратифицированными документами состоялся в декабре 1856 г.
 19. См.: *Gubbins J.H.* The progress of Japan. С. 47–51; 235–239; 250–55.
 20. С 1872 г. Япония начала предпринимать попытки пересмотра торговых договоров, что стало основной целью миссии Ивакура Томоми. Посещение миссией США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Германии и переговоры с представителями дипкорпуса этих стран не увенчались особым успехом. Добиться заключения равноправного договора Японии с Англией удалось только в 1894 г. После этого в течение следующих двух лет по образцу договора с Англией были перезаключены Торговые договоры с остальными странами.
 21. Тосио Кодзима Сангёси III [История промышленности III]. 1966. Хлопчатобумажная продукция, которая поставлялась в город была готовой продукцией.
 22. *Синкити Нагаока*. Киндай Нихон но кэйдзай. Токэй то гайсэцу, Изд-во Минерва Сэбо. С. 146.
 23. Там же.
 24. *Alcock R.* The capital of the tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan. London. Т. 1. С. 287.
 25. Чаще всего встречается соотношение 1 к 3, однако в некоторых источниках можно найти отличное значение, как, например, 1 к 4.65 (*Синкити Нагаока*. Киндай Нихон но кэйдзай. Токэй то гайсэцу. С. 146).
 26. *Alcock R.* Op. cit. С. 281–283.
 27. *Randall K, Masao Nakamura*. A history of corporate governance around the world. Family business groups to professional managers, A frog in a well knows nothing of the ocean. A history of corporate ownership in Japan. A history of corporate ownership in Japan. Chicago: Univ. Press, 2005. С. 373–374.
 28. *Sugihara Kaoru*. The Asian International Economy, "Japan as an engine of the Asian international economy. С. 1880–1936. С. 45. *Shibu Yoshinobu*. Hakodate Kakyō Kankei Shityōshū [Historical Sources on Chinese Merchants in Hakodate]. Osaka: Daigaku Bungakubu Kiyō, 21, 1982; *Kagotani Naoto*. 1880-nen dai no Nihon otorimaku Kokusai Kantyō no Henka: Chugokujin Shōnin no Ugōki ni Chumokushite [Изменения условий международных отношений вокруг Японии в 1880-х годах с акцентом на деятельность китайских торговцев]. Aichi Gakusens Daigaku Keiei Kenkyū 2–2, 1980.
 29. Юсюцу то юнго [Экспорт и импорт] / сост. Масатора Китада. Изд-во Сёгёбунко, 08.1908, № 156. Цит. по: *Наото Каготани*. Адзиа кокусай цусэ тицудзэ то киндай Нихон [Международный порядок торговли в Азии и современная Япония]. Изд-во Ун-та Нагоя, 2000. С. 11.

30. Юдзо Ямамото. Тэйкоку но кэнкю [Исследование империи]. Изд-во Ун-та Нагоя, 2003. Гл. 8; *Наото Каготани*. Нормы свободной торговли Английской империи и система взаимоотношений в Азии. С. 318.
31. Такэси Хамасита Тюгоку киндай кайдзай кэнкю [Экономическая история современного Китая]. Токио, 1989а. Цит. по: *Kaoru Sugihara*. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy. 1850–1949. Т. 1. Oxford: Univ. Press, 2005; *Kaoru Sugihara*. An Introduction. С. 6.
32. Commercial Report on Hyogo 1875: 13–14. Т. 5, статья 595–596. Цит. по: *Furuta Kazuko*. Kobe seen as part of Shanghai trading network. С. 27. (Commercial Reports / Irish University Press Are Studies Series: British Parliamentary Papers. Japan; Embassy and Consular Commercial Reports, 1859–1899. Т. 1–10. 1971).
33. Там же. С. 27.
34. Юсюцу то юнью [Экспорт и импорт] / сост. Масатора Китада. Изд-во Сёгёбунко, 08.1908, № 154–155. Цит. по: *Наото Каготани*. Адзия кокусай цусё тицудзё то киндай Нихон [Международный порядок торговли в Азии и современная Япония]. Изд-во ун-та Нагоя, 2000. С. 12.
35. *Kaoru Sugihara*. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949. Т. 1. Oxford: Univ-ty Press, 2005. С. 5.
36. Там же; *Furuta Kazuko*. Kobe seen as part of Shanghai trading network. С. 25–27.
37. *Kaoru Sugihara*. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949. Т. 1. Oxford: Univ-ty Press, 2005. С. 9.
38. *Saxonhouse G*. How Japan first began to export machine-made manufactures to East Asia // Japanese economic review. Vol. 56, № 4. С. 431 (на основе данных из ежемесячника «Рэнго босэки»).
39. *Kaoru Sugihara*. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949. Т. 1. Oxford: Univ-ty Press, 2005. С. 5.
40. *Кавакиси Хэйта*. Nihon bunmei to kindai seiyou [Японская цивилизация и Запад в эпоху индустриализации]. NHK books, 1995. С. 9.
41. *Kaoru Sugihara*. The Asian International Economy, Japan as an engine of the Asian international economy, 1880–1936. С. 47.
42. *Saxonhouse G* Op. cit. С. 433.
43. *Наото Каготани*/ Адзия кокусай Цусё Тицудзё то киндай нихон [Международный порядок торговли в Азии и современная Япония]. Изд-во Ун-та Нагоя, 2000. Гл. 2.
44. *Кузьминов Я.И.* Экономика Японии в конце XIX — начале XX вв. // Полянский Ф.Я., Жамин В.А. Экономическая история капиталистических стран. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 208–215. В 1890 г. возник первый в японской истории кризис перепроизводства. В 1890 г. при росте цен на импортируемый хлопок цены на пряжу сильно упали. Производство хлопчатобумажных тканей сократилось на 16%. Цены же на рис выросли вследствие неурожая. Кризис тяжело ударял как по рабочему классу, так и по средним и мелким предпринимателям. Зато показал свою жизнеспособность картель текстильных фабрикантов...
45. *Norman E.H.* Japan's Emergence as a modern state. UBC Press, 2000. С. 166.
46. *Sugihara Kaoru*. The Asian International Economy, Japan as an engine of the Asian international economy, 1880–1936. С. 47. *Цунояма Сакаэ*. Нихон рёдзи хококу но кэнкю [Исследование докладов японских консульств]. Токио: Добункан, 1986.
47. *Сугихара Каору*. Дайитидзитайсэномаэ но индосидзё ни окүру нихонсэй мэриясу сэйхин но синто [Проникновение японского трикотажа на рынок Индии до Первой мировой войны] // Кайдзайгаку дзасси. 1984. Вып. 84, № 4–5.

Установление американо-корейских дипломатических отношений (1872–1885). Миссия Шуфельдта

© 2014

А. Шарафетдинова

Автор, основываясь на анализе обширного количества документальных источников, предпринимает попытку оценить результаты «открытия» Кореи вследствие подписания американо-корейского договора 1882 г. Разделяя точку зрения отечественных историков о том, что этот договор носил неравноправный характер, она, тем не менее, приходит к выводу, что договор содержал некоторые выгоды для Кореи статьи.

Ключевые слова: история Кореи, американо-корейский договор, дальневосточная политика США, открытие Кореи, Шуфельдт, посольство Кореи в США, ранний период американо-корейских отношений.

Инциденты, связанные с гонениями на католических миссионеров и уничтожением в 1866 г. американской шхуны General Sherman обратили внимание держав на Корейский полуостров. Опасаясь ответственности за поведение корейцев, пекинское правительство в то время отказалось подтвердить свой суверенитет над Кореей. Однако корейские посланцы продолжали передавать дань в Пекин, а Пекинское министерство церемоний продолжало направлять в адрес корейского правительства инструкции и сообщать ему волю императора. Таким образом, данническая форма отношений Кореи с Китаем сохранялась¹.

С конца 70-х годов XIX в. китайская позиция в отношении международного статуса Кореи стала меняться в связи с ростом японского влияния в регионе. В 1879 г. в состав Японии было официально включено островное владение Рюкю, которое до тех пор считалось «внешним» вассалом Китая. В связи с этим возникла опасность вторжения японцев и на территорию Кореи. В Пекин стали поступать предложения о «спасении» Кореи посредством заключения ею договоров с западными державами, которые обеспечили бы противовес японскому влиянию. Эти взгляды были подытожены Ли Хунчжаном в «Проекте установления торговых связей Кореи с заморскими державами» 1879 года о проведении в Корею политики «яда против яда» («использования варваров против варваров»)².

В 1880 г. Китай, не согласившись с условиями Ливадийского договора о возвращении Илийского края, призвал к войне с Россией, а в ответ русское правительство увеличило сухопутные силы у западных границ Китая и в Печилийский залив была введена эскадра адмирала Лесовского³. Под влиянием грозившего Китаю столкновения с Россией взгляды китайского правительства в отношении вассального статуса Кореи значительно изменились. Поняв важное стратегическое положение Кореи и желая обеспечить будущ-

ность сопредельной Маньчжурии, китайцы пришли к убеждению, что вступление Кореи в сношения с иностранцами станет гарантией неприкосновенности полуострова и увеличит заинтересованность в сохранении независимости Кореи от западноевропейских держав⁴. Российский посланник в Цинской империи Е.К. Бюцов в донесении от 16 сентября 1882 г. после заключения договора отмечал, что правительство богдыхана торжественно провозгласило свои намерения обращаться с этой страной не только как с вассалом, но и как с владением, составляющим часть империи. «В настоящее даже время ключи Кореи находятся не в Токио и не в Сеуле, а в Пекине», — отмечал он. Стало очевидно, что Китай желает поставить себя в такое положение, чтобы, смотря по обстоятельствам, воспользоваться своими верховными правами и в то же время снять с себя ответственность за расправу корейцев над иностранцами⁵.

Корейский ван Коджон был вынужден пойти на уступки Китаю с расчетом на то, что получит от него помощь в укреплении обороноспособности Кореи. Серьезным шагом к установлению контактов с Западом стало создание аналога китайского Цзунлиямыня — Министерства иностранных дел в Сеуле. Ключевые посты в нем заняли представители прокитайского клана Мин⁶.

Именно тогда, как считают американские историки, сформировались благоприятные условия для рассмотрения вопроса о заключении договора. Этому способствовало и то обстоятельство, что американские торговые суда уже встречали доброжелательный прием местного населения, когда подходили к восточному побережью Кореи в 1855, 1865 и 1866 гг.⁷ В 1874 г. поверенный в делах США в Пекине доложил Госдепартаменту о том, что в Корее к власти пришел новый ван. После успешного заключения в 1876 г. американо-японского договора 8 апреля 1878 г. сенатор А. Сарджент выдвинул резолюцию о назначении комиссии по заключению договора с Кореей при дружественном посредничестве Японии⁸. Поскольку резолюция не пошла дальше рассмотрения и обсуждения в Комитете по внешним отношениям, в том же году Военно-морской департамент принял решение направить в Корею коммодора Р. Шуфельдта.

Американо-корейский договор 1882 г. был подписан при содействии Китая, пытавшегося использовать США в качестве противовеса Японии в Корее. Политика Китая вызвала отрицательную реакцию российского правительства, отношения которого с соседним государством имели давнюю историю. Однако Россия предпочитала не входить в официальные отношения с Кореей до того, как это сделают другие державы и считала для себя выгоднее, чтобы Корея оставалась «замкнутой страной», так как установление Кореей дипломатических и торговых отношений с западными державами только усилит их проникновение в страну, но не положит конец видам на нее Японии.

Контр-адмирал Роберт У. Шуфельдт (R.W. Shufeldt), подписавший американо-корейский договор 1882 г. со стороны США, впервые побывал в Корее в 1867 г., когда, командуя американским военным судном *Wachusett*, был направлен туда для исследования дела о погибшей шхуне *General Sherman*. Следующая поездка Шуфельдта в Корею в 1878 г. была частью миссии, руководимой госсекретарем У. Эвартсом и секретарем военно-морского флота Р.У. Томпсоном. Биржевой крах 1873 г. в США вызвал в американской экономике «долгую депрессию», усугубленную низкой покупательной способностью. Эварт и Томпсон видели решение экономической проблемы в открытии дополнительных рынков сбыта американской продукции в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Основная задача миссии состояла в том, чтобы «зайти в редко посещаемые порты Африки, Азии, островов Персидского и соседних морей, главным образом, где еще не было американских торговых представителей, с дальнейшей перспективой внедрения и развития американской торговли»⁹. По сути это означало «открытие» новых портов, ранее закрытых для американской торговли. Для осуществления этой миссии был выбран именно Р. Шуфельдт, сделавший к тому моменту блестящую карьеру на флоте и сведущий в дипломатических делах: в 1861–1863 гг. он был назначен администрацией Линкольна Генкон-

сулом США в Гаване¹⁰. Шуфельдту была поручена миссия открыть Корею для западной торговли по примеру коммодора Перри, «открывшего» Японию.

Обогнув африканский материк, Шуфельдт на фрегате *Ticonderoga* в марте 1880 г. прибыл в Нагасаки, где вместе с американским консулом Дж. Бэнгхэмом запросил японское внешнеполитическое ведомство о содействии в проведении переговоров с корейскими властями. По рекомендации японцев, в мае 1880 г. Шуфельдт посетил порт Пусан, где при посредничестве японского консула старался вступить в сношения с местными властями с целью узнать, насколько местное правительство расположено заключить договор и открыть страну для иностранной торговли. Однако корейцы уклонялись от подобных переговоров, и письмо, написанное Шуфельдтом вану, не было принято¹¹. Вернувшись в Нагасаки, он снова прождал ответа, не получив результата. Российской дипломатии было достоверно известно, что японцы, первыми заключив трактат с Кореей в 1876 г., предприняли все меры, чтобы помешать заключению трактатов Кореи с другими иностранными державами¹². Для Японии было выгодно сохранить открытые для нее торговые порты, так как это давало возможность не только сбывать свою продукцию в Корею, но и выступать в роли посредников: девять десятых из привозимых японцами товаров в Корею составляли европейские мануфактурные произведения с наценкой 10–20%¹³, что давало дополнительную прибыль¹⁴. Кроме того, в Корею японцы выгодно приобретали и тайно вывозили на почтовых судах золото¹⁵, наличие которого тщательно скрывалось от европейцев. По рекомендации китайского консула в Нагасаки Цзэн Гуанцюаня, приемного сына Ли Хунчжана¹⁶, Шуфельдт был приглашен китайским канцлером в Тяньцзинь, чтобы обсудить заключение американского трактата с Кореей, который бы нейтрализовал японское влияние. Более того, китайский генерал-губернатор предлагал перейти к нему на службу для командования китайским флотом.

По возвращении в Вашингтон Шуфельдт представил своему правительству записку, в которой приводил аргументы в пользу вступления в сношения с Кореей в данный период. По его мнению, в противовес установившемуся господству западноевропейских торговцев и мореплавателей в Атлантике, Восточный океан со всеми берегами и островами должен был стать «исключительным достоянием предприимчивости и несомненного влияния Соединенных Штатов, которое должно быть направлено на противодействие честолюбивым замыслам России»¹⁷. В 1881 г. Шуфельдт убедил госсекретаря Блэйна продлить ему срок дипломатической службы в Пекине, однако вернувшись, он обнаружил, что Ли проявлял уже меньший энтузиазм по поводу заключения договора. Связано это было с тем, что опасность военного конфликта с Россией после подписания Санкт-Петербургского договора в 1881 г.¹⁸, отчасти решившего территориальные разногласия между двумя сторонами, миновала. Однако начало переговорам уже было положено, и в январе 1881 г. Ли Хунчжану было передано решение Коджона о согласии на установление отношений с Соединенными Штатами¹⁹. Поселившись в Тяньцзине, при содействии Ли Хунчжана Шуфельдт вступил в переговоры с приехавшими из Кореи сановниками, что привело к заключению договора в мае 1882 г.²⁰ Для переговоров в Тяньцзине было направлено посольство во главе с Ким Юн Сиком, состоявшее из 69 человек, включая 38 студентов, направлявшихся на учебу в Тяньцзинский арсенал²¹.

До встречи с Ли Хунчжаном и корейским представителем Ким Юн Сиком Р. Шуфельдт с помощью американского поверенного в делах в Пекине составил проект договора по образцу Канхваского договора 1876 г., в котором делался акцент на то, что Корея является таким же суверенным государством, как и США. Помощник Ли Хунчжана Чжоу Фу возражал против такой формулировки, ссылаясь на то, что Китай не принимал участия в составлении и подписании Канхваского договора. В китайском проекте содержалась статья о вассальной зависимости Кореи от Китая, которую американский поверенный в делах в Пекине назвал «феодалным анахронизмом» и отказался от ее рассмотрения. Корейский проект договора на переговорах вовсе не рассматривался, а встречи Р.

Шуфельдта с Ли Хунчжаном и Чжоу Фу в основном проходили без участия самого Ким Юн Сика, которому китайские сановники отвели роль наблюдателя. В результате в Тяньцзине китайская и американская стороны договорились о том, что международно-правовой статус Кореи не будет упоминаться в договоре.

После возвращения Ким Юн Сика корейские сановники тщательно пересмотрели все статьи и настояли на включении в текст договора статьи, запрещающей вывоз из Кореи зерна в периоды нехватки продовольствия²².

Договор о мире, дружбе, торговле и навигации между Соединенными Штатами Америки и Королевством Корея из 14 статей был подписан Р. Шуфельдтом, прибывшим на корвете Swatara, и двумя корейскими представителями — Ким Юн Сиком и О Юн Джуном — 12 мая 1882 г. в бухте Инчхона. Конгресс откладывал рассмотрение договора по причине разногласий в вопросе ратификации заключенных следом договоров Кореи с Великобританией, Францией и Германией. Так, немцы откладывали ратификацию, желая убедиться, что американцы смогут беспрепятственно воспользоваться правом наиболее благоприятствуемой нации в вопросе предоставления им корейских концессий на равных условиях с китайцами²³. Однако Сенат одобрил документ 9 января 1883 г., а президент Ч.А. Артур подписал его 13 февраля 1883 г. Обмен ратификационными грамотами между сторонами состоялся 19 мая 1883 г. в Инчхоне²⁴.

По случаю вступления договора в силу первый американский дипломат в Корею Л. Фут в своем письменном обращении к Коджону заявлял о намерениях американской стороны развивать «искренние и дружеские отношения» между двумя странами. «В этот прогрессивный век моральная сила мощнее постоянной армии, а слабость нации иногда является ее силой, — заявил в своем обращении к королю Кореи посол Фут, — таким отступлением от своих прошлых традиций вы показываете веру в то, что национальное благосостояние и территорию нельзя защитить, находясь в изоляции от мира»²⁵.

В современной американской историографии этот договор принято называть «договор Шуфельдта» или «договор Чемульпо», тем самым преуменьшая его значение как межгосударственного акта. Согласно документам Госдепартамента, США заключили договор с Кореей, не имея там особых интересов, за исключением необходимости обеспечения жизни и имущества потерпевших кораблекрушение моряков, и, заодно, открытия корейских портов для американской торговли.

В интерпретации американского историка Т. Деннета договор «отражал общую политику американского правительства» и являлся всего лишь «инструментом, затянувшим Корею в океан интриг», самим же американцам было «не под силу контролировать ситуацию на полуострове»²⁶. Стоит принять во внимание подробное изложение обстоятельств подписания договора Ч.О. Поллином в статье «Открытие Кореи» на основе документов Военно-морского департамента Соединенных Штатов, согласно которому госсекретарь США Ф. Фрелингаузен предписывал Шуфельдту заключить конвенцию о кораблекрушениях, предостерегая от «достижений более значимых успехов»²⁷. К тому же к моменту подписания документа Шуфельдт не имел официальных инструкций и, не дожидаясь указаний правительства, действовал, как сказали бы в наши дни, согласно сложившимся обстоятельствам.

Шуфельдт не только достиг поставленной задачи, но и добился у корейского правительства новых уступок. В действительности договор носил неравноправный характер, включая статьи об экстерриториальности и консульской юрисдикции. США получали права наиболее благоприятствуемой нации. Тем не менее, он не был односторонним и содержал некоторые выгодные для Кореи статьи, прежде всего о разрешении подданным Кореи, выезжающим в США, находиться там, арендовать помещения, покупать землю или строить резиденции и склады во всех частях страны (ст. VI, в соответствии с резолюцией Сената в нее были внесены корректировки²⁸), о запрете ввоза опиума в страну (ст. VII), торговле женьшенем и установлении временного запрета на экспорт риса и

других знаков, «когда правительство Чосен будет иметь основание опасаться недостатка продуктов питания в пределах королевства». Полностью запрещался вывоз риса и злаков через порт Инчхон (ст. VIII). Студентам, выезжающим в США для изучения языка, литературы, законов, искусств, должна была оказываться вся возможная помощь и защита (ст. XI). Отсутствие упоминание о какой-либо форме зависимости Кореи от Китая, что позволило американским дипломатам в дальнейшем оказывать противодействие китайским претензиям.

Согласно договору ввозные пошлины на американские товары устанавливались на уровне 10—30%, что в будущем могло позволить Корею защитить свою промышленность от иностранной конкуренции. Данное условие не удалось включить в следующий англо-корейский договор 1883 г., так как торговавшие со странами Дальнего Востока британские торговые фирмы выразили протест, предупреждая, что выгодные для Кореи тарифы на импорт могут создать прецедент, которым воспользуется впоследствии и Китай в утверждении протекционистских таможенных пошлин. Не случайно «Таймс» от 19 августа 1882 г. предостерегала, что практически идентичный американскому англо-корейский договор может серьезно навредить отношениям Великобритании с Китаем, где базовый ввозной тариф составлял пять процентов²⁹. В итоге подписания договора с основным экспортером промышленных товаров на Дальний Восток Великобританией были установлены тарифы на ввоз британской продукции в размере 5—20% и пошлина в 7,5% на ввоз тканей (основного британского товара). Это означало провал попыток Кореи проводить протекционистскую политику в отношении собственной промышленности³⁰. Говоря об отказе британцев ратифицировать договор с корейской стороной, Л. Фут с иронией заметил, что если это возражение направлено против запрета опиума, то «это безнравственная уступка коммерческому эгоизму, трудно соотносимому с духом времени»³¹.

В отчете Шуфельдта, помещенном в первом номере «Коризн рипозитори», сообщалось, что в 1880 г. при содействии тогдашнего госсекретаря Дж. Блэйна он был назначен военно-морским атташе в американское посольство в Китае для исполнения секретного поручения — заключить договор с Кореей³². Проект договора готовился полгода. Камнем преткновения стало то, что по первоначальному проекту китайцы хотели поместить в договоре статью о вассальных отношениях Кореи и Китая, но вследствие решительного отказа американского уполномоченного статья не была включена в окончательный текст. В качестве компромиссного решения по подписании трактата адмиралу, а впоследствии и уполномоченным других держав, была вручена бумага, в которой король заявил, что страна находится в известной зависимости от Китая, однако корейские короли всегда пользовались самостоятельностью при принятии решений по вопросам внутренних и внешних дел Кореи³³.

Военно-морской атташе Дж. Фулк позже отмечал важную роль в подписании договора прокитайски настроенного правящего клана Мин. С его слов, король и прогрессивно настроенные корейцы смотрели на американский договор как на первый клин в отношениях между Кореей и Китаем, который, по крайней мере, в политических вопросах освободил Корею от подавляющего влияния Китая и был воспринят ими с большой радостью. Зная, как новый статус страны будет воспринят за рубежом, в Корею опасались, что американский договор никогда не будет ратифицирован. Не случайно приводятся слова о том, что «король танцевал от радости, когда прибыл министр Л. Фут»³⁴.

Американо-корейский договор 1882 г. не замедлил стать предметом острой критики американских и английских газет. Так, собственный корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Йокогаме 12 июля 1882 г. писал о том, что договор Шуфельдта сулит много осложнений³⁵. Журналист ставил под сомнение легитимность договора, «заключенного под китайскую диктовку». Кроме того, под сомнение ставились полномочия заключившего договор американского коммодора — во все открытые порты Китая было доложено о запоздалой телеграмме из Вашингтона в адрес Шуфельдта, предписывающей ему «ничего не предпри-

нимать в корейском деле до прибытия нового американского министра в Китай». Далее излагалась позиция Японии в отношении Кореи, которая состояла в том, что договор Шуфельдта не демонстрировал ничего, кроме небольших преимуществ перед договором между США и Японией, заключенным 25-ю годами ранее, несмотря на то, что Соединенные Штаты «выказывали постоянно растущую либеральность в намерениях в отношении азиатских государств». В статье также сообщалось о предстоящем назначении на пост корейского посланника в Вашингтоне Кина, известного своей «приключенческой» карьерой. После многолетнего пребывания в Сан-Франциско, куда он был доставлен с потерпевшего крушение корейского корабля, Кин был принят во внешнеполитическое ведомство, а позже «проявил себя» во время установления корейско-японских отношений³⁶.

Объектом критики английской «Таймс» от 19 августа 1882 г. стал ряд статей договора: среди них — запрещение перевоза местных товаров из одного порта в другой (англичане опасались принятия китайской стороной мер в отношении иностранцев, занимающихся прибрежной торговлей: 2/3 морской торговли в Китае находились в руках британцев), а также о правах наиболее благоприятствуемой нации; здесь главная опасность для англичан состояла в том, что китайцы, воспользовавшись этой статьей, могли передать какую-нибудь прибыльную концессию другому государству в ущерб интересам британских торговцев³⁷. В инструкции Футу накануне его отъезда в Корею госсекретарь Ф. Фрелингаузен уделил основное внимание привилегированному по сравнению с американцами положению китайцев в Корее, главным образом, в сфере торговых отношений. Фрелингаузен предписывал своему представителю помнить, что исходя из положений американо-корейского договора «король является сувереном во всех сферах отношений между Соединенными Штатами и Кореей». В связи с этим американские агенты не обязаны были вступать в официальные контакты с китайскими коммерческими агентами в Корее, которых американская сторона не признавала «уполномоченными императором»³⁸. Поводом для пристального внимания к этому вопросу послужил ряд положений договора, проигрывавших соответствующим положениям, закрепленным ранее корейско-китайскими договоренностями. Во-первых, договор позволял американским гражданам находиться в корейских портах, открытых для иностранной торговли. Под этими портами подразумевались порты, открытые в соответствии с конвенцией от 30 августа 1882 г. для торговли японцам, а именно Пусан, Чемульпо (Инчхон. — *А.Ш.*), Вонсан и Янхваджин. Однако китайцам, помимо этих портов, было разрешено находиться дополнительно в двух пунктах в окрестностях Сеула и двух торговых точках во внутренней части страны. Во-вторых, американцам запрещалось путешествовать внутри страны, тогда как китайцам не возбранялось свободное передвижение по стране. Согласно японской конвенции, разработанной с учетом положений американо-корейского договора, дипломатические и консульские представители Соединенных Штатов могли путешествовать по стране пребывания при наличии паспорта. В-третьих, китайцы могли перевозить товары в 4 пункта внутри страны и имели право в любом пункте внутренней части страны приобретать и вывозить продукцию, уплачивая экспортную пошлину. Такие привилегии не распространялись на американских граждан. В-четвертых, американцам, в отличие от китайцев, возбранялось перевозить национальную продукцию из одного открытого порта в другой открытый порт³⁹. К тому же пошлины на ввозимую китайскую продукцию были ниже, чем на американские товары (1/2 и 5/6 в пользу китайских импортеров). Первое распоряжение госсекретаря своему подчиненному заключалось в том, чтобы следить за сложившейся ситуацией, своевременно предоставлять соответствующую информацию и действовать, исходя из «общих положений ст. XIV, обеспечивающих привилегии китайцев в соответствии с Правилами о торговле»⁴⁰. Таким образом, первым американо-корейским контактам на официальном уровне был задан курс на противодействие установлению китайской монополии в корейской торговле.

По этому поводу в первые месяцы деятельности американской миссии в Корею между американским министром Футом и советником короля по иностранным вопросам П.Г. фон Мёллендорфом (Von Mollendorff) возникли разногласия. Во время обсуждений с корейским правительством Правил об общей торговле Фут предложил включить в их перечень положение о том, что американский торговый доллар должен приниматься для оплаты пошлин и сборов⁴¹. В ответ на возражение советника Фут заявил, что американо-корейский договор был ратифицирован «без помыслов о коммерческой выгоде», а рассматривался лишь как «некая услуга, оказанная Корее в ее вступлении в новые отношения с миром»⁴².

Немецкий советник Мёллендорф принимал непосредственное участие в подписании американо-корейского договора. Будучи ставленником китайских властей в Корее после установления ее первых дипломатических отношений с западной державой он проводил линию на противодействие развитию Кореи по западному образцу. Процветание Кореи на фоне «малопродвигающегося в сторону Запада» Китая стало бы невыгодно «консервативному элементу» в Пекине. Характеризуя деятельность немецкого советника при королевском дворе, американский дипломат А. Хёрд позднее напишет: «Для Кореи было в крайней степени неудачным, что она в первую очередь попала в руки Мёллендорфа. Он завладел ее доверием и сверг ее, по большому счету, в дикие приключения, в которых она потеряла деньги, уважение и добрую порцию своей веры во внешний мир»⁴³. В дальнейшем этот довод использовался для оправдания просчетов в отношениях США с корейским правительством.

Малоизвестным является то обстоятельство, что после отстранения Мёллендорфа корейское правительство через американского посланника предложило занять вакантное место Р. Шуфельдту. Однако на тот момент он был объявлен persona non grata в Китае, чему предшествовали следующие обстоятельства. Во время переговоров по поводу заключения договора с Кореей Шуфельдт обратил внимание Ли Хунчжана на недостатки китайского флота, состоявшие в отсутствии систематического порядка в управлении и связи между отдельными эскадрами, построенными отчасти на китайских, отчасти на английских и немецких верфях. Ли Хунчжан был готов нанять Шуфельдта на службу для преобразования китайского флота, однако английский посланник в Пекине воспротивился этим планам. Почти одновременно с выездом адмирала из Китая в калифорнийских газетах было опубликовано его частное письмо к сенатору Сардженту. В письме коммодор указывал на боевую слабость Китая, «выставлял китайскую спесь и ненависть ко всем иностранцам», и советовал своему правительству не руководствоваться в своих сношениях с Китаем «платоническими чувствами международной дружбы и братства, а употребить лишь силу и угрозы». Об императрице он отзывался как о «несведущей, капризной и безнравственной женщине»⁴⁴. В связи с этим кандидатура Шуфельдта была нежелательной Цзунлиямыню. Ли Хунчжан предложил вану на пост его советника кандидатуру бывшего американского консула в Тяньцзине, а затем генконсула в Шанхае О. Денни. Стараясь избежать усиления китайского влияния, тогдашний глава Департамента внешних связей Со Кван Бом через Фута направил телеграмму в адрес Шуфельдта: «Срочно приезжайте!»⁴⁵ Однако на последовавшей в США встрече двух кандидатов на один пост Шуфельдт добровольно отказался в пользу Денни⁴⁶.

Контр-адмирал в отставке с 1884 г. Шуфельдт, воспользовавшись расположением вана, прибыл в Корею с целью снова «сблизиться с китайцами и восстановить репутацию в глазах Ли Хунчжана»⁴⁷. В то время один сын Шуфельдта проходил службу в консульстве в Шанхае, а другой — на стоящем в Чемульпо военном корабле, в должности фельдшера (позже он уволился со службы по состоянию здоровья и стал известным ученым-орнитологом). Шуфельдт хлопотал о назначении первого сына консулом в планировавшемся дипломатическом представительстве США в Чемульпо (Инчхоне), а другого прочил в инструкторы по обучению корейского войска. На тот момент Коджон еще не

доверял «навязанному ему китайцами» советнику Денни, и поэтому предложение коммодора остаться в Сеуле на зиму принял благосклонно. Шуфельдт, путешествовавший со своей дочерью, в течение месяца пользовался гостеприимством Денни, а затем переехал в специально отделанный для него корейским правительством дом⁴⁸. Пользуясь уже установившимися контактами с местными чиновниками, Шуфельдт под прикрытием представителя американских промышленников в Корее мог не только владеть внутривнутриполитической ситуацией, но и оказывать некоторое влияние на корейские дела в обход королевского советника. По оценке Вебера, при полной поддержке Фулка он проводил в Корее интересы своего правительства, направленные в пользу усиления там японского влияния на противодействие Китаю и России⁴⁹.

Американо-корейские отношения вступили в новую эру весной 1883 г., когда в Сеул прибыл первый американский посланник Л. Фут. Он сразу завоевал доверие Коджона, выразив свою поддержку независимости и модернизации Кореи. На следующий день после обмена ратификационными грамотами было принято решение об отправке корейского посольства (спецмиссии) в Соединенные Штаты. В его состав вошли племянник королевы Мин Ён Ик, сын премьер-министра Хон Ён Сик, приближенный вана, представитель прогрессивной партии Со Кван Бом. Молодые люди, помимо аристократического происхождения, имели хорошее образование и опыт заграничных поездок в Китай и Японию⁵⁰.

Для корейских представителей поездка в Соединенные Штаты имела прежде всего практическое значение. Изначально ими было заявлено желание изучить в США таможенную и почтовую службы, систему общего образования, военные укрепления и арсеналы⁵¹. Американские интересы в Корее были мотивированы экономическими соображениями. В составленном Футом накануне отправки корейской миссии докладе о внутреннем положении Кореи среди информации по истории, культуре, географии, внутренней политике особое место занимали сведения о ресурсах страны. Фут обращал внимание Госдепартамента на проводившуюся вопреки официальному запрету в различных частях Кореи добычу золота, серебра, меди, свинца, железа и угля, на обширные территории в северной части Кореи, покрытые пригодным для строительных целей лесом, потребность местного производства в добывающей технике, сельскохозяйственном инвентаре, изделиях из стекла, металла, хлопка и шерсти, в угле, нефти и других продуктах и мануфактурах⁵². Освещающая визит специальной корейской миссии «Нью-Йорк таймс» сообщала, что Корея «со временем станет хорошим рынком для американских мануфактур по примеру Японии»⁵³. Таким образом, Корея рассматривалась американскими властями не иначе как источник сбыта своей продукции и быстрого обогащения.

16/17 июля делегация в составе 7 человек направилась в Нагасаки на том самом военном корабле Мопосасу, который принимал активное участие в бомбардировке крепости Канхва во время экспедиции Лоу — Роджерса в 1871 г., а затем был оставлен в Чемульпо для транспортировки угля из Японии⁵⁴. В Японии на борт был принят в качестве секретаря миссии в то время проводивший там отпуск 28-летний П. Лоуэлл, двоюродный брат министра США в Англии⁵⁵.

Корейское посольство прибыло в Сан-Франциско 2 сентября 1883 г., где прошла встреча с командующим армией США генерал-майором Дж. Скофилдом (John Schofield). 4 сентября от имени Торговой палаты и Министерства торговли США был дан прием с участием местных предпринимателей. После поездок в Чикаго и Вашингтон миссия в сопровождении специально назначенных лейтенанта Мэйсона и прапорщика Фулка направилась в Нью-Йорк, где на встрече с Президентом США Ч.А. Артуром 18 сентября состоялось вручение верительных грамот, впервые составленных на корейском языке.

В тот же день на поезде миссия выехала в Бостон, где были организованы посещение международной выставки и промышленного института, образцовой фермы М. Уолкотта, фабрик по производству хлопка, текстиля, ковров, печатных изделий, визиты к губернатору Массачусетса и мэру Бостона. Сообщалось, что 22 сентября члены

делегации гостили в резиденции П. Лоуэлла. По возвращению в Нью-Йорк 24 сентября состоялись поездки в госпиталь, телеграфное представительство «Вестерн Юнион», пожарный департамент, почтовое отделение, компанию Tiffany & Co, офисы изданий The Evening Post, The New York Herald, военную школу. 29 сентября делегация вернулась в Вашингтон и пребывала там еще две недели.

Местные СМИ с иронией описывали «странный внешний вид» делегации. Национальная одежда ханбок сравнивалась с рясами священников, поющих в оперном хоре, головные уборы — со шляпами альпийских крестьян. Зато сами участники миссии, их дружелюбие и хорошие манеры получили высокие характеристики и отзывы, например: «Выставлять чувства напоказ противоречит корейской вежливости. Стоицизм является отличительной чертой хорошего воспитания. Трудно сказать об их впечатлениях в этой стране»⁵⁶.

По случаю завершения визита миссии в США 16 октября ван лично поблагодарил Фута за оказанный корейской делегации прием после прибытия в Сан-Франциско, а также выразил надежду на советы и содействие американского правительства в предстоящем подписании договоров с Великобританией и Германией, попросил помочь склонить Россию и Францию к установлению дипломатических отношений. Тогда же прозвучала просьба о предоставлении военных инструкторов⁵⁷. Накануне возвращения корейских посланников из крупнейших американских промышленных центров Фут делал прогноз о ее «значительном и выгодном результате» для «странной и интересной» корейской нации⁵⁸.

Первая группа посольства в составе Хон Ён Сика и Чхы Кын Сока вернулась в Корею 1 декабря 1883 г. Ею были доставлены семена из Департамента сельского хозяйства. Сопровождающий группу секретарь П. Лоуэлл принял приглашение вана погостить в Корею в течение зимы. Мин Ён Ик, Со Кван Бом и Пён Су в сопровождении Фулка, назначенного военно-морским атташе в Сеул⁵⁹, отправились из Нью-Йорка 24 ноября 1883 г. на недавно построенном военном корабле Trenton. На пути во время остановки в Марселе делегация высадилась и 17 дней путешествовала по Франции и Англии, находясь, главным образом, в Париже и Лондоне. 25 января 1884 г. корабль направился в Корею через Суэцкий канал и прибыл в Чемульпо 31 мая того же года. Во время длительной поездки на корейский язык были переведены энциклопедические сведения по истории и политике стран мира. Делегация была встречена с королевскими почестями, а для Фулка был приготовлен новый дом в центре Сеула. Мин Ён Ик был назначен вице-президентом Департамента иностранных дел, Со Кван Бому был присвоен высокий титул, а Пён Су получил должность личного секретаря вана (чуса).

В том, что приверженец конфуцианской традиции Мин Ён Ик займет одну из ведущих ролей в прогрессивной партии, не оставляли сомнений сказанные им после возвращения слова: «Я родился в темноте. Я побывал на свету, и сейчас я снова вернулся в темноту. Я все еще не могу видеть перед собой, но надеюсь, что скоро смогу»⁶⁰. Однако на новом посту вице-президента Департамента внешних сношений Мин продолжил прокитайскую деятельность. К неудовольствию прогрессистов сразу после возвращения он попытался нанести визит в Китай. Еще большее возмущение вызвал изданный под его началом эдикт об изменении национальной официальной одежды (затягивание пояса и укорачивание рукавов по китайскому образцу). Кандидатура Мина не была желанной американскому представителю, со стороны которого поступали жалобы о том, что корейский дипломат не принимал визиты от западных иностранцев в дневное время и в некоторых случаях проявлял неуважительное отношение в их присутствии⁶¹. В итоге бывший глава корейского посольства был переведен на место командующего охранным батальоном правого королевского дворца⁶². К сентябрю 1884 г. Мин Ён Ик был освобожден от участия в прогрессивной партии.

Позже Фулк объяснит «малодушные» действия Мина тем, что проявленная при подписании американо-корейского договора 1882 г. энергия Минов ошибочно закрепила за ними репутацию членов прогрессивной партии в Корее. Фактически же они, как он считал, действовали в духе повиновения их «традиционному повелителю» Китаю, не думая об интересах своего народа. По мнению американского представителя, поведением Минов в то время двигал страх поглощения Россией части Кореи. В то же время король Кореи и настоящая прогрессивная партия договор с Соединенными Штатами приветствовали как предтечу полной независимости от Китая. Подчинились все главные члены корейского правительства, кроме Тэвонгуна — противника распространения христианства. В июле 1882 г. он поднял восстание против Минов. В числе многочисленных убитых был отец Мин Ён Ика. было совершено покушение на его сестру-королеву. Самому Мин Ён Ику тогда удалось бежать под видом буддийского монаха в Японию⁶³.

Прогрессивная партия, усилившаяся за счет вхождения в ее состав остальных членов посольства в США, начала подготовку к «энергичному вливанию западной цивилизации в Корею»⁶⁴. Реакция на последовавшие преобразования представителей прогрессивной партии не заставила себя долго ждать. Во время приема, устроенного 4 декабря 1884 г. вице-министром Хон Ён Сиком по случаю основания корейской почтовой системы, с участием высокопоставленных корейских чиновников и иностранных представителей, было совершено покушение на Мин Ён Ика, что чуть не привело к революционному перевороту. Как позже выяснится, главными зачинщиками заговора выступили «неблагоразумные молодые люди», руководимые вице-президентом Департамента иностранных дел Ким Ок Кюном, почтмейстером Хон Хын Сиком и шурином короля Пак Ён Хо. Они планировали захватить правительство, установить контроль над Кореей и взять в свои руки управление общественными делами. Осознавая опасность создавшейся ситуации, король просил японского посланника о предоставлении ему охранного отряда в числе двухсот человек, направил обращения в миссии США, Великобритании и Германии. На улицах Сеула были спровоцированы беспорядки, японские солдаты и японская миссия подверглись нападению со стороны населения. В сложившейся критической обстановке король, укрывшись в китайском лагере, провел консультации с иностранными представителями во главе с Футом, где было принято решение о направлении делегации в Чемульпо, чтобы передать находившемуся там японскому министру Такедзое письмо короля о намерении сохранить дружеские отношения с Японией. Ввиду угрожающего жизни иностранных посланников и их семей положения решено было отправить их в Чемульпо. Корейские власти, получив информацию об этом, выразили свою обеспокоенность, и было постановлено оставить в американской миссии супругу Фута — в знак подтверждения, что посланники вернутся в столицу. После того, как просьба короля была исполнена, 12 декабря Фут вернулся в миссию. Во время изложенных событий король обратился к американскому посланнику с просьбой в случае необходимости сопроводить посланника в Японию, таким образом, впервые корейская сторона призвала к посредничеству США в дружеском урегулировании между Японией и Кореей⁶⁵.

Во время пребывания корейского посольства в США в контактах с американским представителем в период с 1883 по 1884 г. король выдвигал предложение пригласить в свое правительство американских советников по международным и военным вопросам, преподавателей английского языка, экспертов в области сельского хозяйства. Однако правительство США не торопилось с удовлетворением просьб корейской стороны. По возвращении из США в Сеул Фут был уведомлен своим правительством о понижении дипломатического ранга с полномочного министра до министра-резидента и генконсула. По мнению американских историков, основная причина состояла в том, что Корея не представляла стратегического и экономического интереса для США, тогда как Корея, напротив, нуждалась в поддержке американцев. В центре внимания США по-прежнему был Китай⁶⁶.

По распространенной в американской историографии точке зрения, Корея с подписанием американо-корейского договора «обрела суверенитет и независимость». В доказательство приводятся такие факты: вслед за оформлением договорных отношений был создан собственный национальный флаг, в Соединенные Штаты направлена корейская дипломатическая миссия с первыми верительными грамотами, составленными на национальном языке⁶⁷. На это можно возразить, что введение в обиход собственного корейского флага произошло по согласованию с китайскими властями, не позволившими корейским торговым судам использовать флаг Китая ввиду сохранения своего престижа, а ранг корейского представителя в Вашингтоне был значительно ниже китайского. По сути, корейский ван и после подписания договоров с европейскими державами продолжал находиться «в известной зависимости» от китайского императора. Это выражалось, к примеру, в обычае корейцев ежегодно направлять в Китай дань в виде дорогих подарков, в особом положении китайских представителей при дворе корейского вана.

Тем не менее, 12 лет после заключения американского договора стали важным периодом в истории американо-корейских отношений, ознаменовавшихся прибытием министра Фуа, отправкой в США корейского посольства, прибытием военных инструкторов и школьных учителей, первых миссионеров, открытием школ и госпиталей, развитием торговли. В начале XX в. численность американцев, временно проживающих в пределах корейского государства, составляла примерно 250 человек, что было гораздо меньше численности там японцев и китайцев, но все же самой значительной среди европейцев. Большая их часть занималась предпринимательской деятельностью. Все крупные финансовые предприятия в полуостровном королевстве — первая железная дорога Сеул — Чемульпо, городские железнодорожные линии, электрическое освещение в Сеуле, золотодобыча — были инициированы американцами. Император Кореи, выказывавший высокую степень доверия американцам, был заинтересован напрямую во всех американских компаниях как партнер, владелец, долевого участник, а также арендодатель⁶⁸.

Таким образом, установление американо-корейских отношений в 1882 г. сыграло скорее положительную роль в адаптации Кореи к взаимодействию с западными странами в рамках западной правовой системы на правах суверенного государства. Американо-корейский договор 1882 г. послужил моделью для последующих договоров Кореи с другими западноевропейскими державами, обеспечил правовую основу для отражения попыток Китая узаконить вассальную зависимость от Китая, открыл для Кореи путь модернизации. Вместе с тем события последующего десятилетия покажут, что успехи на пути модернизации в первые годы американо-корейских отношений, достигнутые корейским правительством в сотрудничестве с американскими представителями, уступят место политике постепенного отступления США в Корее, что можно объяснить незначительностью американских экономических интересов в Корее и нежеланием обострять отношения с Китаем и другими державами из-за Кореи.

1. Донесение Ладыженского. 26 мая 1886 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 92.
2. *Забровская Л.В.* Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг. М., 1987. С. 21.
3. *Широкопад А.Б.* Конфликт на стыке трех империй // Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003. С. 111.
4. Донесение Ладыженского... Л. 93.
5. Там же. Л. 94, 96.
6. *Забровская Л.В.* Указ. соч. С. 24.
7. *Kang Woong Joe.* The Korean Struggle for International Identity in the Foreground of the Shufeldt Negotiation, 1866–1882. Lanham, MD: University Press of America, 2005. P. 6.
8. *Paullin Ch.O.* The opening of Korea by commodore Shufeldt // Political Science Quarterly, 1910, Vol. 25, No. 3. P. 477.

9. Commodore Robert W. Shufeldt's Voyage to Africa, the Middle East, and Asia, 1878–1880 / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: [history.state.gov/milestones/1866–1898/CommodoreShufeldt](http://history.state.gov/milestones/1866-1898/CommodoreShufeldt) Accessed on 21.09.2013.
10. Letter of Shufeldt V, Robert Wilson. Posted: 19 February, 2006. URL: <http://www.arlingtoncemetery.net/rwshufeldt-usn.htm>1994–2011 Accessed on 21.09.2013.
11. Донесение российского поверенного в делах в Сеуле Вебера директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 194–195.
12. Донесение управляющего русской миссией в Сеуле П.А. Дмитриевского товарищу министра иностранных дел Н.П.Шишкину. 11 (23) декабря 1892 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 3. Л. 158.
13. *Скальковский К.А.* Корея // Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. СПб, 1883. С. 110–121 // *Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б.* Первые известия о Корее в России. М., 2010. С. 301.
14. Таинственная страна. Очерк Кореи // Нива. 1882. № 33. С. 787–788; То же // *Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б.* Указ. соч. С. 294.
15. *Д.М.* Об открытии Кореи для внешней морской торговли // Морской сборник. СПб, 1883. Т. СХСVI, № 5. С. 67–71; То же // *Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б.* Указ. соч. С. 314.
16. *Забровская Л.В.* Указ. соч. С. 25.
17. Секретное донесение посланника в Пекине А. Кояндера министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 24 июля (5 августа) 1881 г. // *Ванин Ю.В., Пак Б.Д., Пак Б.Б.* Указ. соч. С. 258–259.
18. *Nelson M. F.* Korea and the old orders in Eastern Asia. NY, 1967. P. 140.
19. Korea meet the new order, Treaties: 1876–1910. Korea, 2010. P. 68.
20. Донесение российского поверенного в делах в Сеуле Вебера... Л. 195.
21. *Забровская Л.В.* Указ. соч. С. 26.
22. Там же. С. 27.
23. Bismarck to Ampthil, Berlin (Foreign Office), April 7, 1883. Inclosure in No. 58, FO 405/ 33 // Korea meet the new order... P. 254–255.
24. *Chay Jong Suk.* Diplomacy of Asymmetry. Korean-American relations to 1910. Honolulu: University of Hawaii press, 1990. P. 54.
25. Address of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary L.H. Foot to the King of Corea. Seoul, May 25, 1883. // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea. 1883. P. 243. URL: <http://history.state.gov>.
26. *Dennett T.* Americans in Eastern Asia: a critical study of the policy of the United States with reference to China, Japan and Korea in the Nineteenth century. NY, 1922. P. 461–462.
27. *Paullin C.O.* The Opening of Korea by Commodore Shufeldt // Political Science Quarterly. 1910. Vol. 25. No. 3. P. 498.
28. Dispatch of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary L.H. Foot to Secretary of State Department F.T. Frelinghuysen. Seoul, May 24, 1883 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea, 1883. P. 242. URL: <http://history.state.gov>.
29. Korea meet the new orders... P. 105.
30. *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи. Т. 1. С древнейших времен до 1904 года. М., 2011. С.396.
31. Dispatch of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary L.H. Foot to Secretary of State Department F.T. Frelinghuysen. Seoul, August 21, 1883 // Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States. Vol. 1. The initial period, 1883–1886. P. 71.
32. *Appenzeller, H.G.* The opening of Korea // The Korean repository. 1892. Vol. 1, Jan.-Dec. P. 57.
33. Донесение поверенного в делах в Сеуле Вебера министру иностранных дел Гирсу. 21 сентября 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 334.
34. *Foulk G.C.* Report of information relative to the revolutionary attempt in Seoul, Corea, December 4–7, 1888 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea. 1885–1886. P. 338. URL: <http://history.state.gov>.
35. Korea meet the new orders... P. 100.
36. Ibidem. P. 101–102.
37. Ibidem. P. 106–110.

38. Instruction of Secretary of State Department F.T. Frelinghuysen to L.H. Foot. Washington, May 17, 1883 // Korean-American relations. Vol. I. P. 26.
39. Ibidem. P. 27.
40. Ibidem. P. 28.
41. Dispatch of Minister L.H. Foot to Secretary of State Department F.T. Frelinghuysen. Seoul, October 23, 1883. // Korean-American relations. Vol. I. P. 35.
42. Ibidem. P. 36.
43. Confidential dispatch of Augustine Heard to Sate Department. Seoul, October 30, 1890. // Korean-American relations. Vol. II. The period of growing influence. 1887–1895. P. 28.
44. Донесение поверенного в делах Вебера. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. I. Л. 195–196.
45. Report by George C. Foulk. Legation of the U.S. Seoul, Corea, December 4–7, 1884 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea, 1884. P. 340. URL: <http://history.state.gov>.
46. Донесение поверенного в делах Вебера. Сеул, 9 апреля 1886 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. I. Л. 76.
47. Донесение Поверенного в делах Вебера. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. I. Л. 197.
48. Там же. Л. 196–197.
49. Донесение Вебера Гирсу. Сеул, 6 апреля 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. I. Л. 273.
50. Dispatch of Foot to Frelinghuysen. Legation of the U.S. Seoul. Corea, July 13, 1883 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea. 1884. P. 244–245. URL: <http://history.state.gov>.
51. Ibidem.
52. Dispatch of Foot to Frelinghuysen. Legation of the U.S. Seoul, Corea, July 13, 1883 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea. 1884. P. 246–248. URL: <http://history.state.gov>.
53. The Embassy from Corea // The New York Times. September 18, 1883. URL: <http://www.icasinc.org/history/embassy.pdf>.
54. *Noble, H.* The Korean mission to the United States in 1883. The First Embassy Sent by Korea to an Occidental Nation. P. 3. URL: HJ NOBLE — raskb.com.
55. The Embassy from Corea // The New York Times. 1883. 18 Sept.
56. Ibidem.
57. Confidential dispatch of Foot to Frelinghuysen. Seoul, Corea, October 19, 1883 // Korean-American relations. Vol. II. P. 53.
58. Dispatch of Foot to Frelinghuysen. Legation of the U.S. Seoul. Corea, December 17, 1883 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea, 1884. P. 125. URL: <http://history.state.gov>.
59. В то же время военно-морских атташе США не было тогда ни в Пекине, ни в Токно.
60. Ibidem. P. 126.
61. Report by George C. Foulk. Legation of the U.S. Seoul, Corea, December 4–7, 1884 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea, 1884. P. 340. URL: <http://history.state.gov>.
62. Ibidem.
63. Ibidem. P. 335–336.
64. Ibidem. P. 339.
65. Dispatch of Foot to Frelinghuysen. Legation of the U.S. Seoul, Corea, December 17, 1884 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea, 1884. P. 332–335.
66. *Gurtov M.* Korea's Amazing Century: From Kings to Satellites. Seoul, 1997. P. 13.
67. *Eckert C.J.* Korea old and new: A history. Seoul: Ilchokak, 1990. P. 78.
68. *Dennett T.* Roosevelt and the Russo — Japanese War. NY: Garden city, 1925. P. 104.

Место эпохи Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.) в судьбе китайской нации. (В связи с изданием II тома «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»)

© 2014

Л. Переломов

Автор статьи, ответственный редактор издания, подробно знакомит читателей с его содержанием. Рассматриваемая эпоха Чжаньго, Цинь и Хань, подчеркивает он, имела судьбоносное значение для становления и развития китайской цивилизации, когда сформировались основные государственные институты, обеспечившие Китаю стабильное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: эпоха Чжаньго, Цинь и Хань, легизм, конфуцианство, «сяокан», Цюйфу.

Скажу с самого начала: рассматриваемая в данном томе эпоха имела судьбоносное значение для становления и развития китайской цивилизации. Именно в это время зародились в теории и сформировались на практике ее основные институты, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие Китаю стабильное непрерывное развитие в течение тысячелетий до сегодняшнего дня. Именно эти институты в самые трудные для нации времена (и особенно внешней агрессии, которой страна на протяжении столетий подвергалась неоднократно) помогли ей устоять и даже навязать завоевателям свой способ государственной организации и идеологии.

Очевидно, конкретное развитие китайского этноса в эпоху Чжаньго-Цинь-Хань в определенной степени отражало некоторые общие закономерности этнических процессов на данном этапе истории человеческого общества в целом. Об этом свидетельствует, в частности, значительное сходство путей эволюции общности (*хуася*) и древних эллинов — двух этносов, населявших противоположные оконечности тогдашней ойкумены и не имевших между собой прямых генетических связей (см. Т. II. С. 8–9).

И тем не менее, сама история показала, что одна из сторон, а именно Рим, был заинтересован в торговых отношениях с Хань. Шелковая нить (Шелковый путь), протянутая от ханьского Китая до Римской империи и пересекающая территории Казахстана, Киргизстана, Туркменистана, Узбекистана и территорию современного Крыма¹, наполняла исторический процесс реальным смыслом живого общения (экономического, политического, культурного) между западной и восточной ойкуменами. Можно сказать, что возник начальный период диалога Востока и Запада, демонстрации друг другу различных моделей обустройства общества и государства, каждая из которых на долгие столетия определила курс развития этих цивилизаций.

В Китае оптимальная для него модель такого обустройства была предложена именно в период Чжаньго-Цинь-Хань. Ее творцами явились *шци* — «книжники» — соци-

альный слой лично свободных интеллектуалов, не обремененных наличием значительной собственности, которые сформировали несколько конкурировавших друг с другом школ — конфуцианцев, легистов, моистов, даосистов, аграрников. Они и занялись построением модели совершенного общественного и государственного обустройства, где были бы в оптимальной форме учтены интересы Власти и Народа.

В сфере длительных дискуссий — «битвы титанов» (легизма и конфуцианства) оказались два концепта, две осевые категории политической культуры Китая: «Народ для Государства» или «Государство для Народа». Оба концепта воплощены на практике. Один — при построении империи Цинь, первого централизованного государства в истории Китая, другой — в период империи Хань. В последней «государственное конфуцианство» делало ставку на «идеального бюрократа», которым считались *ши* (благородные мужи). Именно в эпоху Хань сформировалась культура *ши* (см. Т. II. С. 257–342).

Мне как ответственному редактору II-го тома несказанно повезло, потому что удалось привлечь к работе высоких профессионалов, признанных в России, в Китае и во всем мире.

II том общим объемом 63,5 а.л. состоит из 6-ти частей, поделенных на главы, двух предисловий, заключения и послесловия.

В части I (авторы — Л.С. Переломов, В.М. Майоров) рассматриваются события политической истории эпохи Чжаньго, а также основные течения общественной и философской мысли — конфуцианство (Л.С. Переломов), легизм (Л.С. Переломов), моизм (М.Л. Титаренко), даосизм (А.Г. Алексанян).

Часть II (Л.С. Переломов) посвящена различным аспектам создания, расцвета и падения первой в истории Китая централизованной империи Цинь.

Династия Хань и история Китая этого периода подробно исследуются в части III (В.М. Майоров, В.В. Малявин, М.В. Крюков).

Заключительные части IV, V, VI данного тома посвящены соответственно исследованию этнологических аспектов эволюции древних китайцев и сопредельных с ними этносов (М.В. Крюков, Н.Н. Чебоксаров, Л.С. Переломов, В.В. Малявин), развития материальной и духовной культуры (М.В. Крюков), языка и литературы (М.В. Софронов, И.С. Лисевич, Л.В. Стеженская).

Том снабжен новейшей библиографией работ на русском, китайском, японском и европейских языках, содержащих современные концепции и точки зрения ученых на историю и связанные с ней современные процессы (см. Т. II. С. 651–671).

В своем «Послесловии» к тому я посчитал необходимым протянуть «шелковую нить» от исторического прошлого к событиям XX—XXI вв. В XX в. в критический для страны момент (особенно на этапе завершения «культурной революции») критика высшего руководства Китая со стороны его оппонентов опиралась на тексты главного детища Конфуция — «Лунь юй». В ответ тогдашнее руководство погрузило страну в пучину травли своих политических противников, а заодно и жесткой критики Конфуция и его основного труда. По-существу, была дана как новая трактовка всей эпохи Чжаньго-Цинь-Хань, так и оценка основных исторических персонажей².

Исторический отрезок, посвященный ниспровержению духовной матрицы страны, оставил Китай за пределами конфуцианского культурного региона. В то время, как Сингапур, Япония и Южная Корея благодаря приверженности конфуцианским ценностям успешно развивали свою экономику, Китаю никак не удавалось мобилизовать страну на решение экономических задач.

И только когда Дэн Сяопин повернул государство к, казалось бы, чисто прагматическим целям, провозгласив политику достижения конфуцианского идеала *сяокан*, страна вступила на путь возрождения.

История показала, что независимо от того, строила данная развивающаяся страна капитализм или социализм, она может осуществить задуманное лишь не отрываясь от

корней, в процессе синтеза современного с традиционным, понимая при этом неизбежность трансформации как современного, так и традиционного. Анализ современной государственной доктрины Китая (соблюдение принципов *сяокан* во всех экономических и политических программах — нынешних и будущих) подтвердил действенность этого закона. Не случайно авторы лозунга «китайской мечты» (*чжунго мэн*), провозглашенного в 2012 г. после XVIII съезда КПК, воплощая традиционную максиму преемственности, подчеркивают, что эта «мечта» «принадлежит прошлому, настоящему и будущему»

В своем докладе «Роль конфуцианства в истории КПК» я выделяю четыре этапа. На последнем этапе происходит соучастие конфуцианства в качестве «мягкой силы» в построении социализма с «китайской спецификой». Реализуя историческую модель «государство для народа», руководство Китая имело в виду конфуцианскую модель «сяокан»³.

Нынешний руководитель Китая Си Цзиньпин претворяет основную заповедь «Да сюэ» о «породнении с народом». Недавняя поездка в Цюйфу — это начало нового этапа во взаимодействии конфуцианства и КПК. На родине Конфуция Си Цзиньпин привлек внимание к изданию, состоящему из двух книг, связанных между собой общей темой. Первая — «Трактовки конфуцианского учения» (*Кунцзы цзя юй тунцзе*) (П., 2014.) под редакцией проф. Ян Чаомина и Сун Лилиня по существу представляет собой энциклопедию, в которой собраны сведения об учениках Конфуция, различные трактовки текстов, основанные на последних археологических находках (годяньские рукописи). Как полагают сами авторы, оказавшиеся в их руках новые материалы значительно расширяют понятийное поле конфуцианского текста.

Вторая книга «Полное толкование Лунь юй» («*Лунь юй цюань цзе*») (П. 2014) принадлежит проф. Ян Чаомину. Тон исследованию задает трактовка начальных строк (Лунь юй. гл. 1.1) источника, в которую автор вводит современное понятие «общество» в отличие от оригинала, где речь идет об индивидууме, т.е. отдельном человеке.

В главе Лунь юй (8.9) Конфуций говорит о взаимоотношениях власти и народа. Это одно из самых лаконичных, а потому сложных для последующих трактовок высказывание привело к появлению большого числа нередко противоположных мнений и суждений⁴. Трактовка автора сводится к следующей последовательности: сначала просветить народ, дабы получить осознанное отношение к предстоящим переменам-реформам, и лишь затем «использовать народ», т.е. подключить его к реальному осуществлению

Си Цзиньпин выразил намерение лично «тщательно изучить обе эти книги», после чего в Китае началось массовое издание обеих работ. Поездка Си Цзиньпина в Цюйфу и издание книг послужило сигналом развертывания идеологической реформы, которую в Китае по значимости ставят рядом с экономической реформой Дэн Сяопина, объявленной им после поездки на Юг⁵.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой: если мы хотим знать и понимать, а не просто удивляться стремительному развитию Китая, нам не миновать изучения глубинных истоков его национальной специфики.

1. В Национальном музее Крыма хранится пара лаковых шкатулок из редких пород дерева, пришедших сюда по «шелковому пути».
2. См.: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
3. Переломов Л.С. Роль конфуцианства в истории КПК // Международ. науч. конф. «Конфуцианство в России» (Москва 28–29 ноября 2013 г.). М., 2013.
4. Подробнее см.: Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство (с древности по настоящее время. V в. до н.э. — XXI в. М., 2009. С. 217–224).
5. URL: <http://www.rwwhw.com./Zdtj/2013-12-02/11629.html>, <http://culture.people.com.cn/n/2013/1127/c22219-23666312.html>.

Культура

Строители литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае

© 2014

Цао Чжундэ, Ду Минцзин

Основное внимание в статье уделено роли издательства «Народная литература» (Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ) в распространении русской и советской литературы в Китае, которая оказала глубокое воздействие на несколько поколений китайцев.

Ключевые слова: русская литература в Китае, издательство «Народная литература», Чжан Фушэн.

23 марта 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в МГИМО, в ходе своего выступления он упомянул 7 великих мастеров российской литературы. Он заявил: «Старое поколение китайских революционеров испытало сильное влияние русской литературы. Наше поколение тоже читало многие произведения русской классики. Я, в частности, в молодости читал книги таких мастеров литературы, как Пушкин, Лермонтов, Чехов, Достоевский, Толстой, Островский. Это позволило мне почувствовать пленительность русской литературы». Действительно, русская литература с самого начала своего проникновения в Китай стала пользоваться большой популярностью и оказала глубокое воздействие на несколько поколений китайцев.

Если обратиться к истокам российско-китайских культурных контактов, они насчитывают более чем 300-летнюю историю, а XX в. — период максимально интенсивных русско-китайских литературных связей. Русская и советская литература крупномасштабно вошла в Китай после Движения 4 мая 1919 г. — пронизанная гуманизмом и осмыслением радикальных общественных перемен, она завоевала большую популярность в среде тогдашней китайской интеллигенции. Такие характерные черты русской литературы, как уникальное идеологическое просвещение, критика несправедливости в обществе и поиски прекрасного будущего, привели к тому, что русская литература получила широкое распространение как духовное оружие той эпохи. Одним из инициаторов перевода и критики русской и советской литературы был Лу Синь, переведенные им «Мертвые души» и «Разгром» были знаковыми произведениями тех лет. В то время многие, испытавшие влияние

Цао Чжундэ, профессор Нанькайского университета, г. Тяньцзинь.

E-mail: cocokaka_1@hotmail.com;

Ду Минцзин, аспирант Московского государственного педагогического университета.

Тел.: 8 (926) 318-84-66.

русской и советской литературы, участвовали в революции. Русская литература оказала широкое и глубокое влияние на современную китайскую литературу. В данной статье основное внимание уделено роли издательства «Народная литература» (Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ) в деле распространения русской и советской литературы в Китае.

Издательство «Народная литература» — единственное в Китае государственное издательство, специализирующееся на издании художественной литературы. Оно было создано в марте 1951 г. Первым директором издательства был соратник Лу Синя, известный литературный деятель Фэн Сюэфэн, он с марта 1951 г. по апрель 1958 г. руководил издательством. Позднее его сменяли на этом посту Ван Жэньшу (март 1959 — март 1960), Янь Вэньцин (апрель 1961 — «культурная революция»; сентябрь 1978 — октябрь 1983), Вэй Цзюньи (октябрь 1983 — декабрь 1985), Мэн Вэйцзай (декабрь 1985 — январь 1987), Чэнь Цзаочунь (август 1987 — март 1999), Не Чжэньнин (март 1999–2002), Лю Юйшань (сентябрь 2002 — июль 2007), Пань Кайсюн (май 2008–2012), Гуань Шигуан (сентябрь 2012 — по настоящее время).

С самого создания издательства Фэн Сюэфэн взял курс на «публикацию лучших произведений литературы всех времен и народов». Серия «Литература Советского Союза» была первым изданием «Народной литературы». С этого времени издательство начало масштабную работу по переводу русской и советской литературы. Были опубликованы почти все произведения авторов, упоминавшихся в изданных в СССР «Истории русской литературы» и «Истории советской литературы». Вместе с тем, пристальное внимание уделялось развитию современной литературы, с тем чтобы своевременно представлять новые произведения китайскому читателю — эта работа, начавшаяся более 60 лет назад, не прервалась и поныне. Даже в годы «культурной революции» (1966–1976) продолжала функционировать специальная редакция, где осуществлялась исследовательская работа — из советских газет отбиралась информация о новых публикациях и новых авторах, которая быстро публиковалась, отдельные произведения печатались для служебного пользования и предназначались для кадровых партийных работников, курирующих вопросы литературы и искусства, и соответствующих специалистов, тираж большинства публикаций не превышал тысячи экземпляров.

Знакомство китайских читателей с русской и советской литературой было самой важной частью работы по публикации зарубежной литературы в издательстве «Народная литература» в 1950–1960-е гг. В этот период было опубликовано более 200 произведений, среди которых — «Мать» М. Горького, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Чапаев» Д. Фурманова. Эти книги своим высоким революционным призывом и сильным духом патриотизма глубоко потрясли души читателей нового Китая и стали настольными книгами для нескольких поколений молодежи.

С первых лет своего существования издательство «Народная литература» привлекало к работе талантливых русистов. Известный переводчик и литературовед Цао Цзинхуа¹ занимал пост заместителя главного редактора и отвечал за организацию работы по переводу и изданию русской и советской литературы; вместе с Лю Ляо'и (выпускником Северо-Западного университета) и Ван Кэ (выпускником факультета русского языка Пекинского университета) они в 1951 г. начали работать в издательстве. После прекращения работы в феврале 1953 г. шанхайского издательства «Эпоха» («Шидай»), которым руководил В.Н. Рогов, некоторые блестящие редакторы-русисты перешли на работу в «Народную литературу». Именно тогда в издательство пришли Сунь Шэнью, У Мэнчан, Сюй Лэйжань, Цзян Лу и другие. С этого времени в издательстве «Народная литература» наступает эпоха расцвета для переводов русской и советской литературы. Сунь Шэнью перевел «Историю русской литературы» под ред. Г. Пospelова, сборник стихов «Человек» Э. Межелайтиса; Лю Ляо'и посвятил себя переводу романа «Война и мир» Л. Толстого и «Детству» М. Горького; Е Шуйфу перевел «Молодую гвардию» А. Фадеева; Сюй Лэйжань — «Дни и ночи» К. Симонова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и

«Педагогическую поэму» А. Макаренко; Цзян Лу — «Что делать?» Н. Чернышевского, труды о литературе А. Луначарского, Цао Сулин — «Спутники» В. Пановой; Лу Юнфу — «Избранное Пушкина»; У Мэнчан — «Избранные повести и рассказы Горького» и «Избранное» Горького; Чэн Вэнь — «Александр Матросов»; Фэн Цзяннань — «Бесы» и «Идиот» Ф. Достоевского, «Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга; Чэнь Сыюн — «Тысячу душ» А. Писемского; «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина; Яо Минью — «Избранные пьесы и прозу Л. Андреева»; Ван Чжилян — «Санин» М. Арцыбашева, «Избранное В. Слепцова»; Чэнь Фу — «Собрание сочинений И. Бунина»; Чжан Фушэн — «Уединенный домик на Васильевском» В.П. Титова. В 1950-х гг. Елизавета Павловна Кишкина (супруга Ли Лисаня²) еженедельно вела в издательстве консультативные семинары для переводчиков и отвечала на вопросы русистов. Чэнь Сяомань (невестка писателя Мао Дуня) по совместительству работала редактором и готовила рукописи к публикации. Издательство привлекало к работе многих известных переводчиков со стороны, например, Лань Иннянь перевел «Избранное А. Куприна» и «Доктора Живаго» Б. Пастернака, Пань Тунлун — «Избранные повести и рассказы Достоевского», Гу Юй — «Избранную лирику Пушкина» и «Полное собрание басен И. Крылова».

*Групповое фото переводчиков и редакторов русской и советской литературы, 1997 г.
Слева направо: Сунь Шэнью, Ван Чжилян, Лю Ляо'и, Лу Юнфу, У Мэнчан, Сюй Лэй-
жань, Яо Минью, Е Шуйфу, Чжан Фушэн, Чэнь Сыюн, Цзян Лу*

Издательство «Народная литература» добилось выдающихся результатов в области популяризации русской литературы, стало ведущим издательством, получившим признание читателей, потому что оно всегда имело прочную и квалифицированную команду редакторов. Большая их часть — специальные редакторы с богатым опытом и, вместе с тем, известные в Китае переводчики литературы; они знакомили читателей с огромным количеством произведений русской и советской литературы, всю свою жизнь

беззаветно служили делу перевода русской литературы. Симпатия китайского народа к России неотделима от прочитанных прекрасных творений русской литературы.

Русская литература наполнена чувством патриотизма, духом героизма, жизненной философией, романтизмом, гуманизмом, поисками справедливости, эти книги вызвали глубокую любовь у китайцев. Даже в период «культурной революции» и годы, когда отношения между Китаем и Россией были плохими, немало молодых людей, в том числе интеллигенция, отправленная в горы и деревни «на перевоспитание», по-прежнему тайком читала книги русских и советских авторов. Некоторым из-за этого даже пришлось носить колпаки «ревизионистов», «советских шпионов». После окончания «культурной революции» в Китае стремительно возродилась иностранная литература, и самое широкое распространение получила русская и советская литература, хорошо знакомая китайцам. В этот период времени было издано более тысячи наименований произведений русской и советской литературы. Читатели говорили: «как хорошо! сейчас можно прочесть все, что хочешь из русской и советской литературы». В это время еще здравствовало старшее поколение переводчиков, это было как в пословице «старый скакун рвется к великим целям»; люди среднего возраста, представители нового Китая, обучавшиеся в Советском Союзе, потирая ладони от радости, стремились наверстать упущенные годы; после возобновления в 1977 г. вступительных экзаменов в вузы юные абитуриенты всеми силами души рвались совершить великое дело. Так и возникло явление совместной переводческой и литературно—критической работы трех поколений.

В этот момент и пришел в издательство «Народная литература» Чжан Фушэн. Под руководством таких известных специалистов, как Цзян Лу, Сунь Шэнью, Сюй Лэйжань он упорно штудировал литературу, был прилежным и исключительно ответственным в работе, добился выдающихся результатов и постепенно принял эстафету у предшествующего поколения. В редакции издательства «Народная литература» он занимается произведениями русской и советской литератур вот уже целых 35 лет. В 80-х годах прошлого века Китай накрыла безудержная волна, когда интеллигенция бросала свое основное занятие и полностью посвящала себя коммерческой деятельности. Но Чжан Фушэн был непоколебим. Он горячо любит свою работу, из литературных шедевров впитал глубокие идеи, сопереживает настоящим и сложным чувствам героев, культивирует истинное добро, красоту и благородные ценности служения обществу, в чем находит безграничную радость. Чжан Фушэн принадлежит ко второму поколению редакторов русской литературы в издательстве, он осуществил большую работу по отбору и редактированию книг.

Чжан Фушэн родился в 1952 г. в Пекине, в 1977 г. окончил факультет русского языка и литературы Пекинского университета, после чего сразу же был направлен по распределению на работу в издательство «Народная литература», где и трудится по настоящее время. В 1991–1992 гг. стажировался на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1991 г. перед распадом Советского Союза он побывал на трехмесячной стажировке по повышению квалификации в издательстве «Советская литература». За 35 лет работы Чжан Фушэна в издательстве опубликовано 130 книг (объемом примерно 17 000 000 иероглифов), редактированием которых он занимался. Он участвовал в подготовке к изданию «Собрания сочинений Горького», «Избранного собрания сочинений Достоевского», «Избранного собрания сочинений Тургенева» и таких масштабных проектах, как «Библиотека зарубежной литературы XX века», «Сокровищница произведений мировой литературы». Особо стоит отметить «Историю русской литературы» (1991), получившую вторую премию на всекитайском конкурсе на лучшую библиотеку зарубежной литературы, а также роман «Как закалялась сталь», отмеченный в 1994 г. всекитайской премией. В «Сокровищнице произведений мировой литературы» Чжан Фушэн участвовал в редактировании шести произведений русской классики. В 1994 г. в связи с открытием в Пекине Всемирного форума женщин он запланировал изда-

ние библиотечной серии «Проза о судьбе русской женщины» в 10 томах. Вышли «Женщина с голубыми глазами», «Пиковая дама», «Крейцера соната», «Любовь», «Лица», «Олеся», «Цветы запоздалые», «Без вины виноватые», «Первая любовь», «Белые ночи». Кроме того, он редактировал собрание вочинений М. Шолохова в 8 томах и написал несколько статей под общим названием «Закончив редактировать Шолохова».

Чжан Фушэн

За почти 30-летний период издательство «Народная литература» опубликовало следующие произведения русской и советской литературы (большинство из них редактировалось Чжан Фушэном и Чэнь Фу):

- «Собрание сочинений Льва Толстого» (в 17 т., 1984–1989, тираж 10 тыс.)
- «Избранная лирика Пушкина» (1992, тираж 10 тыс.)
- «Собрание сочинений Пушкина» (в 7 т., 1995, тираж 10 тыс.)
- «Избранные сочинения Чехова» (1996, тираж 10 тыс.)
- «Избранные произведения Распутина» (1984, тираж 10 тыс.)
- «Собрание сочинений Шолохова» (в 8 т., полностью идентично российскому изданию в 8 т.; 1995, тираж 10 тыс.)
- «Судьба человека» Шолохова (2001, тираж 5 тыс.; 2005, тираж 8 тыс.)
- «Собрание сочинений Тургенева» (в 6 т., 2001, тираж 10 тыс.)
- «Собрание сочинений Достоевского» (в 10 т., 2010, тираж 10 тыс.)
- «Собрание сочинений Буннина» (в 4 тт., 2011, тираж 5 тыс.)
- «Полное собрание басен Крылова» (2001, тираж 5 тыс.)
- А. Фадеев «Разгром» (2002, тираж 5 тыс.)
- Н. Островский «Как закалялась сталь» (первое издание — 1952 г., 5-е изд. — 1995; в 2003 г. юбилейное издание в честь 100-летия со дня рождения писателя, 5000 экз. в роскошном переплете)
- В. Кондратьев «Сашка» (Серия «В память о победе над фашизмом», 2005, тираж 8 тыс.)

- Г. Бакланов «Пядь земли» (2005, тираж 8 тыс.)
- Б. Васильев «А зори здесь тихие» (2010, 10 тыс.)
- К. Симонов «Дни и ночи» (2005, 6 тыс.)
- Ю. Поляков «Замыслил я побег» (2002, тираж 4 тыс.)
- В. Пелевин «Generation «П» (2001, тираж 10 тыс.)
- А. Проханов «Господин Гексоген» (2002, 7 тыс.)
- В. Распутин «Дочь Ивана, мать Ивана» (2005, 9 тыс.)
- Л. Улицкая «Искренне Ваш Шурик» (2005, тираж 8 тыс.)
- «Современная русская поэзия. Избранное» (2006, 5 тыс.)
- «Современная русская проза. Избранное» (Е. Носов, В. Распутин и др. 2006, тираж 5 тыс.). После издания торжественно вручена Председателю Ху Цзиньтао и президенту Путину.
- В. Агеносов. «Литература русского зарубежья» (2004, тираж 3 тыс.)
- З. Прилепин «Санькя» (2008, тираж 8 тыс.)
- М. Шишкин «Венерин волос» (2007, 8 тыс.)
- М. Елизаров. «Библиотекарь» (2010, 8 тыс.)
- А. Макаренко. «Педагогическая поэма» (2011, 8 тыс.)
- Хрестоматия по произведениям Горького (2011, 8 тыс.)
- Ю. Селезнев. «Биография Достоевского» (2011, 10 тыс.)
- Хрестоматия по произведениям Солженицына (2012, 8 тыс.)
- Четыре сборника русской женской прозы молодых русских писателей под редакцией лауреата премии «Русский Букер» О. Славниковой (2010, 3 тыс.)
- Сборник стихов Андрея Соча.

В течение 60 лет издательство «Народная литература» уделяет повышенное внимание не только классической литературе России, но также издает произведения современных российских писателей с различной идейной направленностью, принадлежащие к различным течениям и в полной мере отражающие современное состояние литературы России, предоставляя широким кругам китайских читателей возможность выбрать лучшее. Этим тяжелым, но драгоценным и отрадным издательским трудом на протяжении многих лет, оставаясь в неизвестности, оно укрепляет взаимопонимание и дружбу народов России и Китая.

В 2002 г. издательство «Народная литература» и Общество по изучению зарубежной литературы совместно учредили премию «За лучшие произведения зарубежной прозы XXI века». За 10 с лишним лет присуждения премии ее получили 10 российских писателей: в 2002 г. Ю. Поляков за сборник «Убегающий от любви», в 2003 г. — А. Проханов за «Господин Гексоген», в 2004 г. — В. Распутин за «Дочь Ивана, мать Ивана», в 2005 г. — Л. Улицкая за «Искренне Ваш Шурик», в 2006 г. — М. Шишкин за «Венерин волос», в 2007 г. — З. Прилепин за «Санькя», в 2009 г. — М. Елизаров за «Библиотекарь», в 2011 г. — О. Славникова за роман «Легкая голова». Премию 2012 г. получил В. Сорокин за повесть «Метель», в 2013 — представитель старшего поколения российских писателей Д. Гранин за роман «Мой лейтенант».

Почитателей русской литературы в Китае немало и сегодня. Литература по-прежнему укрепляет взаимопонимание между народами двух стран и создает прекрасный мост между ними. Переводчики и редакторы издательства «Народная литература» на протяжении многих лет продолжают созидать этот нетленный мост.

1. Цао Цзинхуа (1897–1987) — переводчик, редактор и популяризатор русской литературы, переводил произведения А.П. Чехова, А. Гайдара, К. Федина, В. Катаева и др. В течение шести лет преподавал китайский язык в Ленинградском университете. Будучи долгие годы деканом факультета русского языка Пекинского университета, профессор Цао Цзинхуа много сделал для подготовки китайских русистов. В 1987 г. был награжден Орденом Дружбы Народов за большой вклад в укрепление советско-китайского сотрудничества. Почетный доктор СПбГУ. Подробнее о нем см.: *Цао Сулин*. Тихвинский и Цао Цзинхуа: дружба, проверенная временем / пер. с кит. Хуан Лиляна, Е. Шикаловой; науч. и лит. ред. А. Ипатова // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 110–113.
2. Ли Лисань (1899–1967) — китайский революционер, один из руководителей КПК в начале 1930-х гг. Его жена, Е.П. Кишкина (кит. имя Ли Ша) — один из патриархов китайской русистики, профессор, долгие годы работала на факультете русского языка Пекинского университета. В годы «культурной революции» провела 8 лет в одиночной камере. В марте 2014 г. в преддверии своего столетнего юбилея, завершила повесть о своей жизни в Китае «Из России в Китай — путь длиною в сто лет».

Научная жизнь

Третий индийско-российский диалог «За мир и региональную безопасность» (Хроника и анализ итогов встреч ученых ИДВ РАН в Нью-Дели 23–28 февраля 2014 г.)

Среди немалого числа международных научных мероприятий, проводимых Институтом Дальнего Востока РАН, проекты, связанные с Индией, встречаются не часто. Это объясняется географическими факторами: «южно-азиатский гигант» не принадлежит к Восточной Азии, которая, с центральным «китайским звеном», составляет основной предмет исследований ИДВ. Важным исключением при этом служит тема трехстороннего взаимодействия в формате «Россия — Китай — Индия» (РИК), в рамках которой ИДВ является одним из трех координаторов проводимых с 2001 г. конференций с участием политологов этих стран.

Примечательным на этом фоне явился стартовавший в 2011 г. научный диалог, участниками которого стали Институт Дальнего Востока РАН и Исследовательский Центр Военно-воздушных сил Индии (*The Centre for Air Power Studies — CAPS*) — авторитетная аналитическая структура, занимающаяся проблемами национальной и международной безопасности, в том числе в аэрокосмической сфере. Организованный сравнительно недавно (2001 г.) под эгидой неправительственного Фонда «Trust», который возглавляется бывшим заместителем главы МИД Индии, CAPS сумел привлечь к сотрудничеству немало видных военных и гражданских исследователей и обрел ныне весьма солидные позиции в индийском экспертном сообществе¹.

Три года назад индийская сторона пригласила российских коллег на первую конференцию, через два года ученые из Дели были гостями ИДВ. В конце февраля 2014 г. российская делегация во главе с директором ИДВ академиком М.Л. Титаренко по приглашению нынешнего руководителя CAPS маршала авиации В. Патни прилетела в столицу Индии на очередную конференцию, которую хозяева, имея, очевидно, в виду порядковый номер совместного мероприятия, назвали «третий раунд индийско-российского диалога».

Канун прихода весны жители индийской столицы традиционно считают едва ли не самым погожим временем года: позади остаются «суровые» для делийцев «холода» (плюс 10 по Цельсию), а действительная (без всяких «кавычек») жара, которая опускается на город к середине марта, еще только на подходе. В это вполне можно было поверить, поскольку в день прибытия российских ученых над городом разразилась редкая даже для этих месяцев гроза, которая наполнила окрестности прямо-таки майской московской свежестью.

Под стать располагающей погоде было и внимание, проявленное к ученым из России. Причем это касалось не только общепринятых представлений о гостеприимстве,

но и того неподдельного интереса, который партнеры проявили к научной части запланированных мероприятий. А таковых в течение пяти дней оказалось немало, что собственно и явилось главным показателем основательности, проявленной хозяевами при подготовке повестки дня.

Непосредственно сама конференция «ИДВ РАН — CAPS» проходила в течение двух дней и имела весьма представительный характер: на мероприятие устроители пригласили видных индийских экспертов-политологов, включая двух бывших послов Индии в РФ К. Сибала и А. Малхотру, выступивших с обстоятельными докладами.

В канун открытия конференции состоялся полноценный семинар с участием большой группы ведущих сотрудников Института объединенных сил (*The United Service Institution of India — USI*) во главе с его директором генерал-лейтенантом П.К. Сингхом. Созданный почти полтора столетия назад, Институт по праву считается одним из старейших и влиятельных центров, в рамках которого ныне ведут исследования свыше 14 тыс. экспертов, в том числе из числа бывших видных военных и гражданских специалистов². Заинтересованный обмен мнениями по широкому кругу глобальных и региональных проблем, включая безопасность в Азии и зоне Индийского океана, стал хорошим творческим заделом перед последующими дискуссиями.

Важные научные встречи по просьбе индийских коллег состоялись и после самой конференции.

Так, насыщенная беседа прошла в одном из ведущих «мозговых центров» Индии — Институте оборонных исследований и анализа (*The Institute for Defence Studies and Analyses — IDSA*), где ученых ИДВ приняли видные специалисты во главе с директором Института А. Гуптой. О статусе IDSA, также как о степени влияния его рекомендаций на процесс принятия управленческих решений свидетельствует тот факт, что Институт находится в подчинении «Исполнительного комитета во главе с министром обороны Индии»³.

Кроме того, был проведен двусторонний семинар в Индийском совете по международным делам (*The Indian Council of World Affairs — ICWA*); этот всеиндийский исследовательский центр, который в 2001 г. специальным актом индийского парламента был объявлен «институтом национального значения», порой называют «общественным МИДом». В свое время его регулярно посещал Дж. Неру, а в руководящие органы входят вице-президент страны и глава внешнеполитического ведомства. Экспертами ICWA с готовностью выступают многие крупные деятели и дипломаты⁴.

Наконец, состоялась представительная и продолжительная встреча в индийском Институте китайских исследований (*ICS*), который, как говорилось выше, вместе с ИДВ РАН и китайским Институтом международных проблем МИД КНР (*China Institute of International Studies, CIIS*) является одним из координаторов реализуемого с 2001 г. проекта изучения проблем формата РИК.

Таким образом, за период пребывания в Индии было проведено несколько значимых научных мероприятий. При этом весьма широкий, заостренный на общей теме региональной безопасности характер затронутых проблем позволяет объединить все проведенные дискуссии общей повесткой, которая включила такие основные пункты, как вопросы обеспечения стабильности в мире и АТР, ситуацию в Центральной и Южной Азии, проблемы Афганистана, различные сферы отношений между РФ, Индией и Китаем и перспективы формата РИК, некоторые аспекты проблемы сдерживания гонки вооружений.

Суммируя результаты дискуссий, наиболее интересными представляются следующие наблюдения, относительно подходов индийской стороны.

Прежде всего, участники были едины в оценках глобальной ситуации, как переживающей период становления и перемен в балансе мировых сил, где все большую роль играют страны с развивающимися рынками. В этой связи подчеркивалось значение участия Индии и России в объединении БРИКС, чья растущая роль все более ощутима на такой важной международной площадке, как «G-20». Участники отмечали актуаль-

ность создания в Азии и АТР основ универсальной системы безопасности, в связи с чем акцентировалось потенциальное значение Восточноазиатского саммита (ВАС).

Самостоятельной темой бесед практически во всех аудиториях были «отношения особо привилегированного партнерства» между Россией и Индией.

Как подчеркивали, например, организаторы основной конференции (*директор CAPS В. Патни*), несмотря на то, что в рамках своей активной многовекторной политики Индия развивает связи с широким кругом стран, отношения с РФ остаются для нее стратегическим приоритетом «номер один», поскольку «надежность России не подлежит сомнению». В качестве отдельной темы обсуждалось плодотворное сотрудничество РФ и Индии по линии обороны и военно-технического сотрудничества.

Среди нерешенных вопросов двусторонних отношений, по-прежнему фигурировали, прежде всего, низкий объем товарооборота, невысокий уровень взаимных инвестиций. Тем не менее, привлекло внимание замечание индийской стороны, что свой «наиболее крупный зарубежный инвестиционный проект (проект «Сахалин») Индия реализует именно в России». Как неоднократно подчеркивали партнеры (*генерал-лейтенант В. Шанкар, Институт объединенных сил и др.*), наиболее востребованным и перспективным направлением «прорыва» в экономических отношениях двух стран остается *энергетика*.

Примечательным моментом этой части дискуссий стал также тезис индийских коллег о том, что Индия приветствует шаги российского руководства, направленные на интеграцию в политическое и экономическое пространство АТР, и в рамках дальнейшего развития двустороннего сотрудничества «выражает желание» подключиться к реализации планов РФ по подъему Сибири и Дальнего Востока.

Немалое место в обсуждениях было отведено перспективам формата «Россия — Индия — Китай» (РИК).

Комментируя доклад главы российской делегации академика М.Л. Титаренко, подробно проанализировавшего деятельность структуры РИК в контексте современных тенденций в Азии и АТР, индийские эксперты выразили весьма позитивное отношение к развитию взаимодействия в трехстороннем формате. Представители обеих сторон особо выделили потенциал РИК в деле обеспечения стабильности в регионе «большой Центральной Азии», где в последнее время все заметнее актуализируются проблемы Афганистана. Подчеркнутая в дискуссиях растущая важность центрально-азиатской повестки РИК стала важным аргументом в пользу дальнейшего развития трехстороннего формата, которое порой ставится под сомнение на фоне быстрого продвижения структуры БРИКС. Более того, как отметили индийские эксперты, сегодня РИК полезен в смысле «консолидации» позиции Индии, России и Китая как раз на самой площадке БРИКС, которая таким образом становится дополнительным вектором трехстороннего взаимодействия. Предметные вопросы функционирования РИК затрагивались сторонами в ходе беседы в Индийском институте китайских исследований. В частности, обе стороны приветствовали решение о проведении летом 2014 г. в Москве 13-й трехсторонней научной конференции РИК — очередного мероприятия в рамках упоминавшегося выше трехстороннего академического диалога.

Еще одним важным вопросом обсуждений стала деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В ходе бесед хозяева подтвердили заинтересованность Дели в работе ШОС, вновь обратив внимание на «ограниченность возможностей Индии в статусе наблюдателя» (*посол К. Сибал*). В этой связи партнеры с большим вниманием выслушали доклад российской стороны (*С.Г. Лузянин*), в котором содержался прогноз относительно весьма скорого принятия Индии в ШОС в качестве официального «полного» участника.

В то же время коллеги в Институте оборонных исследований и анализа, (IDSA), весьма недвусмысленно заявили что в последнее время Индия выработала в отношении участия в ШОС своего рода «высокоточную», целенаправленную политику («smart

policy»), острие которой будет сконцентрировано на двух направлениях — «на безопасности и энергетике». При этом индийские эксперты оценили роль ШОС как «решающую» в поддержании региональной стабильности (*проф. Ш. Чаала*), в том числе в деле афганского урегулирования. В контексте участия Индии в решении данных проблем индийские эксперты особо указывали на важность тесного российско-индийского сотрудничества.

Касаясь проблем Афганистана, коллеги говорили о необходимости большего участия в их решении «региональных игроков», включая Иран, страны Центральной Азии, Россию, а также Индию, для которой афганское урегулирование «необходимо и с позиций обеспечения безопасности, и с точки зрения участия в региональном экономическом сотрудничестве». Важной, но на деле весьма «негативной и лишь осложняющей обстановку», была сочтена роль Пакистана, который «необходимо отвратить от попыток сделать Афганистан «задним двором» своей неблаговидной активности». Как утверждали индийские представители, в рамках «второй дорожки» Индия неоднократно пыталась привлечь Пакистан к конструктивному сотрудничеству по Афганистану, но «пока безрезультатно». Поэтому, по мнению собеседников, РФ также могла бы воздействовать на него в этих целях, одновременно оказывая помощь афганским силам безопасности путем поставок вооружений и военного оборудования. При этом индийские эксперты вновь акцентировали важность российско-индийского взаимодействия, подчеркнув, что Индия может тесно сотрудничать с Россией при подготовке кадров для афганской армии и полиции, ремонте афганской военной техники и т.п.

Ряд заслуживающих внимания тезисов был оглашен индийскими коллегами по темам, связанным с некоторыми базовыми подходами Индии к выстраиванию своей внешней политики, в том числе в двусторонних отношениях. В этой связи звучали напоминания о традиционных для Индии принципах неприсоединения, которые ныне, с учетом современных реальностей, трансформируются в тезис о «стратегической автономности»⁵; причем в контексте данного тезиса индийские эксперты не скрывали, что на фоне признания «несомненной приоритетности» традиционных связей с РФ Дели намерен развивать партнерский диалог и с Вашингтоном. Говоря о мотивах сближения с США, индийские коллеги, среди прочего, делали акцент на стремлении Индии (на фоне «роста КНР») обеспечить «оптимальный баланс сил в Азии и АТР». При этом, однако, отмечалось, что Дели следует принципу «равноудаленности» и не желает переходить «красных антикитайских линий».

Аналогичным образом в тесной связи с тезисом об индийской «стратегической автономности», хозяева представили и подход Индии к активному развитию связей с Японией. В треугольнике «Дели — Токно — Пекин» Индия, по словам индийских экспертов, также преследует цель избежания дисбалансов, создания благоприятных условий для своей «восточной политики», реализуемой с 1990-х гг. в ЮВА (например, диалог с Вьетнамом) и других регионах АТР.

В данной части дискуссий нашли отражение нерешенные вопросы индийско-китайских отношений (погранично-территориальный и др.). Показательно, что, не скрывая своих озабоченностей этим, индийская сторона обращала внимание на позитивную сторону развивающегося двустороннего диалога. В частности, был отмечен тот факт (*посол А. Малхотра*), что в 2013 г. впервые за последние 60 лет в течение одного календарного года прошел обмен визитами премьер-министров двух стран⁶.

Участники российской делегации поделились своими мнениями о политике нового поколения китайских лидеров, «декларировавших стремление продолжить курс «мира и развития» (*М.Л. Титаренко*). Кроме того, внимание вновь было привлечено к формату РИК, который, как не раз признавали и в Индии, и в Китае, способствует укреплению индийско-китайских отношений (*С.В. Уянаев*).

Большой интерес индийские коллеги проявили к российской позиции по украинским событиям. Российские ученые подробно рассказали о своем видении историче-

ских, социально-экономических причин украинского кризиса, о чреватых опасной дестабилизацией шагах нынешней власти в Киеве в направлении запрета русского языка — родного почти для половины населения страны, о провокационной роли Запада, прямо участвовавшего в событиях на киевском «майдане». Отметив, что «украинские сюжеты» освещаются в Индии «достаточно однобоко», в основном через призму западных СМИ, хозяева отнеслись к разъяснениям с серьезным вниманием. В этой связи заметим, что в последовавшем 18 марта выступлении по поводу Крыма Президент РФ высоко оценил «сдержанность и объективность Индии» в связи с событиями на Украине⁷.

Примечательным содержанием бесед явилась предложенная хозяевами тема освоения и использования космического пространства, недопущения его милитаризации. Обращая внимание на то, что Индия уступает США, России и Китаю в этой сфере, индийские коллеги подчеркивали, в частности, что многие космические технологии изначально создавались в военных целях, причем дальнейший технологический прогресс может привести к качественному скачку — появлению на орбите и ударных систем. Как полагают индийские эксперты, нынешние усилия по предотвращению милитаризации космического пространства, предпринимаемые на национальном и международном уровнях, носят в основном характер деклараций, не имеющих юридической силы. Поэтому, по их мнению, нужно формировать конкретный комплекс конструктивных мер, в том числе принять соответствующие соглашения в рамках Конференции по разоружению. В первую очередь, было предложено внести поправки и дополнения в Договор о космосе 1967 г., которые ограничивали бы новые виды оружия (лазеры, оружие энергии направленного действия, кинетическое оружие, а также оружие на новых физических принципах).

В данном разделе повестки дня участники с интересом выслушали доклад российской делегации (*генерал-лейтенант А.Ф. Клименко*) о перспективах Договора о предотвращении размещения оружия в космосе⁸. В нем были показаны серьезные угрозы глобальной безопасности, которыми чревато применение силы в отношении космических объектов, выдвинут призыв к тесному сотрудничеству с целью недопущения негативных сценариев.

В ходе дискуссий внимание участников было привлечено к замечанию индийской стороны (*директор Института объединенных сил генерал-лейтенант П.К. Сингх*) о целесообразности включения в повестку дня российско-индийского экспертного диалога вопросов, «связанных с ядерной проблематикой». Очевидно, что данный тезис стал, в том числе, и напоминанием об известном стремлении Индии добиться официального признания ее ядерного статуса.

По общему мнению участников третьего раунда диалога экспертов ИДВ с индийскими коллегами, все встречи прошли весьма плодотворно, на высоком организационном уровне, в связи с чем была, в частности, выражена теплая благодарность заведующей отделом международных связей ИДВ РАН Т.А. Каргановой, «блестящая работа» которой, по признанию самих хозяев, оказалась «абсолютно незаменимой» в ходе практически всех дискуссий.

Руководство ИДВ РАН официально огласило приглашение коллегам из Исследовательского центра ВВС прислать делегацию на очередной раунд совместного диалога в следующем году в Москве, которое было с благодарностью принято.

1. URL: <http://capsindia.org/about>.
2. URL: <http://www.usiofindia.org/About/History/>
3. URL: <http://www.idsa.in/executivecouncil>.

4. URL: http://www.icwa.in/members_governing.html.
5. Подробные взгляды на эту тему близких к правительству экспертов и политиков, включая бывших и действующего советников по национальной безопасности, были изложены весной 2012 г. в специальном Докладе «Неприсоединение 2.0. Внешняя политика и стратегия Индии в 21 веке». URL: <http://www.cprindia.org/workingpapers/3844-nonalignment-20-foreign-and-strategic-policy-india-twenty-first-century>.
6. Факт обмена визитами в рамках одного года был специально отмечен в Совместном заявлении по итогам визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай (октябрь 2013 г.) См.: Joint Statement- A vision for future development of India-China strategic and cooperative partnership. URL: <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22379/Joint+Statement+A+vision+for+future+development+of+IndiaChina+strategic+and+cooperative+partnership>.
7. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>.
8. См.: Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Проект. URL: http://www.geneva.mid.ru/disarm/23_rus.html.

О конференции «Япония в поисках новой глобальной роли»

12–13 декабря 2013 г. в МГИМО-Университете состоялась международная конференция на тему «Япония в поисках новой глобальной роли», организованная кафедрой востоковедения МГИМО совместно с Институтом Дальнего Востока РАН и Институтом востоковедения РАН. Это 6-я ежегодная конференция Ассоциации японоведов, посвящённая проблемам современной Японии. На мероприятие съехались из Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска и других городов более 70 японоведов, представляющих крупнейшие научные и научно-образовательные учреждения России, включая ведущие востоковедные центры, а также японские ученые. Активное участие в работе конференции приняли члены делегации Японского института международных проблем, находившиеся с рабочим визитом в Москве, и представители посольства Японии в России.

По традиции председателем Ассоциации японоведов профессором Д.В. Стрельцовым (МГИМО) на конференции были презентованы издания ассоциации — ежегодник «Япония 2013», научные сборники «Япония в поисках новой глобальной роли» и «Япония в Восточной Азии: параметры сотрудничества». Руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН В.О. Кистанов презентовал ежегодный сборник «Актуальные проблемы современной Японии» (выпуск XXVII) и новые номера ежеквартального сборника «Япония наших дней», издаваемые ИДВ РАН*.

Тематическую секцию «Новая внешнеполитическая повестка дня кабинета С. Абэ» открыло выступление *Наоми Исихары* (университет Рицумэйкан, Япония) «*Японо-американский альянс в глобальной перспективе*». Основа японо-американского альянса была заложена после окончания Второй мировой войны, когда Япония восстановила свой суверенитет и подписала с США в 1951 г. Договор о взаимной безопасности. Суть альянса двух стран остается неизменной, однако изменились роли, которые каждая из сторон играет в этом альянсе. Исихара остановился на природе и исторической эволюции двусторонних отношений между Японией и США, и представил грядущую перспективу этого альянса. По его мнению, для достижения более сбалансированного партнерства в японо-американском альянсе Япония должна проводить более агрессивную политику в более широком глобальном контексте в ответ на такие вызовы, как терроризм, кибератаки, региональные гражданские конфликты и связанные с ними гуманитарные кризисы.

Д.В. Стрельцов (МГИМО) в выступлении «*Качественный сдвиг в политике кабинета С. Абэ в сфере национальной безопасности*» отметил, что в 2013 г. в политике Токио намечился поворот в пользу активизации военного строительства. Во-первых, Абе отошел от политики «умиротворения», перейдя к достаточно жесткой риторике. Во-вторых, он не только достиг прогресса в деле восстановления доверительных отношений с США, которые были ослаблены в период пребывания у власти Демократической партии

* Подробную информацию об указанных изданиях можно найти на сайте Ассоциации японоведов и в блоге Центра японских исследований ИДВ РАН. URL: <http://japancenter.livejournal.com>.

(ДПЯ), но и фактически добился проявления солидарности со стороны Вашингтона по вопросу об островах Сэнкаку. В-третьих, Япония в своей военной политике по отношению к Китаю стала двигаться в сторону проведения тесной координации оборонной политики со странами, озабоченными ростом военных амбиций Пекина. Абэ выдвинул идею «ромба безопасности» — объединения Японии с Австралией, Индией и американским штатом Гавайи. В качестве одного из приоритетов своей политики в сфере безопасности Абэ явственно обозначил курс на пересмотр конституции. Важной задачей кабинета Абэ явилось восстановление отношений с Москвой, существенно ухудшившихся в период правления ДПЯ.

К.О. Саркисов (университет Хосэй, Япония) в выступлении «*ЛДП и системные реформы*» указал на новый баланс политических сил в Японии, обусловленный успехами для Либерально-демократической партии (ЛДП) выборами 21 июля 2013 г. в верхнюю палату парламента: теперь правящая ЛДП в обеих палатах обладает достаточной политической силой, чтобы попытаться провести в жизнь радикальные реформы. В первую очередь они касаются макроэкономики — существенное сокращение налога на инвестиции и повышение потребительского налога. Другая часть относится к политической сфере: пересмотр «мирной» 9 ст. конституции и для этого — ревизия ее 96 ст. Наконец, принятие правительством административного постановления о том, что действующая конституция не отрицает права Японии на коллективную безопасность, а следовательно, позволяет использовать ее вооруженные силы вне пределов страны. По мнению Саркисова, пересмотр конституции с точки зрения возрождения японской экономики ничего не дает. Напротив, если он будет осуществлен по сценарию ЛДП, то не только в Китае, но и в других азиатских странах «сильная в военном отношении» Япония вызовет к жизни былую «аллергию», причём политические последствия этого скажутся и на экономических отношениях.

Тему курса правящей ЛДП продолжил *П.А. Павленко* (Национальный комитет по развитию экономических отношений с Японией) в выступлении «*Итоги первого года власти ЛДП: внутри- и внешнеполитические измерения*». По его мнению, в настоящее время в ЛДП фактически сложилась новая расстановка сил, которая в определенной степени обозначила смену эпох. Для ЛДП остро стоит вопрос о стабильности режима, поскольку одной из причин краха ДПЯ на выборах была министерская чехарда и ежегодная смена премьер-министров. Как и всякая «партия власти», отстраненная от распределения государственного бюджета, ЛДП прошла через очень тяжелые три года в оппозиции. Теперь ее лидеры постараются не обострять фракционных противоречий, чтобы «не расшатывать лодку», а решать острые вопросы путем закулисных переговоров. Следует ожидать ужесточения контроля над финансовыми потоками депутатов. Что касается российско-японских отношений, считает Павленко, то ореол националиста и консерватора, который окружает Абэ, не должен вводить в заблуждение: его реальная политика будет исключительно прагматической, что и было продемонстрировано во время визита Абэ в Россию в апреле 2013 г.

В выступлении *Э.В. Молодяковой* (ИВ РАН) «*Проблема пересмотра конституции в контексте изменений в обществе*» было отмечено, что конституция Японии вступила в силу 3 мая 1947 г. и действует без единой поправки по настоящее время, что делает ее уникальной по этому параметру. Однако она уже не в полной мере соответствует современным реалиям, поскольку, например, в международных делах наблюдается возрастание роли японского фактора. В 2000 г. в обеих палатах парламента создаются Комитеты по изучению конституции. В мае 2007 г. парламентом был принят закон, регламентирующий процедуру референдума по ее пересмотру. Согласно закону в референдуме могут принять участие все граждане Японии старше 18 лет, и решение будет принято простым большинством. 18 мая 2010 г. закон был введен в действие. В стране появляется «третий полюс» политических сил, которые призывают пересмотреть паци-

фистскую конституцию и обеспечить Японии право на участие в коллективной обороне. В этом плане заслуживает внимания тезис Абэ об «активном пацифизме», под которым понимается «активный вклад в дело мира», а именно: Япония будет «еще более активно участвовать в коллективных мерах безопасности ООН, включая операции по поддержанию мира».

В своем выступлении *Сигэтада Каваниси* (Университет Дж. Ф. Оберлина, Япония) «*Подъем Азии и взаимоотношения между странами СВА*» остановился на проблемах роста азиатских стран, которые в настоящее время показывают более высокие темпы развития, чем любой другой регион. По мнению Каваниси, подъем Азии в целом и Китая в частности является вызовом для других стран мира. Азиатский лидером с 2005 г. стал Китай, потеснив Японию. Экономический рост Китая будет продолжаться, а в перспективе только две страны — Китай и Южная Корея — смогут в ближайшем будущем догнать США. Каваниси считает, что в рамках азиатского сообщества необходима общая интеллектуальная основа. Азия и Евразия могли бы работать над проектом интеллектуального азиатского-евразийского сотрудничества, что способствовало бы взаимодействию в области образования и экономики стран регионов.

В.Н. Павлятенко (ИДВ РАН) в выступлении «*Внутренние и внешние аспекты оборонной политики кабинета Синдзо Абэ*» отметил, что наряду с экономикой и внешней политикой оборонная политика является одним из приоритетов Абэ, который уверен: сильная оборона — залог «мощной и процветающей Японии». Однако, отношение кабинета Абэ к проблеме обороны страны характеризуется расширенным толкованием роли оборонного строительства. По мнению Павлятенко, итог деятельности кабинета Абэ в области оборонной политики можно оценить положительно. Япония стоит на пороге серьезных реформ сил самообороны, которые приведут не только к укреплению военного потенциала Японии, но и повысят ее роль в обеспечении мира и безопасности в регионе и на глобальной арене в целом. Очевидно, что Абэ все чаще будет использовать военный потенциал Сил самообороны для реализации своей стратегии «активного пацифизма». При этом во всех проводимых мероприятиях кабинета Абэ нет признаков милитаризма — идет планомерный процесс реформирования Сил самообороны Японии, отвечающий сложным задачам современной ситуации в регионе.

Тему безопасности подхватил *О.Г. Парамонов* (МГИМО) в выступлении «*Тенденция пересмотра Токио подходов к политике безопасности под влиянием сотрудничества с Вашингтоном в области ПРО*». В настоящее время Япония не только является наиболее ценным и перспективным партнером Вашингтона в области ПРО, но и постепенно становится весьма значимым и авторитетным актором в этой крайне чувствительной для международной среды безопасности сфере. По мнению Парамонова, японо-американское сотрудничество в области ПРО, являясь в настоящее время для Токио важным стимулом к продолжению взаимодействия с Вашингтоном в военно-политической сфере, в будущем может способствовать созданию предпосылок для большей автономии Японии в рамках альянса, а также для расширения ее сотрудничества с соседними государствами по вопросам безопасности.

Ю.А. Крячкина (Российский институт стратегических исследований) продолжила тему международной роли Японии в вопросах обороны в выступлении «*Японские Силы самообороны в зарубежных миссиях*». Она остановилась на участии подразделений японских Сил самообороны в международных конфликтах. По мнению Крячкиной, важными факторами, влияющими на эту политику Японии, являются обеспокоенность США, Японии и ряда других государств ростом влияния Китая, а также стремление японского руководства добиться более высокого положения страны в международных организациях, обеспечить ее энергетическую безопасность. Таким образом, общий контекст политики Японии способствует активизации ее силового компонента, что, вероятно, найдет отражение в дальнейших зарубежных миссиях Сил самообороны.

В выступлении *Катасоновой Е.Л.* (ИВ РАН) «*Япония и ее инструментарий «мягкой силы»*» была поднята тема использования Японией «мягкой силы» для продвижения в мире своих интересов. Она отметила, что автор термина «мягкая сила» Дж. Най приводит такие показатели успехов Японии с позиции «мягкого» измерения, как 1-е место в мире по оказанию помощи развивающимся странам и одно из лидирующих мест по количеству зарегистрированных патентов; 2-е — по продажам книг и музыки; 3-е место по затратам на научные исследования и т.д. В этом же ряду — самая большая в мире продолжительность жизни населения, а также тот немаловажный факт, что из 25 крупнейших в мире многонациональных корпораций три — «Тоёта», «Хонда» и «Сони» — принадлежат Японии. Но самый главный ресурс — это глобальное влияние в мире (и прежде всего в азиатских странах) японской поп-культуры, начиная с комиксов-*манга*, *анимэ*, кино, поп-музыки, моды, кухни и т.д. По мнению Катасоновой, путь к региональному лидерству в Азии в условиях усиления конкуренции между странами региона лежит, в том числе, и через использование «мягкой силы».

О.И. Казаков (ИДВ РАН) в выступлении «*Климатическая политика Японии после Великого бедствия на Востоке страны*» предложил выделить в климатической политике Японии три этапа, в зависимости от целей по сокращению выбросов парниковых газов (ПГ), в разное время заявленных Японией. Первый этап стартовал в декабре 1997 г., когда был принят Киотский протокол, по которому Япония взяла на себя обязательство сократить выбросы ПГ к 2020 г. по сравнению с базовым 1990 г. на 6%. Второй этап — в 2009 г., когда Юкио Хатояма выступил с «Инициативой Хатоямы» по сокращению ПГ на 25%. Третий этап — в 2013 г., когда Синдзо Абэ поставил задачу: добиться к 2020 г. сокращения ПГ на 3,8% по сравнению с объемом 2005 г., что фактически означает увеличение выбросов ПГ примерно на 3,1% по сравнению с 1990 г. В контексте развития российско-японских отношений было предложено провести встречи экспертов двух стран с целью выработать решения, направленные на прогресс в области достижения глобального соглашения, призванного противостоять изменению климата.

Тематическую секцию «*Региональные аспекты японской дипломатии*» открыло выступление *В.О. Кистанова* «*Территориальная дипломатия Абэ: проблемы и тенденции*». Япония сталкивается в отношениях с соседними странами с серьезными конфликтами вокруг спорных островов, что выводит территориальную проблему на первый план в ее внешней политике. Наиболее острым является спор с Китаем по поводу суверенитета над островами Сэнкаку (по-китайски — Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. За этим конфликтом стоят, прежде всего, экономические и стратегические интересы обеих стран. Главным гарантом своей военной безопасности и территориальной целостности Япония считает США, однако сам Вашингтон в отношении японского территориального спора с Китаем фактически занимает двойственную позицию: подчеркивая свой нейтралитет, США неоднократно заявляли, что указанные острова входят в сферу действия американо-японского договора безопасности. По мнению Кистанова, пока не ясно, сможет ли Абэ решить хоть один из территориальных споров, с которыми в настоящее время сталкивается Япония.

Ёсики Минэ (Canon Institute for Global Studies, Япония) выступил по теме «*Проблемы администрации Си Цзиньпина*» отметив, что в Китае и Южной Корее приблизительно в одно время сменилось руководство. В Японии также к власти вернулась ЛДП во главе с Синдзо Абэ, который имеет поддержку японского народа в своей внутренней политике, однако вызывает критику по поводу внешней политики. Докладчик остановился на нюансах взаимоотношений нового руководства Китая и Южной Кореи с новым японским руководством в контексте обострения территориальных споров вокруг островов Сэнкаку и роли в этих процессах США.

В выступлении «*Кризис вокруг островов Сэнкаку: образ Японии в Китае несёт потери*» *С.В. Чугров* (МГИМО) остановился на трудностях, с которыми столкнулась

Япония в связи с резким обострением спора вокруг островов Сэнкаку в 2012–2013 гг. По его мнению, это не причина, а следствие долгого развития негативных тенденций в двусторонних отношениях. Среди причин непонимания между нациями одного культурного ареала — общие культурные ценности, точнее, различия в их интерпретации сторонами, которые надо осознать, чтобы преодолеть недоверие. Самые спорные проблемы в японо-китайских отношениях — это вопрос «интерпретации истории» и оценка моральной ответственности Токио за ущерб, причиненный в ходе военных конфликтов, а главное — ритуал извинения. Также Чугров назвал Японский фонд ключевым агентом «мягкой силы» в культурных и научных обменах Японии со странами мирового сообщества.

Тему исторической ответственности развил В.А. Гринюк (ИДВ РАН) в выступлении «Проблемы исторической ответственности Японии в ее внешней политике». Вопросы, связанные с «исторической памятью» (территориальные споры, тенденциозное изложение материала в японских учебниках истории, *ианфу* — «женщины для утешения», демонстративные ритуальные посещения японскими политиками храма Ясукуни), вызывают осложнения прежде всего, в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова и Китаем. По мнению Гринюка, отсутствие у части японской политической элиты чувства исторической ответственности объясняется, в частности, тем, что после сентября 1945 г. американская оккупационная администрация в обстановке холодной войны не провела в Японии «демилитаризации» общественного сознания в такой мере, в какой была осуществлена денацификация в Германии. Стремление части политической элиты Японии играть на националистических настроениях избирателей создает трудности во внешней политике страны и мешает утверждению авторитета Японии как государства, провозгласившего в своей конституции отказ от применения военной силы в отношениях с другими государствами.

Хиротака Ватанабэ (Токийский университета иностранных языков, Япония) выступил на тему «Дипломатия Японии в Восточной Азии и японо-российские отношения», подняв вопрос о путях возвращения Японией своей экономической мощи. Он отметил проблемы, возникшие у стран JIB (Япония, Израиль, Великобритания) — верных союзников США, отношения с Соединенными Штатами у которых в последние годы ухудшились. Докладчик поставил вопрос о том, как действовать Японии в новых условиях многополярности, отметив, что самым важным для Японии остаются отношения с США. Премьер-министр Абэ в настоящее время продвигает во внешней политике дипломатию «активного пацифизма», однако японцы не позиционируют себя однозначным образом. По мнению Ватанабэ, Японии необходимо более активно продвигать японский тип мышления (включая японский язык) и тип действий, использовать технологии PR с целью завоевания страной лидирующих мест в мире.

Н.В. Стапран (МГИМО) в выступлении «Япония и Китай в борьбе за влияние в регионе Юго-Восточной Азии» отметила, что на фоне японо-китайского конфликта вокруг островов Сэнкаку обе страны постоянно находятся в поиске новых инвестиционных и торговых возможностей и источников сырья, поэтому Япония и Китай одновременно являются и крупнейшими экономическими партнерами, и главными конкурентами в борьбе за рынки АТР. Регион ЮВА уже не воспринимается в Японии исключительно в качестве удобной производственной базы, но может стать плацдармом новой системы безопасности, создание которой входит в стратегические планы администрации президента США Барака Обамы. Поэтому Япония прилагает значительные усилия в направлении консолидации американских союзников в Азии, апеллируя к ним как к истинным носителям демократических идеалов и ценностей. Учитывая, что в основе новой американской стратегии лежит фактор «сдерживания Китая», Стапран делает вывод, что японскими интересами в основном руководит одно желание: если не противодействовать, то хотя бы противопоставить себя растущему военному и экономическому влиянию Китая в регионе.

В выступлении *А.А. Киреевой* (МГИМО) «*Обострение территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяююйдао и японо-китайские отношения*» была рассмотрена трансформация японо-китайских отношений во время пребывания у власти ДПЯ (2009 — конец 2012 гг.) и нового кабинета ЛДП во главе с Абэ в контексте обострения территориального спора вокруг островов Сэнкаку. По мнению Киреевой, заявления лидеров Китая и Японии о необходимости предотвращения военного конфликта и поисков путей улучшения двухсторонних отношений оставляют надежду на то, что удастся избежать пессимистических сценариев развития событий вокруг островов Сэнкаку.

Тематическую секцию «*Проблемы глобального экономического лидерства Японии*» открыло выступление *И.Л. Тимониной* (ИСАА) «*Проблема позиционирования Японии в глобальном экономическом пространстве*». Из-за тенденции к снижению международной конкурентоспособности Японии, как и другие развитые страны, оказалась перед необходимостью поиска новых рыночных сегментов, где японские компании могут реализовать свой потенциал и добиться конкурентного преимущества на средне- и долгосрочную перспективу. На повестке дня в Японии несколько приоритетных направлений «альтернативного» экспорта (помимо продукции обрабатывающей промышленности): инфраструктурные проекты, системы и решения, «креативная» продукция (например, в рамках проекта Cool Japan), сельскохозяйственная продукция. Большим потенциалом для японских компаний обладает международный, в том числе азиатский, рынок эконбизнеса. По мнению Тимониной, от экспорта товаров Япония постепенно переходит к экспорту систем и решений, который тесно связан с политикой продвижения национального бренда «Япония», при этом активно используя «имиджевый капитал» страны.

Экономическая тематика была продолжена *И.П. Лебедевой* (ИВ РАН) в выступлении «*Япония в мировом промышленном производстве: новый формат лидерства*». Хотя позиции Японии в международных рейтингах, оценивающих конкурентоспособность и инновационный потенциал экономики, ухудшились, в отношении обрабатывающей промышленности положение выглядит иначе: по индексу конкурентоспособности промышленности, отражающему способность страны производить и экспортировать конкурентоспособную продукцию, Япония в течение последних 20 лет неизменно занимает 1-е место в мире. При сохранении прежних масштабов промышленной мощи Япония совершила резкий скачок с точки зрения технологического уровня производства, номенклатуры и качества промышленной продукции. По мнению Лебедевой, новый формат лидерства Японии: сохранение высококонкурентоспособной отечественной промышленности и удержание позиций в мировом производстве и экспорте с помощью зарубежных филиалов.

К.Э. Туаева (МИД России) в выступлении «*Экономическая дипломатия Японии: прежняя эстафета внешней политики в новом антураже (1990–2000-е годы)*» отметила, что для экономической дипломатии Японии 1990–2000-х годов характерно смещение акцентов с коммерческих целей на более широкий контекст, включающий элементы деятельности по наращиванию политико-дипломатической мощи страны на международной арене. В связи с этим для России особый интерес может представлять японская практика экономической дипломатии. К числу функциональных аспектов этой дипломатии относятся как хорошо отработанные Токио с точки зрения инструментария и подходов (официальная помощь развитию, международная торговая либерализация, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности), так и новаторские для Японии (санкционные меры, создание имиджа страны, продвижение инфраструктурных проектов за рубежом) направления экономической дипломатии.

В выступлении *И.С. Тихоцкой* (МГУ) «*О создании общества с устойчивым материальным циклом в Японии и соседних странах*» отмечалось, что Япония, с ее ограниченными территорией и ресурсами, представляет собой пример страны, где с давних пор прослеживается стремление к рециклированию ресурсов. В 1970 г. Япония приняла ос-

новополагающий закон Об управлении отходами и санитарно-гигиенической очистке общественных мест. В 2000 г. принят Основной закон об обществе с устойчивым материальным циклом, в основе концепции которого лежит известный принцип «3R» — reduce, reuse, recycle (т.е. сокращение объемов, повторное использование, переработка), после чего в Японии продолжалось совершенствование законодательства в сфере управления отходами. В Японии придают большое значение развитию международного сотрудничества в области борьбы с загрязнением окружающей среды и утилизации отходов. По мнению Тихоцкой, лидерство Японии в создании общества нового типа будет способствовать укреплению ее позиций и реализации амбиций в современном мире.

Такахаси Сэкияма (университет Мэйдзи, Япония) в выступлении «*Новое направление экономической деятельности Японии в Восточной Азии и его последствия для политики*» сделал вывод о том, что страны АСЕАН для Японии становятся более привлекательными, чем Китай, с которым у Японии в последние годы испортились отношения. При этом Япония перестала быть ключевым партнером для Китая, уступив эту роль США. По его мнению, эпоха быстрого развития японо-китайских отношений осталась в прошлом, тогда как в настоящее время эти отношения стабилизировались. Докладчик резюмировал, что экономические отношения продолжают развиваться и в случае плохих политических отношений, а уровень экономических отношений почти не влияет на уровень политических отношений. По мнению Сэкиямы, в отличие от японо-китайских и японо-южнокорейских отношений, в японо-российских отношениях нет взаимозависимости. И это ограничивает их развитие.

Тематическую секцию «*Экономическая и культурная стратегия Японии в АТР*» открыло выступление *Д.В. Сулова* (ИЭИ ДВО РАН) «*“Абэномика” и перспективы участия Японии в Транстихоокеанском экономическом партнерстве*». Важнейшим моментом является решение по вопросу полноценного присоединения Японии к соглашению о ТТП и Всестороннему региональному экономическому партнерству, а также двух- и трехсторонним соглашениям о свободной торговле в рамках «Большой тройки» стран Северо-Восточной Азии. По мнению Сулова, уже состоявшееся присоединение Японии к переговорам в рамках ТТП и другим форматам связано с известными рисками как для экономики страны в целом, так и ее внешними взаимодействиями с основными партнерами. Серия переговоров в 2013 г. в рамках различных форматов показала, что правительство Японии ведет дискуссии с соответствующими странами с точки зрения максимальной пользы для своих национальных интересов и что она примет независимое и взвешенное решение о полноценном включении в тот или иной интеграционный формат.

И.А. Носова в выступлении «*К вопросу об участии Японии в региональных интеграционных процессах на примере проекта СВАЗСТ*» отметила, что Япония рассматривает свое участие в переговорах по Зоне свободной торговли в Северо-Восточной Азии (СВАЗСТ), равно как и по другим крупным региональным проектам, в качестве очередного этапа реализации фундаментального курса, направленного на расширение собственной сети соглашений о зоне свободной торговли. Такой сценарий, по мнению Носовой, может свидетельствовать о том, что в Токио прогнозируют дальнейшее размывание многосторонней торговой системы и сопутствующее этому ослабление статуса ВТО как ее нормативно-правовой основы. Региональные переговоры в таких условиях становятся для японцев удобной и понятной альтернативой, а плюрилатеральные интеграционные проекты — инкубатором для выработки универсальных «правил игры» мировой торговли.

В выступлении *Е.Б. Ковригина* (университет Сэйнан гакуин, Япония) «*Эволюция японской официальной помощи развитию государствам Тихоокеанской Азии в XXI веке: новые цели, стимулы и барьеры*» была проанализирована эволюция японской официальной помощи развитию (ОПР, ODA) на примере стран ЮВА с 1950-х годов по настоящее время. Сегодня, отмечает Ковригин, особую остроту ситуации вокруг помощи ЮВА при-

дает растущая жесткая конкуренция за влияние со стороны Китая. Его валютные резервы позволяют оказывать практически неограниченное экономическое содействие региону. Для Японии сложность задачи заключается в том, чтобы «не потерять» Индокитай и всю ЮВА и в то же время минимизировать трения с Китаем, не дать разгореться пламени политического соперничества в регионе.

Д.А. Щербаков (ВШЭ) в выступлении «*Стратегия Японии в России по обеспечению своей энергетической безопасности после аварии на АЭС “Фукусима-1”*» отметил, что авария на АЭС «Фукусима-1» привела к снижению интереса японского общества к дальнейшему развитию атомной энергетики в Японии. В этой связи правительство Японии будет стремиться наращивать объемы поставок сжиженного природного газа (СПГ) и увеличивать его долю в балансе первичных энергоресурсов страны. По мнению Щербакова, стратегия Японии в энергетической сфере (как самого правительства, так и полугосударственных организаций — JOGMEC, JBIC, JETRO, — научно-исследовательских институтов и частных корпораций) последовательна и выражает ее заинтересованность в реализации на территории России новых инвестиционных проектов в нефтегазовой сфере. JOGMEC и частные японские корпорации в рамках подписанных соглашений и меморандумов уже осуществляют капиталовложения в строительство на территории России заводов по производству СПГ и нефтепродуктов.

В выступлении *А.Б. Буровой (ИВ РАН)* «*Япония и Индонезия. Совместные нефтегазовые проекты*» было рассмотрено взаимодействие Японии и Индонезии в нефтегазовой сфере. Выбор именно этих стран обусловлен высокой степенью их взаимозависимости — в Японию поставляется 43% экспортируемого Индонезией СПГ. Одновременно с этим в стране высокими темпами растет внутреннее потребление энергоресурсов, в особенности природного газа, поэтому вопрос сохранения объемов экспортных поставок стоит очень остро. По мнению Буровой, японо-индонезийские отношения имеют большой потенциал для дальнейшего развития.

В.В. Спиряков (ВШЭ) в выступлении «*Автомобилестроение как движущая сила взаимодействий Японии с миром*» рассказал о мировых рейтингах Японии, в которых страна представлена ее автомобильными гигантами. По мнению Спирякова, для внешнего мира Япония на данный момент является, в первую очередь, «страной автопрома», и это — тревожная тенденция, поскольку Япония оказывается на своего рода «автомобилестроительной игле».

В выступлении *Д.Н. Сениной (ИДВ РАН)* «*О возможности создания азиатской региональной валюты*» был сделан вывод о том, что в настоящее время ни японская иена, ни китайский юань, ни какая другая азиатская валюта, не сможет подобно евро стать региональной валютой. В то же время, по мнению Сениной, экономические проблемы Японии и амбиции Китая в будущем могут привести к созданию новой региональной валюты в Азии.

Следующую, 7-ю конференцию Ассоциации японоведов планируется провести в декабре 2014 г. на базе Института Дальнего Востока РАН.

Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй я луньтань) (КНР) за первое полугодие 2014 г.

№ 1

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чарльз Э. Моррисон (США). Повестка дня для международных политических институтов в СВА

Ли Син. О некоторых особенностях современного «треугольника» КНР—РФ—США

Чжоу Юншэн. Поворот в экономической дипломатии Японии и его последствия

Сюй Бу. О милитаристских особенностях США и их влиянии

Чжан Хуэйчжи, Юй Тин. Новые внешнеполитические инициативы правительства Пак Кын Хе в Северо-Восточной Азии

Чжу Хайянь. О стратегии «отказа Абэ от послевоенного мироустройства» как перспективе для внутренней политики Японии

ТЕКУЩИЕ СОБЫТИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ким Чер, Сон Хен Чер, Ли Сон Чер, Ки Чжон Хи, Ан Хек Кин, Ли Чжон Ан (КНДР). Обзор экономической ситуации в КНДР

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сян Вэйсин, Ян Лиин. Доллар как расчетная единица и его влияние на экономические отношения между Китаем и США

Сань Фэн, Чжан Сяолань. Спасет ли «абэномика» экономику Японии?

Пяо Интай, Цзинь Сяллань. Анализ экономических стимулов, ускоряющих продвижение правительством Пак Кын Хе соглашения с КНР о зоне свободной торговли

ИССЛЕДОВАНИЯ «ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Ван Чжиминь. Геополитическая ситуация на Юго-Западе и новая стратегия «южного шелкового пути»

Чжао Дунбо, Ли Ину. Исследование стратегии создания «нового шелкового пути», соединяющего Китай, Россию и страны Центральной Азии

Лю Чжичжун. Исследование проблемы создания зоны свободной торговли Китая со странами Центральной Азии на базе «нового шелкового пути»

О российском научном и общественно-политическом журнале «Проблемы Дальнего Востока»

№ 2

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Син Чун Сын (Республика Корея). Современное положение в Северо-Восточной Азии и отношения между РК и КНР

М. Александрова (РФ). Китайские инвестиции в России: современная ситуация, тенденции и направления развития

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чжу Сяньтин, Сунь Сюй, Ли Те, Юй Сяо, Чжан Юйшань. Обновляя концептуальное видение, углубляя модель всеобщего выигрыша, построить шелковый путь в Северо-Восточной Азии (дискуссионные заметки).

Ван Цянь, Хуан Жуй, Ван Тянь. Влияние американской политики «двойной экспансии» на инфляцию в Китае

Лю Бай. Контрмеры КНР в ответ на реорганизацию порядка в АТР путем насаждения Транстихоокеанского партнерства

Чэнь Шумэй, Чжао Лян. Путь регионального сотрудничества Восточной Азии в рамках новых перспектив межрегиональной интеграции. Почему РВЭП вместо ТТП?

Чжан Чжэн. Транстихоокеанское партнерство: вызов или стимул для экономического сотрудничества КНР, Японии и РК?

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чжоу Няньли, Хуан Нин. Об асимметрии политико-экономических отношений между Китаем и Россией и мерах по их преодолению

Ван Синсин, Юн Ки Су (Республика Корея). Изучение проблемы осведомленности современных граждан Республики Корея о Китае и китайско-корейских отношениях

Ван Вэйвэй. Логика альянса на основе гегемонии: постижение поведения США в игре между Китаем и Японией

ВЗГЛЯД НА ЯПОНИЮ

Цзинь Байсун. Генетический диагноз причин болезни японской экономики (Об эффективности экономической политики Абэ).

Ли Дун. Будущее энергетической политики Японии: в тени землетрясения и аварии на АЭС

№ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лю Цзянюн. Историческая канва дебатов вокруг островов Дяоюйдао и китайско-японские отношения

Люй Яодун. Об историческом характере проблемы китайско-японских конфликтов и раздоров

Лю Цинцай, Чжао Сюань. Стратегические соображения КНР и России о создании в АТР структуры безопасности и сотрудничества

ПУБЛИЧНАЯ И МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

Ван Ивэй. Как преодолеть полемические разногласия в публичной дипломатии Китая

Чжан Цзинцюань, Чжан Юйго, Ба Бяньцунь, Шэнь Хэ, Чжан Хуэйчжи, Ван Сяокэ, Сюй Бо, Гао Кэ. Новые идеи китайской многосторонней дипломатии и новые взгляды в изучении проблем Северо-Восточной Азии (дискуссионные заметки).

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Дэвид Эллс (США). Панорама сотрудничества в Северо-Восточной Азии: перспективы необычайно обнадеживают

Сюй Чуньсян. Содействие созданию зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей — единственный выбор региональной стратегии КНР в Азии.

Лю Гобин, Ту Юньхао. О связующей роли «шелкового пути» в СВА — Размышления о стратегии функционирования экспериментальной зоны международного сотрудничества Тумэньцзян (Хунчунь)

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Дэн Сянжун, Хан Сяньдун. Создание атмосферы доверия на Корейском полуострове: исторический фон, особенности и перспективы

Фан Гуаницунь, Ма Цян. Корректировка американской стратегии «перебалансировки» в АТР и экспорт идеологии.

Сюй Нин, Хуан Фэнчжи. Трудности «стратегической терпимости» — анализ политики администрации Обамы в отношении КНДР

Рецензии

Ху Аньган. Мозговые центры нового типа с китайской спецификой: взгляд Ху Аньгана [Чжунго тэсэ синьсин чжику: Ху Аньган дэ гуаньдянь] Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2014. 252 с.

Новая книга известного китайского ученого, почетного доктора ИДВ РАН Ху Аньгана¹ посвящена проблеме создания в Китае современных влиятельных мозговых центров. Внутри страны эта тема привлекла к себе повышенное внимание после того, как в апреле 2013 г. Си Цзиньпин дал указание создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой». Именно эта формулировка дала книге название, переведенное на обложке как «New Think Tank with Chinese Characteristics».

Китайский лидер распорядился поставить развитие мозговых центров на уровень высоты государственной стратегии и рассматривать их деятельность как важную составную часть «мягкой силы» государства. Иными словами, исследовательские структуры являются не только источником аналитических материалов для властей страны, но также инструментом влияния на общественное мнение за пределами Китая. Си Цзиньпин указал на «относительное отставание» развития китайских мозговых центров, которые должны играть более активную роль. Чтобы подчеркнуть новизну поставленных задач, партийно-государственный лидер призвал создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой», искать для них подходящие организационные формы и способы управления, укреплять механизмы их собственного развития ради того, чтобы они были в состоянии оказывать власти «высококачественную поддержку в научном принятии решений». Ху Аньган в своей книге отметил, что после выступления Си Цзиньпина китайские мозговые центры вступили в эпоху расцвета «ста цветов» и многообразия «ста школ» (С. 5).

В мае 2013 г. китайский вице-премьер Лю Яньдун выступила на совещании, посвя-

щенном созданию «мозговых центров нового типа». Она указала на их роль в обеспечении научно обоснованных и демократических решений партийной и государственной власти, в решении неотложных проблем развития, повышении «мягкой силы» Китая. Примечательно, что в этом выступлении было сказано о развитии мозговых центров как коммерческой отрасли (*чжику чаньэ*) и «создании рынка идей». В ноябре 2013 г. в постановлении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва была поставлена задача «усилить строительство мозговых центров нового типа с китайской спецификой, создать прочную систему консультирования при принятии решений»².

О важности «мыслительных центров» (*сысянку*) в Китае на официальном уровне говорили и прежде, однако в 2013 г. обсуждение проблемы стало комплексным и целенаправленным. Также следует обратить внимание на перемену в терминологии — использование *чжику* вместо *сысянку* подчеркивает накопление в исследовательских центрах «мудрости»-*чжи*, а не «идей»-*сысян*. Журнал «Ляован дунфан чжоукань», вынесший тему «мозговых центров» на обложку № 6 за 2014 г., заметил, что внимание со стороны руководства стало настолько значительным стимулом для развития этих структур, что 2013 г. называли «годом мозговых центров Китая». В СМИ появилось много рассуждений о том, каким образом китайские «мозговые центры» могли бы обрести собственное лицо и преодолеть отставание от аналогичных американских структур.

Исходной точкой книги Ху Аньгана стала история успеха Института изучения национальной специфики (*Гоцин яньцзю юань*) Университета Цинхуа — мозгового центра, ко-

торым ныне руководит сам ученый. С опорой на собственный опыт автор рассказал о том, как происходило развитие этой влиятельной исследовательской структуры, связанной с одним из наиболее известных и престижных высших учебных заведений страны. В аннотации отмечается, что обращенность к китайской реальности является главным отличием книги от увидевших свет в КНР многочисленных публикаций, рассказывающих о мозговых центрах США и других зарубежных стран.

Опыт работы исследовательского коллектива с участием Ху Аньгана насчитывает без малого три десятилетия — в 1986 г. появилась группа анализа национальной специфики АН Китая, в 2000 г. был создан совместный исследовательский центр АН Китая и Университета Цинхуа, в 2012 г. его статус был повышен до уровня исследовательского института. Большую известность обрел выпускаемый научным коллективом с февраля 1998 г. «Доклад о ситуации в стране» (*Гоцин баогао*). Ежегодно центр готовит десятки адресованных высшему руководству докладов, содержащих анализ китайских проблем и рекомендации по их решению. К концу 2013 г. общее число докладов составило около 1,3 тыс. Собрание «Гоцин баогао» за 1998–2011 гг. было опубликовано в 2012 г. — это солидное издание из 14 томов (27 книг), представляющее несомненный интерес для зарубежных исследователей современного Китая.

По мнению Ху Аньгана, аналитические центры должны органичным образом соединять функции «понимания Китая», то есть изучения страны, и «проектирования Китая», то есть формирования государственной политики (С. 4). Исследования должны носить независимый и опережающий характер, они должны быть специализированными, но при этом использовать знания из других областей. Приоритетными являются работы, нацеленные на решение крупных проблем, способных оказать существенное влияние на долгосрочное развитие Китая. Благодаря эффекту масштаба огромного государства хорошие предложения китайских мозговых центров приносят народу ощутимую пользу, способствуют прогрессу общества, делают государство сильнее и богаче (С. 45). На страницах книги автор не раз вспоминает программный лозунг Института изучения национальной специфики — «использовать

знания для народа, с помощью знаний служить государству» (*чжиши взй минь, чжиши бао го*).

Ученый заявил, что мозговые центры китайских университетов призваны выполнять роль соединяющего моста по трем направлениям. Во-первых, они служат мостом между научными и политическими кругами, предоставляют властям новые идеи и стратегические подходы, участвуют в обсуждении конкретных политических решений. Во-вторых, они соединяют политические круги с обществом, когда разъясняют обществу политику руководства и доводят до властей информацию о чаяниях общества. В-третьих, мозговые центры наводят мосты между Китаем и внешним миром, они представляют страну иностранцам, ведут с ними диалог (С. 23).

Концепция «мозгового центра нового типа» предполагает работу не только на внутреннем, но и на внешнем направлении. Повсеместное признание китайскими экспертами и властями недостаточности «мягкой силы» Китая трансформировалось в требование создавать «мозговые центры» с мировым авторитетом. Ху Аньган признал, что «в международном изучении современного Китая китайским ученым недостает права голоса, у них также нет обладающих влиянием научно-исследовательских структур» (С. 18). Одновременно мозговым центрам приходится бороться за «право голоса» внутри страны, где формируется общество со сложной структурой и многообразными идеями, зачастую сталкивающимися между собой.

По мнению автора книги, низкие позиции китайских структур в мировых рейтингах мозговых центров нельзя расценивать как негативную оценку их аналитической продукции. «Если смотреть в целом, то мы уступаем ведущим мировым мозговым центрам. Однако в исследовании проблем Китая совсем не нужно суеверно поклоняться западным мозговым центрам, мы являемся их соперниками в конкуренции, видим проблемы более четко, а они в своих суждениях о Китае и прогнозах будущего зачастую делают ошибку за ошибкой, ошибки появляются сотнями» (С. 42–43). Ху Аньган обвинил иностранцев в чрезмерном консерватизме в оценке экономических перспектив развития Китая, отметив, что сформулированные в прошлом западными исследователями прогно-

зы сильно отстали от нынешней реальности. У иностранцев следует продолжать учиться, и вместе с тем с ними нужно соперничать за «право слова» в обсуждении проблем современного Китая — ведь именно в этой сфере китайские исследователи имеют больше всего шансов продемонстрировать свои успехи зарубежным китаеводам.

Три основных раздела книги Ху Аньгана посвящены связи изучения национальной специфики с работой по развитию мозговых центров, современным китаеведением и подготовкой исследовательских кадров. В работе собраны многочисленные статьи, заметки и выступления ученого в СМИ. Ряд фрагментов носит автобиографический оттенок — автор вспоминает о детстве во времена «культурной революции», о своем стремлении к знаниям, шагах становления в качестве специалиста по проблемам современного Китая. Зарубежному читателю могут быть интересны, к примеру, рассказы Ху Аньгана о вкладе его центра в подготовку государственных планов пятилетнего развития.

Ученый поведал, что созданная при его участии книга «2030 Китай: шаги к совместному процветанию»³ появилась в процессе интеллектуального соперничества с группой экспертов Всемирного Банка, готовившей доклад «Китай 2030». По мнению Ху Аньгана, ключевыми особенностями работы «2030 Китай» стали выделение «всеобщего процветания» в качестве главной проблемы развития страны на ближайшие два десятилетия и предложение поработать над созданием к 2030 г. «мира великого единения» (*датун шицзе*). Он отметил, что одним из источников этой идеи выступает китайская традиционная культура — утопический идеал *датун* возник в древнем конфуцианстве. В современных условиях «мир великого единения» означает создание в Китае общества совместного процветания, уменьшение разрывов в уровне благосостояния между регионами и социальными слоями, совместное процветание Китая и мира, а также восстановление экологического баланса в отношениях человека и природы.

С другой стороны, источником научно-методологического вдохновения Ху Аньган назвал наследие Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Автор указывает, что созданные ими «иннова-

ции воззрений» (*гуаньянь чуансинь*) коренным образом изменили Китай: «Товарищ Мао Цзэдун является подлинным создателем и великим учителем исследования национальной специфики» (С. 61). Этот тезис занимает в книге заметное место, автор уделяет большое внимание проблемам изучения социальных противоречий и отношений в духе произведений Мао, часто вспоминает о его работе «Десять важнейших взаимоотношений».

Обращаясь к занявшему ныне центральное место в официальной идеологии лозунгу «китайской мечты», Ху Аньган называет Мао Цзэдуна первым создателем «китайской мечты». В 1956 г. она заключалась в стремлении превзойти США по производству стали за 60 лет, т.е. к 2016 г. По мнению исследователя, это было стратегическое предвидение. Мао исходил из того, что у Китая есть все предпосылки обогнать Америку — большая территория с запасами природных ресурсов, многочисленное население, а также более прогрессивный социалистический строй. Последующие нереалистичные заявления китайских властей о планах обогнать США за 15 лет, звучавшие в период «великого скачка», ученый объяснил влиянием на Мао Цзэдуна схожих планов советского лидера Н.С. Хрущева.

Ху Аньган смотрит в будущее Китая с оптимизмом⁴. Он полагает, что к 2030 г. ВВП страны будет в 2–2,2 раза выше, чем у США. В этом контексте ученый пояснил понятие «новая сверхдержава», которое вошло в название его работы, изданной не только в Китае, но и в Америке⁵. По его словам, это не дефиниция, а сочетание двух взаимно соприкасающихся характеристик. Прежде всего, если мы считаем США сверхдержавой, то после того, как Китай в недалеком будущем превзойдет Америку, данная характеристика будет относиться и к Китаю, «от этого не уйти» (С. 191). При этом другой важной характеристикой является «новизна» — Китай будет зрелой, разумной, ответственной и опирающейся на добродетель сверхдержавой, не отвергающей чужое и способной принять его.

Знакомство с книгой приводит к мысли о том, что политика активного развития мозговых центров способна повлечь за собой перемены в интеллектуальной жизни Китая. Институционализация аналитической работы ведет к то-

му, что известность ярких «публичных интеллектуалов» начинает увядать, а на первое место выходят имена влиятельных мозговых центров. Поскольку эти центры (в том числе негосударственные) конкурируют за внимание к своей продукции со стороны властей, занятые в этих структурах исследователи неизбежно тяготеют к мейнстриму. Добровольная стабилизация и консолидация интеллектуального пространства ведет к тому, что грань между «левыми» и «правыми» начинает размываться, на первое место выходит качество профессиональной деятельности, помноженное на способность продемонстрировать достоинства своей работы основному заказчику в лице государства.

Второе наблюдение связано с тем, что в книге неоднократно приводятся исчислимые показатели успешности исследователя — частота цитирования в базе китайских научных публикаций CNKI (China National Knowledge Infrastructure, кит.: *Чжунго чживан*), индекс Хирша, количество скачиваний авторских мате-

риалов из CNKI. В современной России в процессе реформы науки и образования этим сюжетам уделяется большое внимание. Китайский пример в изложении Ху Аньгана (по версии журнала «Жэньминь луньтань» ученый вошел в десятку крупнейших современных мыслителей Китая 2013 г.) подтверждает важность развития национальной наукометрии. Вместе с тем, он показывает, что влияние работы мозговых центров на формирование национальной стратегии не связано с индивидуальным уровнем присутствия их сотрудников в западных индексах. Это не означает курса на самоизоляцию, ученый не раз говорит о важности перевода исследований на иностранные языки и продвижения этих книг за рубежом. Дело это весьма затратное и трудоемкое. Но поставленная китайскими властями задача наращивания «мягкой силы» мозговых центров целенаправленно ориентирует ученых на увеличение влияния китайских идей на зарубежную аудиторию — и обещает им поддержку в этой работе.

*А. Ламанов,
доктор исторических наук*

1. *Борох О., Ламанов А.* Ху Аньган — почетный доктор ИДВ РАН // Пробл. Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 161–162.
2. Чжунгун чжуньян гуаньюй цюаньмянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда взньти дэ цзюэдин [Постановление ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 30.
3. *Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Синь.* 2030 Чжунго: майсян гунтун фуэй [2030 Китай: шаги к совместному процветанию]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. Подробнее о прогнозе Ху Аньгана на фоне других оценок развития Китая см.: *Портяков В.Я.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // Пробл. Дальнего Востока. 2013. №2. С. 57–66.
4. См., например: *Ху Аньган.* Разработка конечной цели основной стратегии Китая «богатый народ — сильное государство» // Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М.Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 60–79; *Ху Аньган.* Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Пробл. Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 34–57.
5. *Ху Аньган.* Чжунго 2020 — и гэ синь син чаоцзи даго [Китай 2020 — сверхдержава нового типа]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2012; *Hu Angang.* China in 2020: A New Type of Superpower. Washington: Brookings Institution, 2011.

Кузнецов Д.В. Китай в зеркале общественного мнения. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 443 с.

Рецензируемая книга Д.В. Кузнецова, изданная Благовещенским государственным педагогическим университетом, посвящена общественному мнению в мире о Китае в XX и в начале XXI вв.

Книга состоит из «Введения», где автор обосновывает актуальность выбранной им темы и кратко характеризует использованные им источники и литературу, а также из четырех глав, «Заключения» и «Примечаний».

Однако, перечисляя использованные работы российских и зарубежных авторов о Китае, Д.В. Кузнецов не дает оценок степени достоверности приводимых опросов общественного мнения, что, на наш взгляд, следовало бы сделать.

В главе I «Представления о Китае в массовом сознании и их эволюция в XX веке» главное внимание уделено общественному мнению в США, Западной Европе, Канаде, Австралии, Азии, Африке и Латинской Америке. В приложении к главе (С. 18) Д.В. Кузнецов констатирует, что за рамками его исследования осталось общественное мнение в СССР и странах Восточной Европы, однако не объясняет почему. Это представляется существенным недостатком книги. Приведенные в «Приложении» (С. 405–443) результаты социологического исследования в СССР, посвященного проблемам внешней политики (1968 г.) и ссылка на книгу А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках» (М.: АСТ, 2007) на странице 18 рецензируемой монографии не способствуют пониманию того, почему автор исключил общественное мнение СССР и стран Восточной Европы из своего анализа.

Что касается характеристик общественного мнения о Китае XX в. в других странах, то на основе собранного им большого фактического материала Д.В. Кузнецов справедливо отмечает его трансформации в США, странах Западной Европы и Австралии и отсутствие таких трансформаций в странах Азии, Африки и Латинской Америки. У жителей второй

группы стран, за исключением тех стран, которые расположены в непосредственной близости от Китая, он не вызывал особого интереса.

Общий вывод автора состоит в том, что к началу 2000-х годов, представители значительной части мировой общественности пришли к пониманию того, что КНР «играет важнейшую роль в мировой политике и экономике» (С. 94).

Рассматривая во второй главе (С. 96–266) Китай в зеркале мнения мировой общественности в 2000-е годы и уделяя в ней большое внимание России, Д.В. Кузнецов отмечает сохранение тенденций, наблюдавшихся к началу XXI в. Автор отводит важное место российскому общественному мнению, подчеркивая, что россияне демонстрируют в целом благоприятное отношение к Китаю: это выражается в существенном преобладании его положительных оценок над отрицательными.

Третью главу книги Д.В. Кузнецов посвящает месту, роли и политике КНР в международных отношениях в зеркале мнения китайской общественности в 2000-е годы. Он приходит к выводу о складывании «исключительно позитивного» имиджа Китая в самом китайском обществе, одобрении внешней политики КНР, наличии определенных антиамериканских взглядов, которые в основном относятся к сфере внешней политики США, выделении группы государств (США, Япония), представляющих определенную угрозу Китаю, положительном в целом образе России, возможности сотрудничества с международными организациями, способствующими решению актуальных проблем международных отношений.

В заключительной главе «Имидж Китая и политика в русле PR» (С. 357–378) показано стремление современного руководства КНР сформировать у мировой общественности «благоприятный образ Китая».

Д.В. Кузнецов рассматривает в своей книге определенные этапы деятельности китайских лидеров в этой области: выдвигение лозунга «мирного возвышения Китая», предложе-

ния по совместному построению «гармоничного мира», акцент на использование «мягкой силы» в процессе влияния на мировое общественное мнение. Наряду с китайскими материалами автор продуктивно использовал работы российских исследователей по данной проблематике — И.Я. Рожкова (МГИМО) и О.Н. Борох и А.В. Ломанова (ИДВ РАН).

По мнению автора, прослеживаются три направления в борьбе КНР за позитивное общественное мнение: использование глобальной сети Интернет, издание новой партийной газеты на английском языке, а также развитие и приобретение телесетей во всем мире (С. 366).

© 2014

Главное место проблеме, связанной с выдвиганием Китая в разряд ведущих государств мира, отведено и в «Заключении», хотя, возможно, в нем стоило бы уделить больше внимания подведению общих итогов проведенного исследования.

Рецензируемая книга, в которой собран большой материал об эволюции общественного мнения в отношении Китая в XX и в начале XXI вв., безусловно, будет полезна для студентов и преподавателей, занимающихся историей Китая и историей международных отношений, а также может вызвать интерес политологов и социологов при изучении ими процесса формирования общественного мнения.

А. Волохова,
кандидат исторических наук

Высоков М.С., Ищенко М.И. Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край». Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 789 с.

Осенью 2013 г. исполнилось двести лет со дня рождения русского мореплавателя, адмирала и исследователя Дальнего Востока Геннадия Ивановича Невельского (1813–1876). Заслуги Г.И. Невельского перед Россией не нуждаются в особом представлении. Его имя известно любому просвещенному россиянину. Летом 1849 г. экипаж «Байкала» под командованием Г.И. Невельского произвел опись берегов северной части Сахалина, осмотрел и изучил устье, а также лиман реки Амур, открыл пролив между островом и материком. Именно на основании доклада об этих исследованиях правительством было принято решение организовать торговлю с нивхами в низовьях Амура и занять пункт на берегу залива Счастья. Г.И. Невельским было основано Петровское зимовье, где впервые был поднят российский флаг и учрежден пост Николаевский.

Но в анналы истории России Г.И. Невельской вошел не только своими географическими открытиями. Будучи членом Морского ученого комитета, Г.И. Невельской разрабатывал инструкции для командиров кораблей, бороздящих просторы Тихого океана, редактировал статьи для «Морского сборника», писал оригинальные материалы («ответы», «замечания», «обзоры» и др.) в «Морской сборник» и «Вестник Европы», готовил научно-документальные воспоминания об Амурской экспедиции. После смерти адмирала его супруга — Екатерина Ивановна Невельская (1831–1879) в 1878 г. издала книгу «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край». Это и последующие переиздания книги Г.И. Невельского имели успех и были востребованы российскими читателями. Однако в советское время была утеряна небольшая часть текста первой публикации, в содержание книги Г.И. Невельского вкрались ошибки, неверные интерпретации, объяснения и толкования.

Подготовку десятого по счету издания книги Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край» взяли на себя историки М.С. Высоков и М.И. Ищенко. Новая публикация труда Г.И. Невельского сопровождается объемным научно-справочным пояснением, составившим второй том и представленным как наиболее обстоятельный комментарий к книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край».

Примечательно, что история комментирования книги Г.И. Невельского началась более ста лет назад, когда приглашенный в качестве редактора морской историк и педагог Василий Васильевич Вахтин (1841–1905) приступил к работе над рукописью. В распоряжение В.В. Вахтина были предоставлены шесть тетрадей, написанных рукой Г.И. Невельского, личный архив знаменитого мореплавателя. В момент подготовки первого издания книги была жива вдова Г.И. Невельского, а также участники и свидетели описываемых адмиралом событий: П.В. Казакевич (1811–1887), Н.М. Чихачев (1830–1917), Н.В. Рудановский (1819–1882), Я.И. Купреянов (1836–1906) и др. И именно В.В. Вахтиным была предпринята попытка первого комментария, выполненного в форме трех небольших примечаний. Последующее поколение историков, прежде всего Л.Г. Каманин и А.И. Алексеев, работая над книгой Г.И. Невельского, обратили внимание на различные географические объекты, многократно упоминаемые русским адмиралом, на те или иные события и факты русской истории Дальнего Востока конца 1840 — первой половины 1850-х годов. Однако значительный пласт имен, эпизодов остался вне поля внимания исследователей XX в. Целью работы М.С. Высокова и М.И. Ищенко стало создание историографии одной

книги — всех ее событий (ключевых и эпизодических, общих и частных), всех участников (от знаменитых мореплавателей до случайных героев повествования), всех пространств и времен, упоминания о которых в разных объемах обнаруживаются в труде Г.И. Невельского.

Выбранный М.С. Высоковым и М.И. Ищенко жанр исследования вполне логично реализуется в структуре работы, состоящей из обстоятельного введения, комментариев к тридцать одной главе книги Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России...», списков иллюстраций, сокращений и литературы, указателя имен.

Жанр комментария, как известно, предполагает одновременное наличие лаконичных, а иногда и обширных (когда того требует ситуация) толкований, часто определяет объем книги. М.С. Высоков и М.И. Ищенко при комментировании нашли исковую середину. При обнаружении в тексте книги Г.И. Невельского слов общеизвестных авторы ограничиваются краткой расшифровкой, но довольно подробно объясняют те части повествования Г.И. Невельского, которые относятся к существующим заблуждениям, историческим неточностям или элементарным ошибкам, вкравшимся во время работы над предыдущими изданиями книги адмирала.

Самой трудоемкой, но при этом привлекающей внимание будущих читателей книги, становится та часть, которая сконцентрирована на изображении портретов предшественников и современников Г.И. Невельского. Текст комментария содержит сведения о знаменитых русских мореплавателях (В.М. Головнин, Г.И. Давыдов, П.И. Рикорд, Н.К. Бошняк, А.П. Петров, Н.В. Буссе, В.А. Римский-Корсаков и др.), стремившихся, как и Г.И. Невельской, отразить и зафиксировать в различного рода литературе (исследовательской, официально-деловой, в воспоминаниях и письмах) свои представления о Дальнем Востоке в имперский период. Названы имена российских дипломатов, государственных деятелей (Н.Д. Венюкова, Ф.А. Головина, В.А. Мятлева, Н.П. Резанова, В.Я. Руперта и др.), в свое время отстаивавших интересы Российской империи. Вместе с этим, в комментарии выстраивается и богатый литературный материал (с одной стороны, благодаря упоминани-

ям о Н.А. Полевом и М.Ю. Лермонтове, цитатам из произведений И.А. Гончарова, с другой — вследствие отсылок к популярным во времена Г.И. Невельского эпистолярным зарисовкам, документально-художественным обзорам, дневниковым записям Г.А. Сарычева, Е.Ф. Канкрина и др.

Заметим, что «Комментарий...» будет интересен и зарубежным читателям. В книге М.С. Высокова и М.И. Ищенко есть сведения об исследованиях Сахалина и сопредельных с ним территорий японскими путешественниками Мацудой Дэнзюро и Мамией Риндзо, голландцем М.Г. Фрисом, а также экспедициями: французской — под командованием Ж.-Ф. Лаперуза и английской — во главе с В.Р. Броутоном. В отдельных фрагментах «Комментария...» содержатся увлекательные описания деятельности европейских миссионеров, в частности, французов Ж.Ф. Жербийона и М.-П. де ла Брюньера, португальца Т. Перейра.

Как и древние схолии, толкования и описания М.С. Высокова и М.И. Ищенко раздвигают фактические границы книги Г.И. Невельского и дают современным читателям максимально широкую панораму Дальнего Востока имперского периода. Авторы комментария предлагают различные «ключи» для современного прочтения «Подвигов русских морских офицеров на крайнем Востоке России...». Так, например, в «Комментарии...» обнаруживается подробная информация о кораблях военно-морского флота царской России (в первую очередь, «Байкал», на котором плавал Г.И. Невельской, а также «Аврора», «Император Николая I», «Камчатка», «Беллона», «Ингерманланд», «Шелихов» и др.), этнографические справки о коренных народах Сибири, Дальнего Востока и Америки (от широкоизвестных айнов, инуитов, негидальцев, алеутов, нанайцев, тунгусов до исчезнувших или малораспространенных этнических групп и иных общностей, — дауры, дучеры, мангуны, натки, самагиры и др.), рассказы об острогах (Нерчинском, Косогорском и др.).

Для полноценной характеристики современной Г.И. Невельскому эпохи в текст «Комментария...» включены исторические документы (например, русская, латинская, маньчжурская редакции «Нерчинского договора»). Важным представляется и знакомство читате-

лей с недоступными, неизданными (или изданными частично) материалами (например, «Историей Сибири» Г.Ф. Миллера).

М.С. Высоков и М.И. Ищенко расширяют содержательные границы «Комментария...» сопутствующими фактами, иногда не связанными прямо с деятельностью Амурской экспедиции, или не относящимся к истории Дальнего Востока (например, упоминания об Опиумной англо-китайской войне 1840–1842 гг.; описание Маньчжурии).

Эти и другие факты позволяют представить комментарий М.С. Высокова и М.И. Ищенко как «книги в книге». При этом под «книгами» подразумевается обращение авторов к раритетной, неперездававшейся научно-исследовательской, эпистолярной и иного рода литературе, а под «книгой» — непосредственно «Комментарий...» М. С. Высокова и М. И. Ищенко. Авторам нового, актуального и высоко современного «Комментария...» удастся выстроить на основе требующих толкования слов из произведения Г.И. Невельского единый научный «сюжет» и сделать тем самым комментирование по-своему увлекательным повествованием (которое, разумеется, рекомендуется читать вслед за книгой «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России...»). При этом отдельные толкования и расшифровки воспринимаются как оригинальные микро-, а иногда и макроповествования (как, например, история о трагической гибели католического миссионера М.-П. де ла Брюньера, убитого амурскими гиляками), толчок для создания которых был задан самим Г.И. Невельским. Во многом благодаря такому вдумчивому, серьезному комментированию выстраивается и портрет самого автора «Подвигов русских морских офицеров на крайнем Востоке России...» — пылкого патриота, неутомимого исследователя,

путешественника и первооткрывателя, энциклопедиста своего времени.

Работа М.С. Высокова и М.И. Ищенко использует широкий понятийно-терминологический ряд из разных научных дисциплин (географии, геологии, истории, культурологии, этнографии, филологии и др.) и бытовых сфер жизнедеятельности человека. Ведущими в книге Г.И. Невельского являются большие пласты собственно географической и корабельной лексики (которая, безусловно, требует специального комментирования, основательно проделанного М.С. Высоковым и М.И. Ищенко), а также этнографические сведения и информация о религиозной жизни коренных народов Сибири и Дальнего Востока. При комментировании иноязычных понятий и терминов используется оригинальное написание слов как на западно-европейских (прежде всего, на нидерландском, английском, немецком и др.), так и на восточных (китайском, корейском и японском) языках. Приводятся написания топонимов на языках народов Дальнего Востока, как-то: «Список названий реки Амур...» (не только на языке нанайцев, нивхов, негидальцев, эвенов и др., но и на разных диалектах китайского языка — около 20 вариантов, а также четырех словоупотреблений в японском языке). Такой материал, несомненно, будет оценен лингвистами.

«Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России...» Г.И. Невельского и в наши дни представляет большой интерес, однако книга русского адмирала практически неизвестна за рубежом — ни в англоязычных странах, ни на Востоке (в Китае, Корее, Японии). Вполне возможно, что новое издание работы Г.И. Невельского и полное научное комментирование М.С. Высокова и М.И. Ищенко будет иметь резонанс не только в российской, но и в зарубежной науке.

© 2014

Е. Иконникова,

доктор филологических наук

Т. Павлова,

аспирант Сахалинского государственного университета

Юбилей ученого

70-летие Владимира Александровича Гринюка

18 апреля 2014 г. отметил свое семидесятилетие ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии Владимир Александрович Гринюк.

Его альма-матер — Дальневосточный государственный университет во Владивостоке, куда он поступил в 1962 г. на отделение японской филологии после окончания средней школы в городе Находка. Это был первый набор после длительного перерыва с 1937 г., когда один из самых сильных в стране востоковедных факультетов — Восточный факультет ДВГУ был закрыт. Сегодня очевидно, что Владимир Александрович прошел одну из лучших востоковедных школ страны, которая продолжает оставаться такой и по сей день.

Трудовую деятельность после окончания университета в 1968 г. Владимир Александрович начал ассистентом кафедры японского языка ДВГУ. Спустя четыре месяца он был направлен в аспирантуру при Институте востоковедения АН СССР.

И здесь Владимир Александрович стал первопроходцем, первым аспирантом в московских НИИ из числа востоковедов — выпускников ДВГУ. Во время учебы в аспирантуре он был командирован в Японию для работы переводчиком на Всемирной выставке «Экспо-70». Эта поездка стала замечательной практикой, дала возможность познакомиться с Японией и собрать богатый материал для диссертации.

В марте 1973 г. после окончания аспирантуры Владимир Александрович защитил диссертацию на тему «Демократическое студенческое движение в Японии после Второй мировой войны (1945–1964 гг.)» и получил степень кандидата исторических наук. Позднее на эту же тему в Издательстве восточной литературы была издана первая монография Владимира Александровича.

Научная аналитическая работа нравилась Владимиру Александровичу, но судьба надолго «увела» его от занятий наукой. В 1973 г. ему была предложена интересная работа секретаря-переводчика московского собкора газеты «Акахата» — печатного органа компартии Японии.

За пять лет работы в корпункте «Акахаты» Владимир Александрович объехал весь Советский Союз, сопровождая корреспондента в его командировках. Эта деятельность многое дала для его становления как журналиста.

Трудолюбие, пунктуальность, хорошее знание японского языка Владимира Александровича были замечены кадровиками аппарата ЦК КПСС. В 1979 г. В. А. Гринюк был приглашен на работу младшим референтом в Международный отдел ЦК КПСС, а через год был направлен в Японию заместителем заведующего Бюро АПН в Токио. Наряду с подготовкой статей о Японии для советских изданий он занимался продвижением в японские СМИ материалов о Советском Союзе. Четырехлетняя журналистская командировка в Японию обогатила страноведческий багаж Владимира Александровича. Он был участником многих советско-японских форумов и деловых встреч. Его репортажи и заметки, публиковавшиеся в советских газетах и журналах, а также в прессе социалистических стран, способствовали развитию взаимопонимания между народами. Навсегда останутся в памяти такие эпизоды журналистской деятельности, как интервью у руководителя региональной организации японской мафии «якудза» для газеты «Гудок» или беседа с популярной японской певицей Аки Ясиро (этот материал был опубликован в газете «Собеседник»).

После возвращения в 1984 г. из Японии Владимир Александрович до 1989 г. работал инструктором Отдела международной информации и Отдела пропаганды ЦК КПСС. В этот период он заочно окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, в 1988 г. был принят в члены Союза журналистов СССР.

В 1989–1991 гг. В. А. Гринюк работал редактором-консультантом Главной редакции Азии АПН. В «смутные времена», когда запись в трудовой книжке о работе в ЦК КПСС расценивалась чуть ли не как «черная метка», Владимир Александрович нашел достойную и интересную работу, в чем помогли журналистская закалка и хорошее знание японского языка. С 1992 г. он был сотрудником московского бюро японских газет «Токио симбун» и «Тюнити симбун». При этом в бюро он не только выполнял переводческую работу, но и готовил авторские статьи на японском языке для публикации в этих японских изданиях. Работа была связана с поездками по странам бывшего Советского Союза. Были командировки в Чечню, Таджикистан, Абхазию и Нагорный Карабах. Статьи В.А. Гринюка помогали японским читателям составить верное представление о положении в России и СНГ в трудные для нашей страны годы.

В августе 2003 г. после долгого перерыва Владимир Александрович вернулся к научной работе, тяга к которой никогда не оставляла его. В Институте Дальнего Востока РАН в качестве предмета исследований он выбрал две основных темы — «Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова» и «Проблемы исторической ответственности Японии в ее внешней политике». За десять лет работы в ИДВ им подготовлено более 50 публикаций, в том числе десять статей были напечатаны в журналах, рецензируемых ВАК. В 2013 г. в германском издательстве Academic Lambert Publishing House была опубликована монография В.А. Гринюка «Проблемы корейской диаспоры в Японии». В настоящее время готовится к изданию объемная работа «Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова».

Что бы ни говорили о советском периоде нашей истории, Владимир Александрович на встречах с друзьями, в частных разговорах расценивает свой жизненный путь как пример действовавшего в СССР «социального лифта». Его родители — простые труженики, от которых он унаследовал трудолюбие, обязательность, честность. Оптимизм, умение видеть прекрасное в повседневной жизни характерны для Владимира Александровича. «Мне повезло, — говорит он, — окончить ВУЗ и аспирантуру, выполнять интересную и престижную работу. А еще посчастливилось родиться и провести детство и юность в красивейших местах Приморья». Тема малой Родины звучит в стихах Владимира Александровича, которые он иногда читает коллегам:

*Любой человек — Вселенная
С большим созидательным взрывом,
С точкой отсчета и вехами,
С системой координат.
У каждого — свое утро,
Первое озаренье,
Личный перечень памятных
И самых счастливых дат.*

*И мне никуда не деться
От ярких видений детства,
Без возвращений к истокам
Тускл и закат и восток.
В начале моем были сопки,
Ветер с привкусом соли,
И живописный остров
Со звучным названьем Аскольд.*

Жизнь В.А. Гринюка — пример гражданской ответственности, патриотизма, высокой требовательности, порядочности, доброжелательности и тактичности в отношениях с людьми.

Желаем Владимиру Александровичу крепкого здоровья, творческого долголетия, претворения в жизнь всего, что не успел сделать в юбилейный срок, счастья и благополучия.

*Дирекция и общественные организации ИДВ РАН,
коллектив Центра исследований Японии ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China about the New Stage of Relationship of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation

RUSSIAN SINOLOGY

M. Titarenko. On the Features of the Transformation in China and Russia (Dialogue with Yu Keping)
N. Mamaeva. Publication of Sources as a Feature of the Development of Historical Science about China in Russia (1990s — the Early 2000s)

POLITICS

A. Zhebin. DPRK: Unchanging Vector
A. Danilov. China and the Arctic

ECONOMY

V. Portyakov. Development of Shenzhen in the Context of Changing China's Economic Growth Model
Wei Liyan. "Xiamen Model": the Experience of Formation of Social Housing System in China
V. Balakin. Sino-Indian Conflict on Asian Integration

STATE AND SOCIETY

O. Pochagina. Changes in "One Family — One Child" Policy in China: Causes and Expected Results

HISTORY

S. Goncharov. Interview with I. Kovalev: Two Interpretations of the Facts of History
O. Emelyanova, D. Shcherbakov. The Role of Asia in the Development of Foreign Trade and Economic Growth in Japan in XVIII—XIX Centuries
A. Sharafedinova. The Establishment of the US-Korean Diplomatic Relations (1872–1885). Shufeldt's Mission
L. Perelomov. Era of Warring States Qin and Han (V c. BC — III c. AD) in the Fate of the Chinese Nation

CULTURE

Du Mingjing, Cao Zhongde. Literary Bridge Builders — on Popularization of Russian and Soviet Literature in China

SCIENTIFIC EVENTS

S. Uyanaev. The Third Indian-Russian Dialogue "For Peace and Regional Security"
O. Kazakov. On the Conference "Japan in Search of a New Global Role"
Contents of the Journal "Dongbei Longtan" (PRC) for the First Half of 2014

BOOK REVIEW

A. Lomanov. Think Tanks of New Type with Chinese Characteristics: Hu Angang Glance
A. Volokhova, D. Kuznetsov. China in the Mirror of Public Opinion
E. Ikonnikova, T. Pavlova, M. Vysokov, M. Ishchenko. Comment on the Book by G. Nevelsky. "Russian Naval Officers' Deeds of Valour in the Far East of Russia"

SCHOLAR JUBILEE

Vladimir Alexandrovich Grinyuk — 70 years

Summary

N. Mamaeva. Publication of Sources as a Feature of the Development of Historical Science about China in Russia (1990s — the Early 2000s).

The article presents an analysis of the documents and materials that provide new information about Chinese policy by Moscow authorities and the Comintern, describing the political situation in China in the first half of the XX Century through the prism of the development of the national liberation and communist movements. Set of documents considered is a significant contribution to the development of the Comintern research.

Key words: Republic of China, the national revolutionary movement, the Communist Party of China, Sun Yat-sen, the KMT, cooperation, Sino-Soviet relations.

A. Zhebin. DPRK: Unchanging Vector

The author analyzes the developments in North Korea after coming to power of the new leader Kim Jong-un, the changes that have occurred in its domestic and foreign policy. Much attention is paid to changes in the upper echelons of the leadership, including command of the armed forces. Attention is also paid to new developments in the approach by Pyongyang to nuclear issue on the Korean Peninsula. An overview of the DPRK's relations with China and Russia is provided.

Key words: North Korea, politics, army, nuclear issue, sanctions.

A. Danilov. China and the Arctic

The article discusses the growing importance of the Arctic region for China. The author shows that China's main interest in the Arctic is its energy and transport attractiveness. Analyzing the opinions of foreign and Chinese experts, he comes to the conclusion that China is in the stage of preparation of its Arctic strategy.

Key words: Arctic, China, the Northern Sea Route, China's interests in the Arctic.

V. Portyakov. Development of Shenzhen in the Context of Changing China's Economic Growth' Model

Along with the main national dimension, modern adjustment of the economic growth model in China has also its local dimension. This allows to track and analyze the course, features and performance adjustments made to the model of economic growth, not only at the central level, on the scale of the national economy as a whole, but also in specific regions. Significant interest in this context attracts the experience of economic development in Shenzhen in recent years. In the period of 2011–2013 it faced difficult conditions. Especially painful was the effect of deterioration of global economic conditions and increasing labor costs in China. At the same time, the prevailing situation has prompted city authorities to seek additional internal "endogenous" factors of economic growth.

As a result, the economic development of Shenzhen and practically implemented here in 2011–2013 the model of economic growth exhibit both similarities with all-over processes and trends, and the obvious "personal" characteristics. The article traced the main trends in the development of industry and services in Shenzhen in recent years.

Key words: China, Shenzhen, economic growth model, modern industry, the service sector, the main development trends.

Wei Liyan. "Xiamen Model": the Experience of Formation of Social Housing System in China

In preparation for the introduction in the PRC of social housing system a successful experiment was carried out in the coastal city of Xiamen, that had developed and tested the relevant project. The article, prepared with the support of the Youth Endowment for the Humanities and Social Sciences of the Ministry of Education of China (Xiamen University), is dedicated to the history and the most specific features of "Xiamen model".

Key words: China, Xiamen, social housing.

V. Balakin. Sino-Indian Conflict on Asian Integration

The problem of model selection for Asian integration today is worth more than ever. A special place in the regional integration belongs to geostrategic rivalry influence that China and India have increased over the past 30 years. Their vulnerabilities are multi-ethnic societies in both countries with constant conflict situations whose resolution requires caution.

Key words: China, India, Asian integration, regional rivalry, integration model.

O. Pochagina. Changes in "One Family — One Child " Policy in China: Causes and Expected Results

The article examines the complex political, economic and social reasons for the need to adjust the policy of "one family — one child in China." Changes in family planning policy are aimed to improve the sex and age structure of the population, to implement recommendations of demographers, sociologists, to meet the expectations of the population to promote the growth of domestic consumption, improve the country's image in the international arena.

Key words: China, family, population, birth control, aging, gender imbalance.

S. Goncharov. Interview with I. Kovalev: Two Interpretations of the Facts of History

The article by prominent Russian diplomat and scholar refuted distortion of historical truth, which appeared recently in Chinese scientific publications in relation to estimates of the interview by the former Soviet Party leadership representative in China I. Kovalev, which was published by FEA in the early 1990s.

Key words: I. Stalin, Mao Zedong, Gao Gan, Shi Zhe, Manchuria, China, the USSR.

O. Emelyanova, D. Shcherbakov. The Role of Asia in the Development of Foreign Trade and Economic Growth in Japan in XVIII–XIX Centuries

The authors analyze the processes of formation of Japan as an active participant in the international trade, reveal the development of export — import trade in Japan. The particular importance of the Asian market, which played a crucial role in the development of Japan as an exporter of finished products and in Japanese economy during the period since the "discovery of the country" up to the beginning of XX century are stressed.

Key words: trade, Japan, Asia, export, import, market, trade and production chains.

A. Sharafetdinova. Establishment of the US-Korean Diplomatic Relations (1872–1885). Shufeldt's Mission

Based on the analysis of the vast amount of documentary sources, the author attempts to assess the results of the "discovery" of Korea due to the signing of the US-Korean treaty in 1882. Sharing the views of domestic historians that this treaty was unequal, she still comes to the conclusion that it contained some good articles for Korea.

Key words: history of Korea, the US-Korea treaty, Far Eastern policy of the US, opening of Korea, Shufeldt, Embassy of Korea in the United States, the early period of the US-Korean relations.

L. Perelomov. Era of Warring States Qin and Han (V c. BC — III c. AD) in the Fate of the Chinese Nation. In Connection with the Publication of Volume II of "History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century"

The author, executive editor of the publication, in detail introduces its content. Warring States era under consideration, he says, had a crucial meaning for the formation and development of Chinese civilization, when the main state institutions, which provided stable development of China for thousands years ahead, were formed.

Key words: the era of the Warring States, Qin and Han dynasties, Legalism, Confucianism, "xiaokang", Qufu.

Du Mingjing, Cao Zhongde. Literary Bridge Builders — on Popularization of Russian and Soviet Literature in China

Main attention is paid to the role of Publishing House "Popular Literature " (Renmin wenxue chubanshe) distributing Russian and Soviet literature in China, which had a profound impact on several generations of Chinese people.

Key words: Russian literature in China, Publishing House "Popular Literature", Zhang Fusheng.

Мировицкая Раиса Анатольевна
23.09.1926 г. — 09.05.2014 г.

9 мая 2014 г. ушла из жизни известный отечественный китаевед, кандидат исторических наук Раиса Анатольевна Мировицкая.

После окончания исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и защиты кандидатской диссертации в Тихоокеанском институте АН СССР в 1953 г. Раиса Анатольевна поступила на работу в ФБОН АН СССР (ныне — ИНИОН РАН). С тех пор вся ее научная жизнь была неразрывно связана с Академией наук. Раиса Анатольевна — ветеран Института Дальнего Востока РАН, где работала со времени его основания.

Специалист широкого профиля, она сосредоточилась на важнейшем, приоритетном направлении отечественного китаеведения — изучении истории советско-китайских отношений.

Первая книга Р.А. Мировицкой «Движение в Китае за признание Советской России» (М., 1962 г.) была посвящена самому раннему этапу этих отношений. В первой половине 60-х гг. XX в. она, одна из первых исследователей истории помощи СССР китайскому революционному движению, обратилась к поиску и изучению архивных источников по этой проблематике. Результатом такой работы стало издание в 1967 г. книги одного из советских участников китайской революции М. Примакова «Записки волонтера. Гражданская война в Китае».

Труды Р.А. Мировицкой, а их у нее около 150, в том числе четыре монографии, основаны на архивных первоисточниках, что особенно повышает их научную ценность. На рубеже XX—XXI вв. Р.А. Мировицкая как один из наиболее высококвалифицированных специалистов по истории взаимоотношений нашей страны с Китаем перешла к воссозданию на документальной основе этого особого периода в их истории. Р.А. Мировицкая — основной создатель пяти томов документальной серии «Русско-китайские отношения в XX в.», «Советско-китайские отношения. 1931–1950 гг.». Этой работе она посвятила последние 20 лет своей трудовой жизни.

Признанный специалист в области новейшей истории Китая, истории наших взаимоотношений с ним Р.А. Мировицкая щедро делилась своими знаниями со всеми, кто обращался к ней за консультациями. Многие ее работы, в том числе документы из опубликованных сборников переведены и продолжают переводиться за рубежом.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока высоко оценивают вклад Р.А. Мировицкой в отечественное и мировое китаеведение.

Научная работа Р.А. Мировицкой была тесно связана с ее деятельностью в Обществе российско-китайской дружбы (ОСКД) со времени его основания в 1957 г.

Память о Раисе Анатольевне Мировицкой, этом прекрасном человеке, беззаветно преданном науке, навсегда останется в ее трудах и наших сердцах.

*Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 28.05.2014 г. Дата выхода в свет 20 чети. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 527 экз. Зак. 193. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.